

Замковая
Гора

С.И. Климовский

Замковая Гора в Киеве:

Пять тысяч лет

ИСТОРИИ

С.И. Климовский

Киев
«Стилос»
2005

ББК 63.3(4УКР)4
К49

Климовский С.И.

К49 Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории / Предисл. М.В. Поповича. – К.: Стилос, 2005. – 148 с.; 8 с. фото.

ISBN 966-8009-49-5

У книзі розглядається роль Замкової гори (Киселівки, Фролівської) в історії виникнення Києва. Автор вважає, що вона є літописною Хоревцею, проведення на якій археологічних досліджень дасть змогу вирішити коло питань, пов'язаних із уточненням часу й обставин перетворення гнізда протокиївських поселень у столицю давньої Русі. Значну увагу автор також приділив історії київського замку, що займав територію гори в епоху пізнього середньовіччя. Розглядаються питання, пов'язані з установленням дати його побудови та ролі в соціальній топографії Києва.

Для істориків, археологів, викладачів, музейних співробітників і краєзнавців, студентів і всіх, хто цікавиться історією Києва.

ББК 63.3(4УКР)4

ISBN 966-8009-49-5

© Климовский С., 2005

© «Стилос», издание, 2005

© Холошо Л., обложка, 2005

Передмова до книги С.М. Климовського «Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории»

До уваги читача пропонується книга про Замкову гору — один із визначних об'єктів історичного ландшафту міста Києва. Замкова гора належить до тих місцевостей, історія яких найтісніше пов'язана з історичною долею нації та навіть долею всього культурно-політичного регіону. Це означає, з одного боку, що «біографію» Замкової гори не можна зрозуміти, не з'ясувавши деталей і смислу всієї національної історії. А з іншого боку — смисл цілого відкривається лише через деталі, які ми, на жаль, надто часто ігноруємо, приносячи їх у жертву загальним більш-менш довільним історичним концепціям.

Автор книжки, Сергій Климовський, обрав незвичний жанр: він розповідає про історію, зосередившись на одному-єдиному географічному пункті, клаптику міської землі, який, так би мовити, бачив дуже і дуже багато. Тим самим історія набуває конкретності і стає просто-таки захоплюючою.

Переповідати зміст книги немає сенсу — її потрібно прочитати.

Слід зазначити, що автор, кваліфікований археолог за фахом і ерудований історик за науковими уподобаннями, запропонував

аргументовану та виважену працю, з оцінками і висновками якої можна сперечатися, лише маючи дуже серйозні докази. Я, однак, наважуся зробити два зауваження. Твердження автора про те, що належність зарубинецької археологічної культури до слов'янських культур не викликає сумнівів у істориків, м'яко кажучи, є перебільшенням. Слов'янська належність зарубинецьких племен є гіпотетичною, а В.В. Седов навів достатньо серйозні аргументи на користь західнобалтської атрибуції принаймні пізньозарубинецької культури. Впевнене зарахування зарубинецьких племен до слов'ян пересунуло б дату міграції слов'ян на Подніпров'я на кілька століть, що поки викликає великі сумніви. Було б краще, якби автор навів хоч короткі відомості про суперечки відносно появи слов'ян на нинішніх українських землях, щоб наукова складність проблеми та примітивність тверджень деяких політиків на кшталт «ми жили тут вічно» стали очевиднішими.

Автор не надто схильний вдаватися до філологічного аналізу, і як звичного до фактів археолога його можна зрозуміти. Проте поряд із поверховими спекуляціями є структурний аналіз міфологем, що спирається також і на сучасну структурно-лінгвістичну компаративістику. Мабуть, якби автор більше рахувався з результатами досліджень у галузі індоєвропеїстики, він зробив би аргументованіші висновки щодо міфологічної підоснови легенди про братів-засновників та їхню сестру, такої розповсюдженої в різних регіонах індоєвропейського світу (аж до співпадінь із вірменською легендою про братів Куара, Мелтея та Хореана). Сучасні спроби прив'язати літописні відомості до археологічних реалій так, як Шліман прив'язав свої розкопки до Гомера, нерідко тісно пов'язані з наївною вірою в буквальний смисл джерел. Тут проглядає наївне та поверхове аматорство, а є і озброєний сучасною технікою аналізу професіоналізм. Зрештою, автор формулює свою загальну позицію достатньо критично.

Нарешті, не лише про історичну ретроспективу, а й про перспективу. Диво Замкової гори полягає в тому, що вона досі стоїть посеред великого європейського міста, не зачеплена цивілізацією та майже не досліджена археологами. Замкова гора неначе чекає на ентузіастів, а дочекається може, що її затопить хвиля нещадного будівельного бізнесу. На гору прийде бульдозер, і всьому кінець.

Тому хотілось би, щоб запропонована Сергієм Климовським книжка зацікавила всіх патріотів нашого міста та нашого краю і стимулювала зусилля, спрямовані на благородну справу дослідження та захисту старовини, поєднану з сучасним облаштуванням дивом збереженого культурно-історичного ландшафту.

Мирослав Попович, академік НАН України

Предисловие

Среди киевских гор, плотно застроенных и обжитых, сплошным зеленым массивом летом и отсутствием каких-либо строений выделяется гора, возвышающаяся над Подолом к северу от Старокиевской горы, которой она не уступает по высоте. На нее можно подняться по металлической лестнице с Андреевского спуска либо с улицы Фроловской по разбитой старой лестнице. В 1990 г. существовал еще и третий подъем на гору возле Житнего рынка, совпадавший с древнейшей дорогой сюда, но сейчас, после строительства здесь опорной стены, он стал почти недоступным.

В разное время гора носила различные названия. Вероятно, наиболее древним является название Хоревица, связанное с одним из летописных братьев-основателей Киева. Однако после разорения Киева в 1240 г. войсками хана Батыя оно было забыто. С XIV в. и до середины XVII в. гору именовали Замковой, поскольку именно здесь возвышался киевский замок, бывший долгое время одной из крупнейших крепостей не только в Приднепровье, но и в Великом княжестве Литовском, в состав которого тогда входила Украина.

С 1646 г. ее все чаще начинают называть Киселевкой, по имени последнего польского воеводы Киева Адама Киселя, построившего здесь свой великолепный особняк. Все это время замок был официальной резиденцией киевских воевод и символом государственной власти в городе. Здесь же дважды останавливался и имел раду со своими полковниками Богдан-Зиновий Хмельницкий. С середины XVII в. Киселевка запустела и в 1840 г. ее передали под

кладбище Фроловскому женскому монастырю, от которого и пошло новое название горы.

СВ археологическом плане Замковая гора является уникальным для Киева памятником, где находятся объекты от трипольской культуры, существовавшей в III тысячелетии до нашей эры и до позднего средневековья. Культурные слои горы хранят ответы на многие вопросы, в том числе и связанные с историей возникновения

Вид Замковой горы в середине XX в.

Киева. Однако, несмотря на свое богатое прошлое, значение Замковой горы в истории Киева все еще не оценено должным образом, и даже не предпринимались серьезные попытки его исследовать.

Обобщить всю имеющуюся на сегодня в распоряжении исследователя информацию по истории Замковой горы и привлечь внимание широкой общественности к проекту восстановления киевского замка и открытия Музея «Замковая гора» и является задачей этой книги.

Замковая гора и древнейшие поселения в историческом центре Киева

Замковая гора представляет собою останец, отделенный древним размывом от соседнего плато Старокиевской горы, который образовался в четвертичный период. Высота горы над уровнем современной улицы Верхний Вал достигает 50 м и около 80 м над уровнем Днепра. Площадь горы по верхнему краю приближается к 2 га. В древности она, очевидно, была несколько больше, но уменьшилась из-за оползней, происходивших в XVI в. Случаи оползней с Замковой горы были зафиксированы в 1524, 1552 и 1570 гг., но затем они полностью прекратились.

Такое резкое снижение эрозивных процессов было напрямую связано с требованиями обороны, поскольку с конца XIV в. всю площадь горы занимал замок, и власти регулярно заставляли горожан выкашивать ее склоны, чтобы высокая растительность не мешала обзору и обстрелу при штурме. Этим работам придавалось столь высокое значение, что они были включены в официальный список повинностей киевлян. Но с конца XVII в. угроза нападения практически была исключена, и склоны выкашивать перестали. С этого момента исчезают и упоминания об оползнях. Склоны горы задерновались и, вероятно, покрылись кустарником, а внутри укреплений замка, судя по его изображению на рисунке 1651 г., даже росли деревья.

Таким образом, оползневые процессы, имевшие место в более раннее время, прекратились к XVII в. Это подтверждается и тем

фактом, что вдоль наиболее отвесного западного склона горы, обращенного к урочищу Гончары, дважды в ходе раскопок были обнаружены остатки деревянных срубов оборонительной стены замка. Следовательно, эрозионные процессы в древности здесь были малоактивны и общая площадь горы за это время серьезно не уменьшилась.

Высокая и труднодоступная со всех сторон, имевшая достаточно большую площадь, Замковая гора была удобным местом для возникновения крупных поселений уже в эпоху меди. Именно к этому времени и относятся первые следы ее освоения человеком. Связаны они с носителями трипольской археологической культуры, одной из древнейших и высокоразвитых цивилизаций Европы и Средиземноморья, существовавших в IV—III тысячелетиях до нашей эры

О высоком уровне ее развития свидетельствует существование на территории Украины огромных поселений трипольцев, так называемых протогородов, площадью в 200—450 га, таких как Добрыводы, Майданецкое, Тальянки и другие. На Майданецком поселении, как полагают исследователи, одновременно существовали более 1 500 домов. Для сравнения заметим, что в Киеве 1622 г. насчитывалось 1 750 домов, и он входил в число крупных городов позднесредневековой Украины. Сопоставляя эти цифры, надо учесть, что вся трипольская цивилизация базировалась на развитой каменной индустрии, а малочисленные орудия труда из меди играли лишь вспомогательную роль.

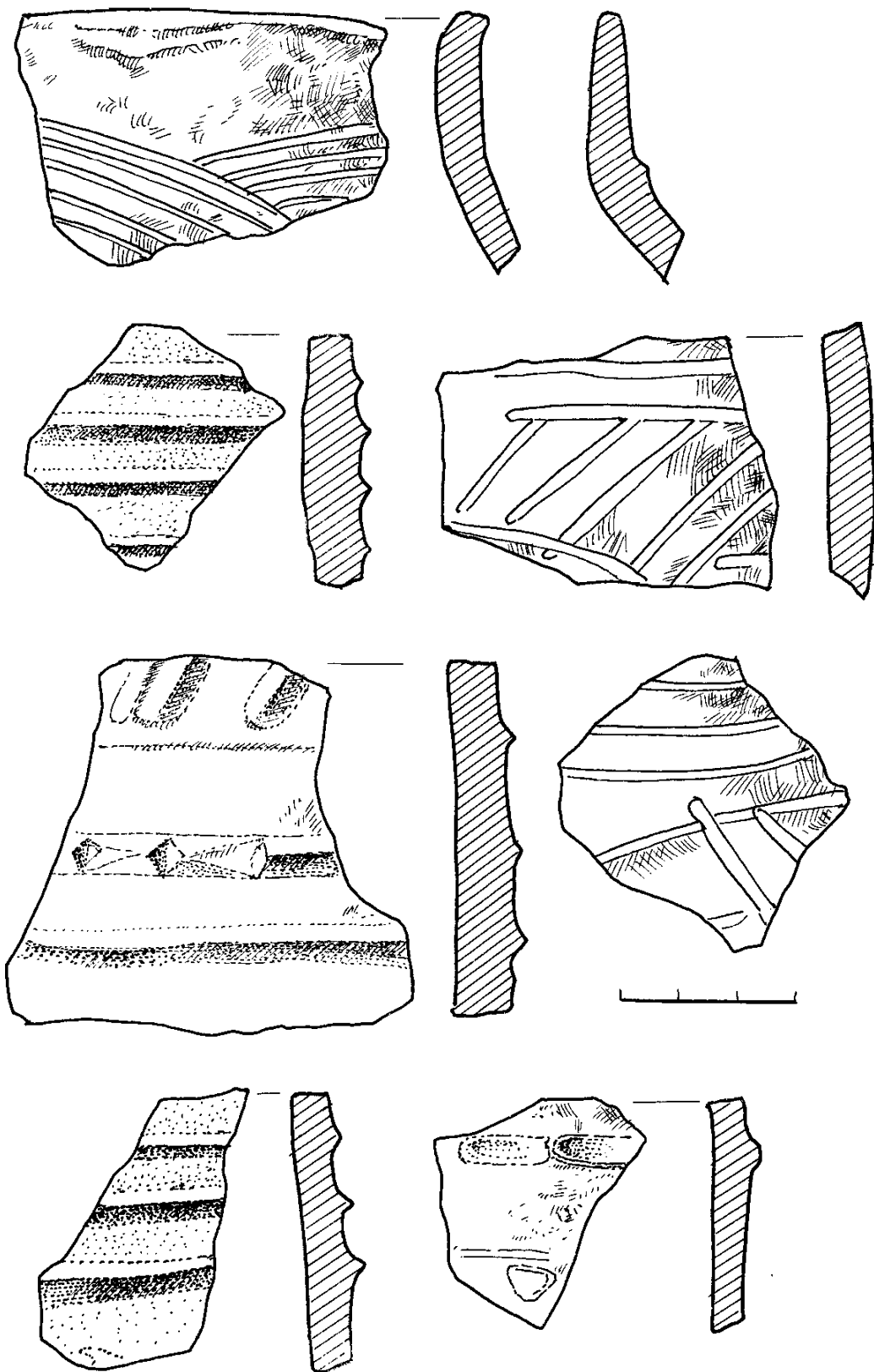
Основной ареал распространения трипольской культуры охватывает часть территории современной Румынии, Молдову и юго-западный регион Украины. Киевщина пять тысяч лет назад представляла собой северную периферийную область, освоенную трипольцами на последнем этапе существования их как социальной общности, поэтому здесь отсутствуют столь большие «протогорода», как на юго-западе Украины. Но именно здесь обнаружены укрепленные городища, что свидетельствует о существовании военной угрозы для их жителей со стороны соседей.

Одно из таких городищ расположено и в историческом центре Киева. Ядро его находится на Старокиевской горе в районе Львовской площади. Здесь по ул. Стретинской, 10, нами в 1996 г. были обнаружены и прослежены его укрепления на протяжении 45 м, а также выявлено место одного из въездов на поселение. Отдельные находки материалов и объектов трипольской культуры на Львовской площади и прилегающих к ней улицах фиксировались и ранее М.Ю. Брайчевским и В.А. Круцом¹.

К сожалению, точные размеры данного поселения установить крайне сложно, так как этот район сейчас плотно застроен, а древние культурные слои здесь сильно повреждены более поздними перекопами. Очевидно, оно занимало и северный склон Старокиевской горы, о чем свидетельствует обнаружение построек трипольской культуры по ул. Б. Житомирской, 20. Здесь же нами в 2002 г. были найдены оригинальные керамические изделия, которые, по мнению Е.В. Цвек, являются подставками алтаря. Таким образом, площадь городища могла достигать около 3 га и оно, вероятно, было центральным среди других поселений, находившихся на соседних горах.

Материалы трипольской культуры в разное время находили на Печерске, Сырце и Замковой горе, что указывает на существование здесь поселений в III тысячелетии до н. э. Характерная трипольская керамика не раз встречалась и при раскопках на Замковой горе в заполнении более поздних объектов. Поскольку раскопки здесь проводились небольшими площадями вдоль склона горы, то сами постройки выявить не удавалось. Лишь в 1999 г. нам посчастливилось обнаружить на западном крае горы трипольскую землянку. Как выглядело трипольское поселение на Замковой горе и в каком соотношении оно находилось с большим городищем на соседней Старокиевской горе, позволят выяснить только будущие раскопки. Но уже сейчас с уверенностью можно констатировать, что природные и топографические условия центра Киева и пять тысяч лет назад были благоприятными для возникновения здесь крупных протогородских образований.

Керамика эпохи бронзы

Под натиском воинственных соседей и в силу каких-то внутренних, еще четко не определенных исследователями, причин трипольская цивилизация прекратила свое существование, и территорию современного Киева заняли скотоводческо-земледельческие племена эпохи бронзы. Отдельные предметы, свидетельствующие об их пребывании здесь, встречаются на Замковой горе, но пока не выявлены на соседних с ней горах. Возможно, ее заселению способствовало обособленное положение горы, изолированной ов-

Керамический светильник античного времени с Замковой горы

рагами от других киевских возвышенностей и превращенной природой в естественную крепость. Отдельные немногочисленные находки фрагментов посуды тшинецкой культуры и культуры многоваликовой керамики пока не позволяют установить, были поселения на Замковой горе в эпоху бронзы временными или существ-

вовали достаточно длительный период.

В V в. до н. э. население Среднего Поднепровья вступило в эпоху железа. Первоначально изделия из железа поступали из Северного Причерноморья через скифов, но вскоре местные жители начинают изготавливать их самостоятельно из болотной руды. В этот период Среднее Поднепровье было занято племенами чернолесской и подгорцевской культур. В историческом центре Киева места скопления материалов подгорцевской культуры, указывающие на возможность существования здесь небольших поселений, зафиксированы только в двух местах. Одно — на территории Киево-Печерской лавры, другое — на Замковой горе. С поселения на Замковой горе происходит интереснейшая находка керамического светильника, аналогичного тем, которые изготавливали в Ольвии в IV—III вв. до н. э. Этот светильник является пока единственной древнейшей

находкой на территории Киева, подтверждающей давность связей местных жителей с античным миром.

Судя по столь малому количеству поселений в зоне ядра будущего города в V—III вв. до н. э., население здесь, как и в предыдущую эпоху бронзы, оставалось незначительным. Вероятно, проживание здесь в близком соседстве с воинственными скифскими племенами было небезопасным, о чем свидетельствует специфика находимых на киевских высотах вещей этого времени: коротких мечей-акинаков, наконечников стрел и характерных скифских украшений — бронзовых гвоздевидных булавок.

Плотность населения в историческом ядре Киева, заметно снизившаяся после ухода отсюда трипольцев, вновь резко возрастает лишь со II в. до н. э., что было вызвано освоением этого региона племенами зарубинецкой культуры. В правобережной части современного Киева на сегодня разведано 12 зарубинецких поселений². Скорее всего, их было гораздо больше, но интенсивная застройка новых районов быстрорастущей столицы Украины без должного археологического обследования не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. К сожалению, все известные зарубинецкие поселения уже находятся в зоне плотной городской застройки и практически недоступны для исследования. Единственное исключение составляет поселение на Замковой горе.

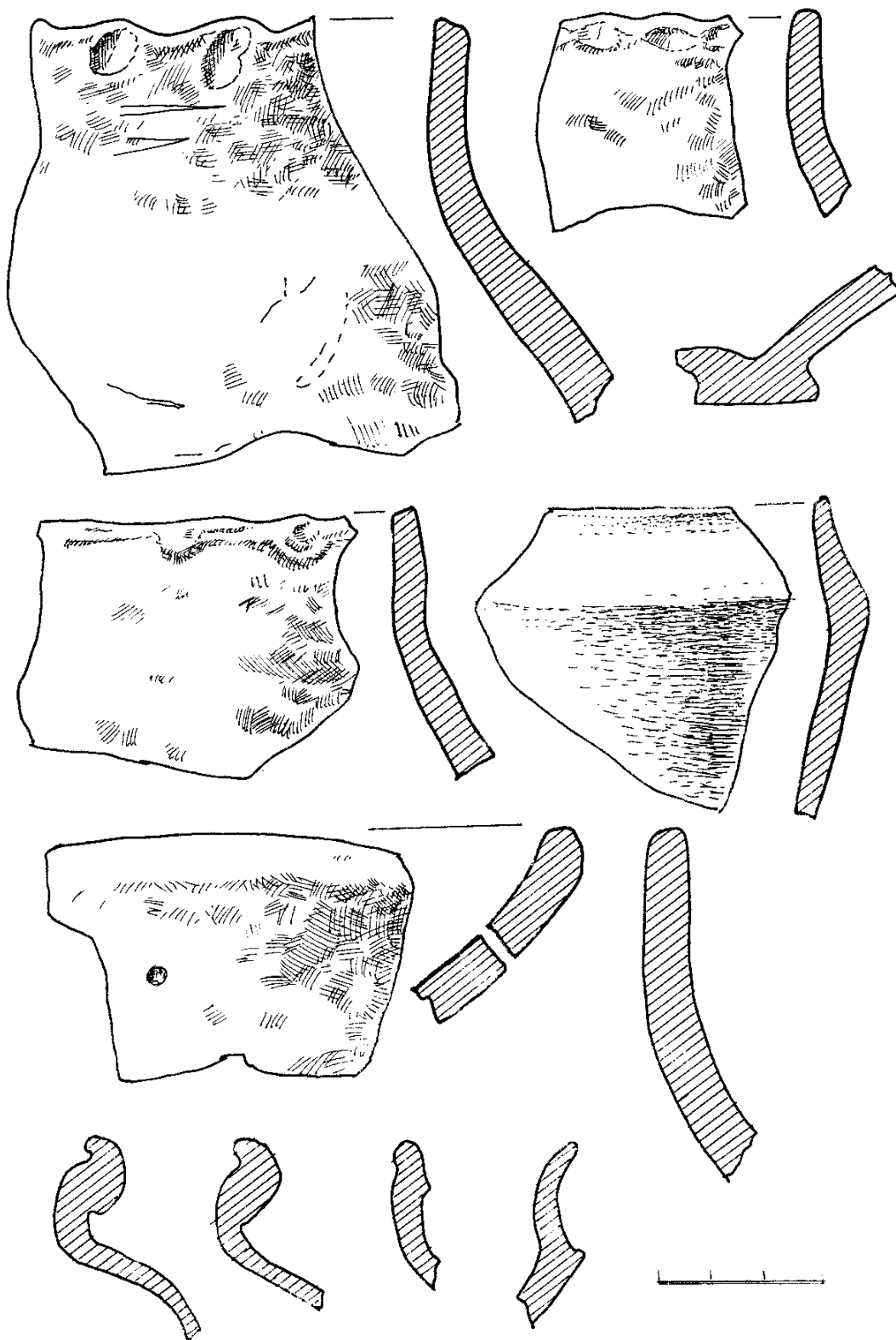
Важно, что зарубинецкая культура является первой из археологических культур, принадлежность которой к славянам не вызывает сомнений у историков. Столь высокая концентрация ее поселений на территории будущего Киева однозначно указывает на очень древнее вхождение этой земли в состав славянской ойкумены.

Находки зарубинецких материалов на Замковой горе достаточно многочисленны и разнообразны. Большую часть из них традиционно составляют различные виды кухонной и столовой посуды. Обе эти категории посуды существенно отличаются друг от друга. Кухонные горшки, миски и сковородки грубо вылеплены вручную из плохо отмученной глины, содержащей большое количество

крупных примесей в виде песка и шамота. Столовая посуда также изготовлялась путем лепки, но из хорошо вымешанной глины без крупных включений, а ее стенки тщательно отполировали до блеска костяными лоцилами. В результате такой обработки сосуды после обжига с задымлением приобретали ровный черный или темно-коричневый цвет и, вероятно, внешним видом напоминали своим владельцам дорогую импортную посуду, ввозившуюся из греческих городов Причерноморья.

К своей кухонной утвари зарубинцы относились бережно. Если сосуд начинал трескаться, то его ремонтировали. Для этого в его стенках сверлили отверстия, через них пропускали веревку, которой и стягивали сосуд. Безусловно, хранить в нем уже было можно только сыпучие продукты. Стенки миски со следами такого ремонта были обнаружены нами в 1999 г. в шурфе № 8. Иногда из стенок битой посуды изготовлялись пряслица, использовавшиеся как грузики к веретену для выделки пряжи.

При раскопках 1940 г. на горе была найдена двуствольная ручка античной амфоры, хорошо датируемая рубежом нашей эры. Еще одна такая ручка была обнаружена нами при раскопках в 1999 г. Особый интерес представляет сообщение М.Ю. Брайчевского о находке в 1946–1950 гг. на горе медной римской монеты времен республики — асса, чеканенного в 200 г. до н. э. Спурием Афранием³. На лицевой стороне монеты изображен двуликий Янус, на оборотной — нос корабля. Находки подобных монет в землях восточных славян крайне редки. Эти материалы, как и находка на Старокиевской горе уникального медальона с изображением головы человека в зубчатой короне, а также обнаружение в разных частях Киева пяти кладов римских монет III–IV вв. и других предметом античного производства, убедительно свидетельствуют о расширении контактов населения Киевщины с греко-римской цивилизацией на рубеже и в начале нашей эры. В целом, как доказано Е.В. Максимовым, после освоения Среднего Поднепровья племенами зарубинецкой культуры связь этого регион с античным

Керамика зарубинецкой культуры

миром становится более интенсивной по сравнению с предыдущим временем⁴.

Длительное время на горе, несмотря на обилие находок вещей зарубинецкой культуры, ни разу не удавалось обнаружить собственно самих построек, хотя количество материала убедительно указывало на их существование. Только в 1999 г. нами в центральной части Замковой горы впервые были найдены жилище этого времени с открытым очагом и хозяйственная яма. Фрагменты зарубинецкой посуды и глиняные пряслица здесь также повсеместно встречались в большом количестве в предматериковом слое и засыпке объектов более позднего времени.

Обнаружение постройки и хозяйственной ямы однозначно подтверждает факт существования зарубинецкого поселения на Замковой горе, а находки материалов в разных ее частях дают возможность утверждать, что поселение было достаточно большим и занимало всю площадь горы. Очевидно, по своим размерам и значению оно не уступало укрепленному зарубинецкому городищу на соседней горе Юрковице. Однако точно установить размеры и уровень социального статуса зарубинецкого поселения Замковой горы позволяют только ее стационарные раскопки.

Поскольку древнейшие славянские поселения на Замковой горе и Юрковице находятся в центре исторического ядра города и окружены еще десятью зарубинецкими поселениями, то археологом И.М. Самойловским уже в 1961 г. было высказано мнение о том, что на их базе в ходе эволюции затем и возник Киев. Но он был категорически против считать датой основания города I в. н. э.⁵ Вскоре такой подход поддержали и другие исследователи⁶. Тем самым, Замковая гора уже с начала нашей эры тесно связана с историей возникновения Киева.

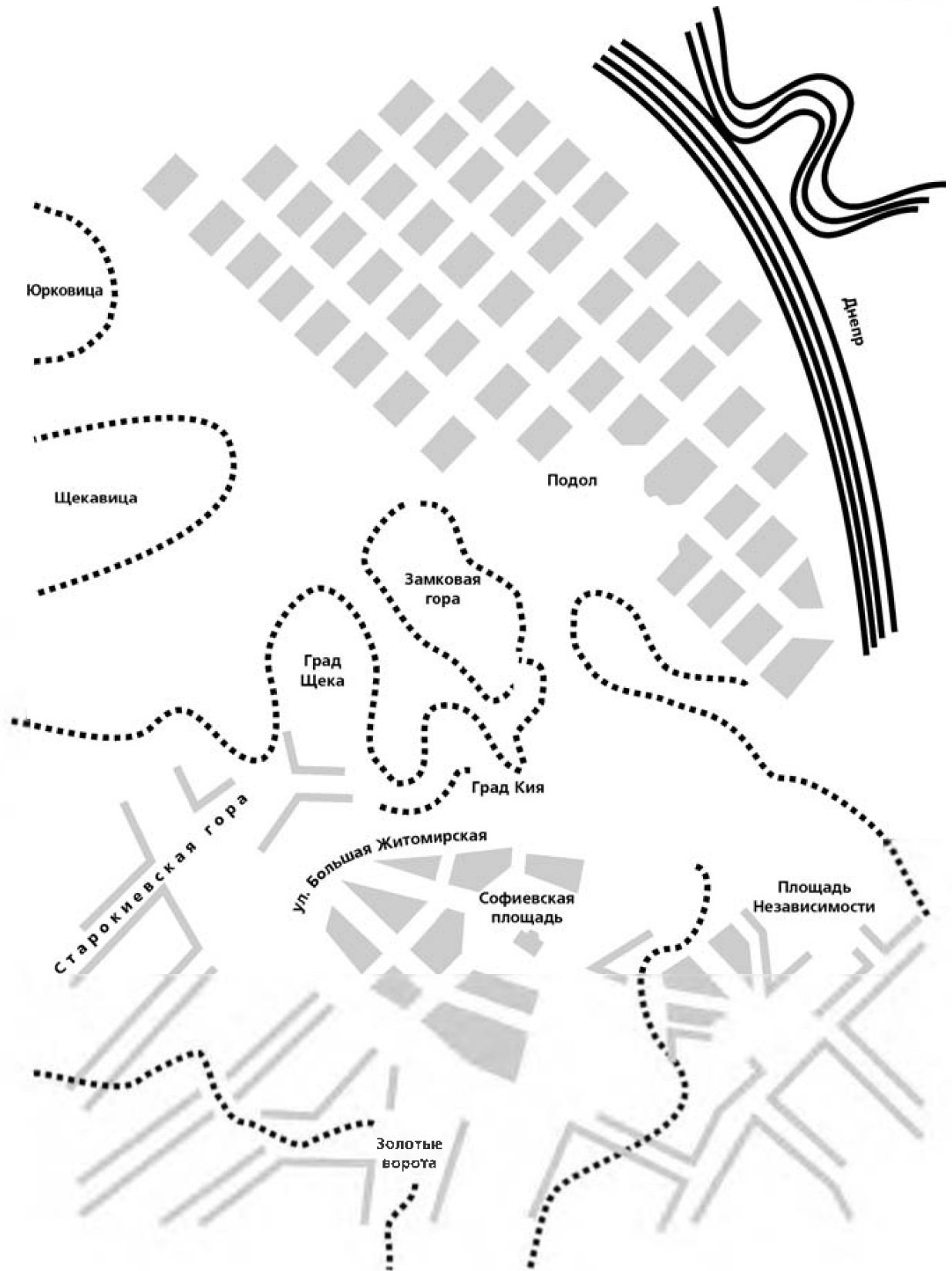

Где искать летописную Хоревницу?

Древнейшее название горы до появления в XIV в. наименования Замковой до сих пор остается окончательно не установленным. Некоторые исследователи в разное время высказывали мнение, что ее следует отождествлять с летописной Хоревницей, но пока оно так и не стало общепризнанным. Для выяснения этого вопроса необходимо обратиться к летописному рассказу «Повести временных лет» об основании Киева тремя братьями, где единственный раз в русских летописях и упоминается Хоревница. Приведем этот, уже ставший хрестоматийным, фрагмент текста: «Сѣдѣше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревница. И сотвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ»⁷.

Итак, из него следует, что каждый из братьев «сидел» отдельно и лишь затем они сообща возвели еще один, четвертый, град в честь старшего Кия. Следовательно, во времена Кия были не три, как обычно считают, а четыре отдельных поселения. Но этот ключевой момент часто упускался из поля зрения, и велся поиск трех поселений на трех горах. Первым, кто по-настоящему оценил его важность, стал Б.А. Рыбаков, отмечавший, что первоначально существовали три поселения, скорее всего неукрепленные, и лишь затем был сооружен четвертый укрепленный град⁸.

С горой, где «сидел» Кий, благодаря упоминанию Боричева спуска, сначала особых сложностей не возникало. С ней связывали северную часть Старокиевской горы, и открытие городища

Карта-схема исторического центра Киева

в усадьбе Национального музея истории Украины вроде бы полностью подтверждало это.

Локализация Щекавицы тоже, казалось, не вызывала проблем. Еще М.Ф. Берлинский и М.А. Максимович заметили, что киевляне конца XVIII в. — начала XIX в. называли «Скавикой», или «Скавицей», отрог Лукьяновского плато, идущий от Подольского автовокзала вдоль ул. Глубочицкой. Оба сочли это искаженным временем Щекавицей и отождествили с летописной горой⁹. Из научной литературы название Щекавица перешло на рубеже XIX—XX вв. в путеводители, затем в обиход и полностью вытеснило Скавику, прочно закрепившись за горой, где сейчас проходят ул. Олеговская и Лукьяновская.

Однако словообразующий ряд Скавика — летописная Шкавица-Шьковиця, как доказывает А.П. Толочко, далеко не безупречен¹⁰. Отметим, что актовые документы XVI—XVII вв., написанные на польском, называют гору Щекавицей, а Скавика фиксируется пока не ранее 1658 г. и только в донесении русского воеводы Дмитрия Шереметьева. Не возникло ли оно под влиянием переселенцев из России?

Относительно территории, на которую распространялось название Щекавица, то Н.И. Петров уже в 1897 г., опираясь на древнерусские летописи и документы XVI—XVII вв., установил, что изначально так называлась вся гряда гор от Львовской площади (Кудрявца) и до горы Юрковицы, а не только указанный отрог¹¹. Сегодня его аргументация подтверждена и дополнена другими исследователями¹². Окончательное разделение общего для всей этой территории имени Щекавица произошло лишь в XVIII в., когда этот район был плотно застроен, и возникла необходимость в появлении собственных названий для его отдельных частей. Таким образом, почти любая точка в этом пространстве, а не только нынешняя Щекавица, может претендовать на место поселения Щека.

Локализация третьей горы — Хоревицы, осложнена тем, что она упомянута летописью лишь один раз, а в топонимике Киева

это название не сохранилось. С легкой руки польского историка XVI в. М. Стрыйковского в отечественные исторические сочинения XVII в. вошло мнение, что Хоревица — это современный Вышгород¹³. Его придерживались Берлинский и Максимович¹⁴. Но затем стала смущать уж больно значительная удаленность Вышгорода от места событий, и В.Г. Ляскоронский в 1913 г. пробует доказать, что Вышгород и Хоревица — это Замковая гора в Киеве¹⁵. Его аргументация вызывала серьезные сомнения, но сама идея Замковой горы как Хоревицы казалась правдоподобной, так как возвращала ее в центр Киева. Впоследствии ее придерживались Брайчевский, А.Г. Шовкопляс и часть других исследователей¹⁶.

Иную локализацию Хоревицы в 1884 г. предложил В.Б. Антонович. В 1870 гг. им на горе Юрковице, когда-то возвышавшейся над современным подольским пивзаводом, и известной также как Лысая гора, были замечены остатки земляного вала. В 1876 г. при земляных работах в усадьбе купца Марра, расположенной под горой, раскапывая ее склон «нашли *большую полость*, наполненную огромным количеством костей — мужских, женских и детских... всего до 4000 черепов». В 1863 г. здесь же обнаружили клад из 194 серебряных арабских монет. В 1845 г. клад медных арабских монет был найден возле Кирилловского монастыря. Из всего этого Антонович сделал вывод, что Юрковица и прилегающий район в VIII—IX вв. представляли собой многолюдный и торговый центр города, а саму гору отождествил с Хоревицей¹⁷. Позднее его горячо поддержал Петров¹⁸. Но вывод был сделан без раскопок самой Юрковицы и оказался ошибочным.

К тому же Антонович неправильно датировал и оба клада. Клад 1863 г. был сокрыт не в VIII в., а не раньше середины X в., а клад, найденный возле Кирилловского монастыря, вообще уникален и точной датировке не поддается, поскольку содержал не только арабские монеты X в., но и монеты Золотой орды, чеканенные в 1253—1254 гг. Это редчайший случай находки в XIII в. клада X в. и затем повторного сокрытия какой-то его части.

Впервые раскопки на Юрковице произвел в 1878 г. Т.В. Кибальчич и обнаружил на ней вместо богатого городища Хорива древнерусский курганный могильник IX—X вв. В 1899 и 1903 гг. на Юрковице были раскопаны еще несколько погребений¹⁹.

В 1960 г. Юрковица интенсивно срывалась карьером кирпичного завода при добыче спондиловой глины. В связи с этим Е.В. Максимов с 7 июня по 15 июля 1965 г. провел здесь охранные раскопки, к началу которых сохранялось еще около 2,4 тыс. м² горы. Им было установлено, что Юрковицу в VIII — первой половине IX вв. до н. э. занимало поселение чернолесской культуры, во II—I вв. до н. э. городище зарубинецкой культуры, а в X в. гора использовалась под кладбище²⁰.

Вал, отнесенный Антоновичем и Петровым к IX—X вв., оказалось, был насыпан на тысячу лет раньше и окружал не древнерусское, а зарубинецкое городище. Это доказывали следующие факты. Вал перекрывал три хозяйственные ямы чернолесской культуры, но под ним не было ни одного зарубинецкого объекта. В его насыпи встречалась только чернолесская керамика и отсутствовала зарубинецкая, хотя на горе был мощный и богатый материалом слой этого времени. Если бы вал действительно насыпали в IX—X вв., то он должен был бы содержать зарубинецкую керамику и перекрывать постройки и другие объекты этой культуры, но они отсутствовали. Из этого Максимов сделал единственно возможный и верный вывод, что вал соорудили во II—I вв. до н. э.²¹

Культурный слой, характерный для древнерусских городищ, на Юрковице тоже отсутствовал. Найденные здесь около 5 тыс. предметов принадлежали зарубинецкому, а не древнерусскому времени. На достаточно большой площади горы в 2,4 тыс. м² было обнаружено всего лишь одно жилище, отнесенное к IX—X вв.²²

Таким образом, раскопки однозначно показали, что никакого укрепленного городища на Юрковице в VIII—IX вв. не было. Более того, в это время почти всю гору занимал могильник, который никак не мог существовать одновременно с поселением. В допол-

нение к десятку погребений, раскопанных в XIX в., в 1965 г. их было открыто еще 14. Насыпи этого курганного могильника были видимы еще в 1701 г. Их упоминает отчет межевой комиссии, разграничивавшей владения магистрата и Кирилловского монастыря: «От того потоку (Юрков ручей. — К. С.) изъ монастыра паненского Юрданского, проводили насъ зъездомъ Лисой гори оны панове майстратовыи Киевскии, на горы, до могилокъ, против тогожь монастыря»²³.

Итак, Юрковицу в IX—X вв. занимало не городище, а могильник, который, скорее всего, функционировал и позднее. Следовательно, вариант Юрковицы в качестве Хоревицы приходится полностью исключить. В 1972 г. к гипотезе Юрковицы как Хоревицы вновь вернулся П.П. Толочко, не добавив, однако, новых весомых аргументов в ее пользу²⁴.

Таким образом, версия о Замковой горе как Хоревице остается единственной. Но возникает вопрос, почему в топонимике Киева название Хоревица не сохранилось?

Очевидно, после опустошения в 1240 г. Батыем города Хоревица запустела, а потому исчезла и необходимость в самом названии, которое стало забываться. После строительства на ней в конце XIV в. замка новое название окончательно и бесследно вытеснило ее более древнее. Аналогичная ситуация имела место и в XVII в., после того как замок разрушился, гору до середины XIX в. обычно именовали Киселевкой, а название Замковая сохранилось лишь благодаря историкам. Вывести из оборота название Киселевка в XIX в. активно пытались монахини Фроловского монастыря, под разраставшееся кладбище которого гора была передана в 1840 г. К подобным акциям киевские монастыри прибегали не раз. Так, в XVII в. Кирилловский монастырь переименовал озеро Долгое, современный каскад озер Опечень, в Кирилловское, чтобы впоследствии ни у кого не возникало сомнений, кто является извечным его владельцем.

Продолжая поиск мест поселения трех летописных братьев, целесообразно обратиться к рельефу Старокиевской горы.

В древности Старокиевская гора, как показали археологические исследования, имела не столь ровный и удобный для передвижения вид, как сейчас, а представляла собой плато, сильно расчлененное оврагами и ложбинами на отдельные горки, являющиеся его отрогами.

В самом центре ее, возле Софийского собора, во дворе домов по ул. Владимирской, 20—22, находилась ложбина, глубина которой колебалась от 5 до 6,5 м, а ширина варьировала от 37 до 70 м²⁵. Насколько можно судить, она продолжалась до ул. Стрелецкой и здесь, вероятно, переходила в овраг, заканчивающийся где-то возле Сенного базара. Сравнительно неглубокий овраг, из которого вытекал ручей, называемый некоторыми киевоведомы Киянкой, начинался на месте нынешнего здания банка «Украина» по ул. Б. Житомирской, 11, и выходил к склону Старокиевской горы возле урочища Гончары²⁶. В XVII в. он уже был засыпан московскими стрельцами, но еще некоторое время беспокоил киевских воевод своими постоянными просадками.

Глубокий овраг начинался на месте памятника княгине Ольге и тянулся к верхней станции фуникулера. В XVII в. выход из него перекрывался крепостной стеной, в которой существовала калитка. Дорога к ней шла по ложбине оврага. Окончательно он был засыпан лишь в XIX в. От конца Михайловского переулкa в сторону Хрещатика тянулся Ирининской овраг, неоднократно упоминаемый документами XVI—XVII вв.²⁷ Параллельно ему, по трассе улиц Прорезной и Аллы Тарасовой, шли еще два больших оврага. И это далеко не полный перечень оврагов, прорезавших гору.

Итак, Старокиевская гора была глубоко расчленена оврагами, образывавшими по ее краям несколько мысовидных отрогов. Если учесть, что от соседней Печерской горы ее отделяет огромная Хрещатицкая долина, также высоко расположенная над уровнем Днепра, а с Лукьяновским плато гора связана узким перешейком, то в древности восприятие этой территории как целой горной страны было более отчетливо, чем сегодня. Именно так ее отдель-

ные отроги и воспринимали еще в XVI—XIX вв., давая им самостоятельные названия: гора Уздыхальница (Андреевская гора), Михайловская гора, Воловья гора. (Под названием Воловья гора на плане Киева 1836 г. обозначен отрог за Домом торговли на Львовской площади.) Если такая практика существовала еще в XVI—XIX вв., то тем более она имела место и раньше.

Поскольку Щекавицей с древнерусского времени и до XVIII в. называли участок Старокиевской горы от Львовской площади и часть Лукьяновского плато, то место «сидения» Щека должно находиться где-то в этом районе, а не на современной Щекавице. Примечательно, что в ряде летописных изводов XV в., как заметил А.П. Толочко, прямо пишется, что Кий жил с родом своим на горе, где узвоз Боричев, а Щек — на другой стороне этой же горы, которая ныне зовется Щекавица²⁸.

Определенные основания для размещения града Щека в этом районе дают и данные археологии. В 2003 г. раскопками И.И. Мовчана и А.А. Козловского по ул. Артема, 12, был обнаружен оборонительный ров с частоколом, прослеженные на расстояние 38 м. Их трасса проходила параллельно ул. Артема. Глубина рва составляла 1 м, ширина — от 3,5 до 4,6 м. Очевидно, продолжение этих укреплений было выявлено и нами в 2004 г. по Кудрявскому спуску, 3. Таким образом, они окружали на Кудрявце довольно обширный участок горы с прилегающим к нему мысом, общая площадь которого могла достигать более 2 га. По своему расположению, размерам и типу укреплений, ров с частоколом, эта огороженная территория является городищем, а не укрепленной усадьбой.

Здесь были обнаружены культурный слой, жилища и хозяйственные объекты X—XI вв. Достаточно многочисленные находки фрагментов ранней гончарной керамики уверенно позволяют отнести время возникновения этого городища к первой половине — середине X в. Дата прекращения его существования приходится на середину XI в. Именно в это время, судя по вещевым материалам, был засыпан ров и сгорели постройки, находившиеся на участке

по Кудрявскому спуску, 3. Причиной пожара, скорее всего, стало военное столкновение, следами которого на пожарище являются находки 6 наконечников стрел на небольшой площади размерами всего около 200 м². Об интенсивности и значительной продолжительности жизни на городище свидетельствует толщина культурного слоя X—XI вв., достигавшего 50 см.

После пожара и разрушения городища жизнь на нем возобновилась в существенно меньшем масштабе. На участке по Кудрявскому спуску на площади 300 м² отсутствовали не только слои и объекты XII в., но не было даже найдено ни одного фрагмента керамики этого времени. На значительно большей площади около 800 м² по ул. Артема, 12, этот период представлен всего лишь 2 хозяйственными ямами XII в., что более чем скромно, особенно если учесть, что в это время данная территория представляла собой западное предместье разросшегося киевского детинца.

Время возникновения городища по археологическим данным — первая половина X в., несколько условно и с определенной долей основания может быть скорректировано к концу IX в., поскольку именно тогда восточные славяне овладели гончарным кругом, а на территории Киева это произошло раньше, чем в ряде других мест. Тем самым время возникновения описанного городища на Кудрявце достаточно близко к дате основания Киева, содержащейся в северорусских летописях, и оно вполне может рассматриваться как место «сидения» Щека. Однако однозначно решить вопрос, является ли оно градом Щека, возможно только при дальнейших археологических исследованиях его территории, хотя и плотно занятой застройкой, а также путем сопоставления их данных с результатами раскопок Замковой горы.

Для продолжения дальнейшего поиска мест «сидений» летописных братьев и установления времени возникновения Киева необходимо более детально остановиться на проблеме достоверности самого сообщения «Повести временных лет» об основании города.

Можно ли верить «Повести временных лет»?

Историки XVII—XVIII вв., почти без оговорок верившие древним текстам, в том не сомневались. С развитием в XIX в. теории критики источников его стали расценивать как эпонимный миф, появившийся в связи со стремлением древних киевлян найти объяснение происхождению названий гор и реки, обстоятельства возникновения которых им уже были неясны. Вскоре возникает третья точка зрения, рассматривающая его как литературное, полуэпическое, отражение давнего реального события, — образования города из трех отдельных поселений. Тем самым историчность братьев или, по крайней мере, самого Кия, как считал Б.А. Рыбаков, вполне допустима, хотя и не обязательно, что в реальной жизни они действительно были братьями²⁹. Последняя точка зрения сегодня доминирует среди историков.

Если не считать рассказ полностью выдумкой летописца и реальное событие все же имело место, хотя, как не раз отмечалось, в истории ряда городов, начиная с Ромула и Рема, есть подобные сюжеты, то встает вопрос: когда оно происходило? Его решение вызвало многочисленную литературу, обстоятельный обзорный анализ которой сделал ныне покойный Я.Е. Боровский³⁰.

Ответ на этот вопрос осложнен тем, что рассказ находится в недатированной части «Повести временных лет». Это позволяет поместить его в довольно широком диапазоне до призыва варягов на Русь в 862 г. В то же время четыре источника называют точные даты этого события.

Во-первых, это 1-я Новгородская и 2-я Псковская летописи, помещающие рассказ под 854 г. Под близким 852 г. он значится и в летописном списке Археографической комиссии. Некоторые историки считают, что эти даты были внесены в летописи в XI—XII вв. по указанию бояр Новгородской республики, стремившихся исторически обосновать ее независимость от Киева. На этом предположении эти даты ими и отрицаются.

Другую точную дату — 430 г., приводит М. Стрыйковский. Но его сообщение всерьез не принимается, так как он не был современником события, а источники, откуда им взята эта дата, если такие и существовали, неизвестны.

Проблема датировки имеет и гносеологический аспект. Условно его можно назвать основание или возникновение, либо акт или процесс. Первый вариант предполагает, что город кем-то основывается. Это могут быть как отдельные личности, например Александр Македонский, заложивший несколько городов с именем Александрия, так и стихийно сложившиеся коллективы поселенцев.

Второй вариант предполагает, что город возникает из одного или нескольких издавна расположенных рядом селений, рост числа жителей которых приводит к появлению города как социальной единицы качественно другого уровня. Фактически различие между двумя вариантами заключается в том, что в первом появлении города воспринимается сознанием как единовременный акт закладного камня, хотя любое масштабное строительство требует времени, во втором оно воспринимается как процесс, протяженный во времени, начало которого обычно сложно зафиксировать.

Отсутствие достоверной даты в древних источниках и наличие двух возможных вариантов появления города привели к тому, что в определении времени возникновения Киева исследователи разделились на три основные группы. (Гипотезы XVII в. о том, что Киев — это гомеровская Троя и их современные аналоги, дающие

Киеву 2 500 и более лет, нами во внимание не принимаются.) Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Первая, исходя из теории процесса, относит возникновение Киева к началу нашей эры, когда на территории современного города существовали 12 поселений зарубинецкой археологической культуры II в. до н. э. — II в. н. э. Эти первые славянские селения и собственно город Киев IX—X вв., по мнению ее приверженцев, связывает непрерывная цепочка из поколений местных жителей. Безусловно, эти селения еще не город, но их появление уже является отправной точкой процесса его возникновения, что и позволяет, с данной оговоркой, вести от нее отсчет.

Это предположение, высказанное впервые И.М. Самойловским и В.П. Петровым, вскоре было оформлено М.Ю. Брайчевским в концепцию «гнезда протокиевских поселений», считавшим, однако, что качественный скачок перерастания их в город происходит между 60-ми гг. VI в. и 30-ми гг. VII в. Последнее утверждение сближает его позицию в вопросе датировки со взглядами сторонников второй, наиболее распространенной, точки зрения.

Она объединяет исследователей, считающих, что Киев возник в интервале между IV и VII вв. н. э. Причем в этой группе оказываются и те, кто рассматривает возникновение города как детерминированный исторический процесс (Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, П.П. Толочко и др.), и те, кто исходит с позиций единовременного акта, как, например, сторонники готской теории.

Третья группа исследователей относит возникновение Киева ко времени между VIII—IX вв. В ее состав, как и во второй группе, входят сторонники обоих направлений. К первым принадлежат Д.С. Лихачев и М.К. Каргер, второе представлено хазарской и тюркской теориями.

Таким образом, возникновение Киева помещают в широком диапазоне между I и IX вв. Сегодня наиболее распространена датировка этого события VI—VII вв.

Доказательная база всех этих гипотез строится на сообщениях отечественных и зарубежных письменных источников, данных археологии, сравнительного языкознания и топонимики, а также исторических реконструкциях. Обычно все источники используются комплексно, но значимость и достоверность их не одинаковы. Информационный потенциал русского летописания давно исчерпан, а обращение к зарубежным источникам, как заметил еще Я.Е. Боровский, ничего в данном вопросе не дало³¹. Результаты сравнительного языкознания (анализ происхождения имен летописных героев и т. д.) носят гипотетический характер и реально проверены быть не могут, поэтому решающее значение приобретают данные археологии.

Попытки привлечь археологический материал к решению проблемы делались уже в XIX в., но из-за слабости исходной базы они внушали доверие не больше, чем результаты лингвистического анализа. Лишь выход публикаций М.К. Каргера о раскопках городища в усадьбе Десятинной церкви (ныне усадьба Национального музея истории Украины) вывел их значение на качественно новый уровень.

Открытие этого городища началось с обнаружения в 1909—1912 гг. Д.В. Милеевым глубокого рва возле Десятинной церкви. Тогда трасса рва не была полностью прослежена, и Милеев счел его остатками древней ограды церкви. В 1936—1937 гг. Т.Н. Мовчановским ров был вскрыт на шести отрезках. Это позволило М.К. Каргеру, также раскопавшему в 1939 г. еще один участок, осуществить реконструкцию его трассы.

Ров отделял северо-западный уступ площадью около 1,5 га от основной части горы. Общая протяженность рва составляла 150 м, ширина — 4 м, а глубина — до 4 м от древней поверхности. Время существования рва и окруженного им городища устанавливается по четырем показателям. 1) Обстоятельства обнаружения рва указывают, что на момент строительства Десятинной церкви он был уже засыпан. 2) Ров перекрывали постройки XI—XIII вв.,

а значит, он мог функционировать только до их сооружения. 3) Находки в засыпке рва фрагментов лепной и кружальной (изготовленной на гончарном круге) посуды были датированы Каргером VIII—IX вв. 4) На городище в 1939 г. было обнаружено жилище с идентичной керамикой, а последующие раскопки увеличили число подобных объектов.

Время закладки Десятинной церкви — 989 г., показывает, что засыпка рва произошла не позже этого года и указывает дату прекращения существования укреплений городища. Находки в заполнении рва и построек городища посуды VIII—IX вв. определяют время его возникновения. Исходя из этих двух крайних дат, Каргер и сделал вывод, что городище существовало с VIII по X век³². Так как расположение городища отвечало традиционной локализации града Кия в северной части горы, то Каргер так его и назвал, а основание города, соответственно, отнес к VI—II вв.

Итак, возможная наиболее ранняя дата основания града Кия, установленная по находкам керамики, — начало VIII в., условно 700 г. Ориентировочную верхнюю границу дают северные летописи — 854 г.

Датировку керамики городища, сделанную Каргером в 1939 г., сегодня можно уточнить благодаря исследованиям В.А. Петрашенко для правобережья Среднего Поднепровья. Ею установлено, что время сосуществования здесь лепной и кружальной посуды охватывает период с конца VIII до середины X в.³³ Поскольку оба эти типа посуды встречаются вместе в заполнении построек и рва, что свидетельствует об их совместном бытовании, то соответственно и основание городища должно быть отнесено не к 700 г., а ближе к 800 г., возможно даже к началу IX в.

Таким образом, археологическая датировка городища оказывается близка к дате основания Киева в северных летописях, что заставляет подробнее остановиться на справедливости тезиса об их тенденциозности в этом вопросе.

Реально, он всего лишь недоказуемое предположение отдельных исследователей. Основной их аргумент, в частности приводимый и Б.А. Рыбаковым, — это полемика Нестора с некими оппонентами в конце XI в., сомневавшимися в княжеском происхождении Кия и считающими его перевозчиком. Именно благодаря ей в киевском изводе 1093—1095 гг., автором которого считается Нестор, и появляется расширенная биография Кия, отсутствовавшая в исходном тексте «Повести временных лет».

Приводим его: «Ини же не свѣдуше, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемъ, приходившу ему ко царю, якоже сказуютъ, яко велику честь приялъ от царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему вспять, придъ къ Дунаеви, и возлюби мѣсто, и сруби градок малъ, и хотяше сѣсти с родом своимъ, и не даша ему ту близъ живушии; еже и донынѣ наречют дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшу въ свой градъ Киевъ, ту животь свой сконча; и братъ его Щекъ и Хорив и сестра их Лыбедь ту скончашася»³⁴.

Б.А. Рыбаков считал, что «враждебные Киеву люди исказили летопись», а в их числе был и «пристрастный новгородский книжник», но в ответ на эти недружественные происки Нестор провел научные изыскания в местном фольклоре и еще каких-то источниках и восстановил подлинную биографию Кия, которую и внес в летопись³⁵. Так как, по версии Рыбакова, Кий жил во времена византийского императора Анастасия (491—518), то Нестору пришлось «работать» с фольклором 600-летней давности. Мысль, поражающая не столь смелостью, сколь фантастичностью. Парадоксально, что никто из летописцев до Нестора не записал это бережно сохранявшееся «житие» Кия.

Вне сомнений, оно вымысел Нестора, списавшего «биографию» Кия со Святополка, сына Ольги и Игоря. Но кроме нее Нестор добавляет к летописному своду свое предисловие о том, что от цеса-

ря Рима был и город назван Рим, от Александра — город Александрия, от Антиоха — Антиохия, и подобным образом от князя Кия происходит и Киев, — правильно оцененное Рыбаковым как «торжественный панегирик Киеву»³⁶.

Итак, тенденция к возвеличиванию Киева и киевских князей у Нестора очевидна. Но была ли она реакцией на честолюбивые поползновения новгородских бояр?

Время составления Нестором киевского свода 1093—1095 гг. совпадает с началом правления Святополка Изяславича (1093—1113), что указывает на него как возможного заказчика. Путь Святополка к киевскому княжескому столу не был устлан розами и совпал с началом процесса феодальной раздробленности в Древней Руси. Через 19 лет после его смерти государство окончательно распалось, и князья в Киеве менялись как в калейдоскопе.

Достаточно прозорливый Святополк, вынужденный бороться за Киев с такими же Рюриковичами, как и сам, должен был искать новые идеологические обоснования своих прав. По канонам средневековья это могла быть только давность лет. Именно Святополк, а не новгородские бояре, был заинтересован в правках, возвышавших Киев, превращавших Кия в великого князя, и переносе рассказа о братьях в недатированную часть летописи. Это согласуется и с характеристикой его В.Н. Татищевым, отмечавшим, что князь любил книги и обладал хорошей памятью³⁷.

Следовательно, не северные летописцы внесли дату 854 г. и подчеркнули язычество братьев, чем только и отличается вариант рассказа об основании Киева в северных и южных летописях, для обоснования приоритета Новгорода и так аргументов хватало, а именно Нестор, по указанию Святополка, проделал обратную операцию, удалил дату и упоминание о язычестве, дабы не компрометировать «мать городов русских» и источник христианства на Руси, а главное — выделить киевского князя среди прочих Рюриковичей.

Итак, если не принимать 854 г. за несомненную дату основания этого городища, то время его строительства находится между рубежом VIII—IX вв. и 854 г., что и обязывает присоединиться к мнению М.К. Каргера и Д.С. Лихачева о возникновении Киева в VIII—X вв.

Попытки пересмотреть датировку городища Каргером, а соответственно и время возникновения Киева, используя данные археологии, делали М.Ю. Брайчевский в 1963 г. и П.П. Толочко в 1972 г. Их аргументация строилась на смещении даты городища в более раннее время и на привлечении одиночных находок V—VII вв. с территории Киева.

Отправной точкой служила фраза Каргера: «Распространение в Киеве лепной керамики того типа, который представлен находками со дна рва, относится, по-видимому, к VIII—IX вв., а иногда и более раннему периоду»³⁸. Брайчевский воспользовался этим и сместил городище в «более ранний период», укладываясь в его концепцию³⁹. Но это замечание Каргера касалось времени появления данного типа славянской лепной керамики, датировка которой тогда еще не была четко разработана, а не городища, однозначно отнесенного им к VIII в.

Здесь необходимо изложить суть концепций возникновения Киева М.Ю. Брайчевского и Б.А. Рыбакова.

Оба исследователя исходили из того, что поскольку рассказ о Кие в летописи Нестора помещен между сообщениями о водружении апостолом Андреем креста на месте будущего города и событиями середины VII в.: переселением болгар и венгров на Дунай, а также войнами антов и авар, то и град Кия был построен раньше середины VII в. Затем каждый, исходя из «разысканной» Нестором биографии Кия, находил у византийских авторов свой прототип Кия. У Брайчевского это — Куар (Кувер, Куврат), у Рыбакова — Хильбудий. Соответственно Брайчевский помещал строительство града во времена императора Ираклия (575—641), а Рыбаков — сначала во времена Юстиниана I (527—565), а за-

тем — Анастасия (491—518). Хотя оба историка исходили из общих посылок, но категорически не соглашались с выводами друг друга⁴⁰.

Помимо полного доверия к вставкам Нестора, и другие исходные послылки обоих авторов имеют ряд серьезно уязвимых моментов, что делает сомнительными полученные из них выводы. (Подробный их анализ занял бы много места и непосредственно не касается темы, а потому опущен.)

Более аргументированно к пересмотру даты городища подошел П.П. Толочко, проводивший раскопки его территории в 1965—1969 гг. Найденную здесь лепную керамику он датирует VII—VIII вв., но само городище — VI—VII вв.⁴¹ Такой результат получается следующим путем. За начало возникновения городища берется нижний предел бытования лепной посуды — VII в., а не верхний — VIII в., и даже не промежуточная дата. Затем эта дата сдвигается еще на сто лет в VI в., поскольку на Старокиевской горе известны находки вещей VI—VII вв., которые априорно считаются принадлежащими жителям городища.

Но этот вывод сделан с отклонением от правил датировки, принятых в археологии.

Так как датировка керамики обычно не точнее ста лет, то брать конечные цифры не корректно, поскольку истина лежит между ними. В варианте VII—VIII вв. это диапазон между 600 и 800 гг. Во-вторых, критерием должно служить не начало появления лепной керамики этого типа, а время ее совместного бытования с кружалной. В Среднем Поднепровье оно наступает с конца VIII в. и длится до X в., а в других восточнославянских регионах гончарный круг появляется и того позднее — в IX в. Поэтому жилище, раскопанное Толочко в 1965 г., где кружалная и лепная керамика находились вместе, следует отнести не к VII—VIII вв., как делает автор раскопок⁴², а к рубежу VIII—IX вв. Следовательно, новые материалы городища не дают оснований для такого пересмотра его датировки Каргером.

Теперь рассмотрим находки отдельных вещей V—VII вв., занимающих важное место в концепциях возникновения Киева в V—VI вв. Информацию о них систематизировала Г.Ф. Корзухина⁴³. Каргер, считая их случайными, все же допускал, что они указывают на существование на территории Киева поселений VII—VIII вв.⁴⁴ Более категоричен в их оценке Брайчевский, писавший, что возле Старокиевской горы они «подобно вееру» очерчивают полукругом площадку древнейшего поселения: Замковую гору, Щекавицу и Подол⁴⁵. Толочко считал их рассмотрение вне связи с конкретным поселением методологической ошибкой⁴⁶.

Все это заставляет остановиться на находках со Старокиевской горы подробнее.

Для V—VI вв. таких всего две. Это обломок фибулы (одежной заколки), найденный В.В. Хвойкой. Но является ли хранящийся в Музее истории Украины предмет действительно находкой Хвойки — спорно⁴⁷. Вторая находка — пять золотых нашивных бляшек, обнаруженных на углу улиц Б. Житомирской и Владимирской. Принадлежат к типу украшений с драгоценными камнями, популярному в эпоху великого переселения народов, и датируются IV—V вв. Они, скорее всего, были утеряны случайно и не могут служить однозначным показателем наличия здесь поселения.

Каргер добавлял сюда бронзовую византийскую монету из раскопок 1949 г. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря, датированную им VII—VIII вв.⁴⁸ Но столь неточная для монеты атрибуция вызывает большие сомнения в ее правильности.

Этим заканчиваются вещевые доказательства существования поселения V—VI вв. на Старокиевской горе.

Теперь обратимся к находкам VII—VIII вв. Все они происходят из трех частных коллекций. В 1893 г. Н.А. Леопардов купил антропоморфную фибулу и серебряный браслет VII—VIII вв., якобы найденные на ул. М. Житомирской. В том же 1893 г. антропоморфная и пальчатая фибулы приобретены И.А. Хойновским. В его же коллекции хранились два серебряных браслета, якобы найден-

ные «за Софийским собором», и антропоморфная фибула «со Щекавиць». В 1905 г. Е.М. Терещенко дарит Киевскому музею пять таких же серебряных браслетов без указания их места находки. Учитывая сходство их с браслетами Хойновского, Корзухина считала, что они происходят из одного клада, раскупленного двумя этими коллекционерами, в чем с ней были согласны и все последующие исследователи⁴⁹.

Итак, происхождение этих вещей из двух, а может и одного, клада сомнений не вызывает. Но были ли они найдены на Старокиевской горе? Ведь все трое коллекционеров, собирая «древности Среднего Поднепровья», активно скупали вещи из-под Канева, где такие находки научно зафиксированы. А именно в это время Каневщина переживала бум крестьянского кладоискательства⁵⁰. Все это, как и нечеткость указания мест их находок, заставляет очень серьезно усомниться в их киевском происхождении. К тому же давно установлено, что клады, найденные вне поселений, относятся к древним торговым путям и сокрыты не их жителями, а странствующими торговцами. Поэтому нельзя рассматривать даты этих двух сомнительно киевских кладов как контрольные для града Кия. Если же принять точку зрения, что эти клады спрятаны жителями града Кия, то тогда придется признать и наличие гончарного круга у восточных славян в VI—VII вв., а это уже нонсенс.

Таким образом, находки отдельных вещей V—VII вв. не только не дают оснований для пересмотра датировки городища Каргером, но и не могут служить доказательством возникновения Киева в VI—VII вв.

Итак, укрепленное городище в усадьбе Музея истории Украины возникает самое раннее — на рубеже VIII—IX вв. Сообщение летописи, что братья «сотворили град» в честь Кия, расценивалось всеми исследователями как строительство именно укрепленного городища. Поэтому, как абсолютно справедливо считал Б.А. Рыбаков, оно является вторым, а не первым местом «сидения» Кия. Косвенно это подтверждается и тем, что, давая ориентир для

первого града Кия — Боричев спуск, летописец не приводит ориентир для второго. Очевидно, в том не было нужды, поскольку это место совпадало с детинцем Киева X в. Но тогда встает вопрос: где же находился первый град Кия? Согласно летописи — там, «где ныне узвоз Боричев».

Локализация Боричева спуска до 1897 г. по современной трассе фуникулера сомнений не вызывала. Если исключить неправдоподобное известие М.А. Максимовича о находке в 1810 г. под Рождественской церковью, стоявшей возле нижней станции фуникулера, закладной доски с надписью «здесь был спуск Боричев»⁵¹, то она строилась на следующих летописных известиях.

К Боричу пристали в 945 г. ладьи с послами древлян к Ольге, — значит, он находился близ Днепра или Почайны.

Боричевым спуском в 988 г. волокли к Ручаю и далее в Днепр выброшенного из Владимирова капища Перуна. Это капище локализуют возле верхней станции фуникулера, поскольку на его месте, согласно летописи, была сооружена Василевская церковь, обычно отождествляемая со стоявшей здесь до 1935 г. Трехсвятительской церковью. Здесь же по оврагу из калитки Михайловской еще в XVII в. проходил спуск к Рождественской церкви, которым к Днепру и могли волочь Перуна, и который Ф. Софонович и «Синописис» именуют Чертовым Беремищем⁵². На плане 1695 г. на Почтовой площади изображен ручей, впадавший здесь в Днепр. Часть русла ручья, раскопанного в 1975 г. по ул. П. Сагайдачного, 6—8, вполне возможным соотносить с этим летописным Ручаем⁵³.

К такой локализации Боричева спуска подталкивает и версия о Кие-перевозчике, совмещавшая его с перевозом, неизменно находившимся с XVI в. и до 1853 г. именно на Почтовой площади на выходе из устья Почайны.

Н.И. Петров был первым, кто усомнился в этой локализации Боричева спуска и соотнес его с Андреевским спуском, но в 1910 г. С.Т. Голубев опроверг все его доводы⁵⁴. После этого вопрос локализации Боричева спуска считался снятым, но открытие городища

в усадьбе Музея заставило Д.И. Блифельда в 1948 г. вновь обратиться к версии Петрова⁵⁵. Блифельд ошибочно счел городище не вторым, а первым градом Кия, и тут уже версия о Бориче как Андреевском спуске напрашивалась сама собой. Но она вступала в серьезное противоречие с двумя документами, рассматривавшимися Голубевым и Петровым.

Это грамота 1694 г. царей Ивана и Петра Алексеевичей о земельных владениях Крестовоздвиженской и Трехсвятительской церквей, содержащая следующую фразу в описании их границ на Старокиевской горе: «...почав от церкви Воздвиженской далее до фортки острожской в ров Боричев по взвоз Рождественский». Та же фраза есть и в аналогичной грамоте 1589 г. этим церквям от киевского подвоеводы Матвея Воронезкого. Место Воздвиженской церкви точно известно — здесь сейчас стоит Андреевская церковь. «Фортка в ров Боричев», по абсолютно правильному мнению Голубева, — это крепостная калитка плана 1695 г. на месте нынешней верхней станции фуникулера, а Рождественский спуск — современный Владимирский спуск, ведущий с Хрещатого яра к Рождественской церкви на Почтовой площади.

Петров, а следом за ним и Блифельд, ошибочно считали «форткой» Киевские ворота, располагавшиеся в месте перехода Андреевского спуска в ул. Владимирскую. Такой подход категорически недопустим, поскольку «фортка» (калитка) и крепостные ворота суть разные фортификационные элементы и никогда ни в описаниях Старокиевской крепости XVII в., ни в описаниях XVI в. замка на Киселевке современниками не путались. Столь вольное превращение калитки в ворота позволили себе лишь два названных исследователя, стремясь перенести Рождественский спуск на Андреевский.

Далее Петров проводил Рождественский спуск по части Андреевского, а затем через Гончарный овраг до Крестовоздвиженской церкви за Житним рынком на Подоле, чем и объяснял его название. Но здесь очевиден ряд натяжек. Во-первых, Крестовоздвиженской

церкви в 1589 и 1694 гг. на Подоле не было, ее построили лишь в 1748 г., а значит и начертанный им спуск никак не мог в XVI и XVII в. называться Рождественским. К тому же Петров милостиво передавал во владения двух указанных церквей весь Подол, а это уже полный нонсенс.

Блифельд, повторяя ошибку Петрова с Киевскими воротами, проводил Боричев спуск по Андреевскому до пересечения с ул. Боричев ток возле Покровской церкви и далее этой улицей тянул его через половину Подола до нужной Рождественской церкви на Почтовой площади. По логике, этот спуск должен называться Покровским, поскольку ведет к Покровской церкви, а не к Рождественской. В целом, если следовать методу Блифельда, то спуск можно продолжать к любой церкви Подола и с таким же основанием именовать его Братским, Ильининским и т. д. Натянутость подобной реконструкции тем очевидна, что сама улица Боричев ток была проложена, по данным археологии, не раньше XVIII в.⁵⁶ Нет ее и на плане 1695 г.

Как аргумент Петров и Блифельд приводили и «Слово о полку Игоревом», в котором главный герой едет Боричевым спуском к церкви Богородицы Пирогощи. Для этого лучше всего, конечно, подходит Андреевский спуск. Но «Слово», если все же признавать его подлинность, произведение эпического жанра и потому доверия не внушает. К тому же, съезжая по Боричеву спуску к Почтовой площади, Игорь тоже успешно добрался бы до Пирогощи, потеряв максимум минут на 10 больше. Идя таким путем, мы попадаем скорее в царство предположений, чем фактов.

В целом сам Блифельд осознавал зыбкость этих построений и единственным несомненным аргументом считал реальность града Кия в усадьбе Музея, что собственно и подтолкнуло его к версии Петрова⁵⁷. Но именно эта исходная посылка и была неверной, поскольку Блифельд не учитывал, что у Кия было два града.

Ошибочный вывод Д.И. Блифельда о тождестве Боричева спуска с Андреевским взяли на вооружение Б.А. Рыбаков и П.П. То-

лочко, а у них его позаимствовали справочные и популярные издания⁵⁸. Свой вариант трассы спуска, пытаясь увязать его с городищем в усадьбе Музея, предложил М.Ю. Брайчевский, проводивший его от града Кия до Андреевской церкви и, огибая ее, далее уже по линии фуникулера⁵⁹. Но аллея ниже Андреевской церкви была проложена достаточно поздно.

Б.А. Рыбаков правильно определил городище в усадьбе Музея как град, построенный братьями в честь Кия, но за основу в поисках первого места «сидения» Кия брал трассу Боричева спуска по Блифельду, правда, проведя его нижнюю часть не к Рождественской церкви, а в противоположную — к Замковой горе, и превратив спуск в ток, выводил его через Контрактовую площадь к Почайне вместо Днепра. По этой трассе Рыбаков и располагал гору с искомым первым градом Кия.

Вдоль этой трассы таких гор две: Замковая и Уздыхальница (Андреевская). Замковую гору омывала речушка, образованная слиянием в Гончарном яру ручьев Кудрявца и второго, чье название неизвестно, вытекавшего из «провала» под Петровским раскатом Старокиевской крепости. Киевоведы XIX в. его иногда называли Киянкой, хотя в летописях речки с таким именем нет, и лишь «Слово» однажды упоминает «дебрь Киянь». Документы XVII—XVIII вв. речушку в Гончарном яру называют исключительно Кудрявцем, но вопреки этому Рыбаков присвоил ей имя Киянка, которое, по его мнению, она получила, поскольку протекала мимо первого поселения Кия на Замковой горе⁶⁰.

Выбор Замковой горы был для Рыбакова предопределен наличием здесь материалов V—VI вв., необходимых для обоснования его даты возникновения Киева. На них ссылаются также М.Ю. Брайчевский и П.П. Толочко. Исходным источником информации для них служила статья С.С. Магуры, который считал, что в 1932 и 1940 гг. открыл на Замковой горе поселение VI—VII вв. Этот вывод он делал на основании обнаружения культурного слоя с керамикой VI—VII вв. и византийских монет.

Начнем с монет, обычно приводимых как главный аргумент возникновения Киева в VI в. Парадоксально, но обстоятельства их находки неизвестны. Магура пишет: «Такая датировка (открытого им поселения. — К.С.) подкрепляется также находками на территории Киселевки медных монет византийских фоллисов императоров Анастасия I (498—518) и Юстиниана I (527—565)»⁶¹. Но не указывает, как положено, обстоятельств их находки, из чего следует, что монеты были найдены не при раскопках, а переданы кем-то Магуре как происходящие с горы, даже без указания, из какой именно ее части. Это заставляет серьезно усомниться, найдены ли они вообще на Замковой горе.

Более того, из контекста следует, что монет было две. Ссылаясь на С.С. Магуру, о двух монетах пишет и М.Ю. Брайчевский, посвятивший находкам римских монет в Украине отдельную монографию⁶². Но П.П. Толочко, исходя из другого источника, пишет: «На Киселевке были найдены византийские монеты, среди которых С.В. Корщенко определил *три фоллиса* императоров Анастасия I (498—518) и Юстиниана I (527—566)»⁶³. Очевидно, в действительности кем-то был найден клад, часть монет которого видел и определял Корщенко. Возможно, что две указанные монеты в кладе были наиболее древними, поэтому находчик и передал их Магуре, но если так, то устанавливать время сокрытия клада надо не по ним, а по наиболее поздним его монетам. Поэтому данные монеты не могут служить достоверным основанием для утверждений о возникновении Киева в VI в.

Не лучше обстоит дело и с самим поселением. Вывод о его открытии С.С. Магура сделал не на основании обнаружения хотя бы одного жилища, а по наличию узкой полосы слоя. Данный слой Магура нашел лежащим на материке на глубине 4 м, но ниже этого псевдоматерика последовательно залегали еще четыре слоя общей мощностью 80 см, охватывавших период в 2 тысячи лет от киевской до трипольской культуры. «Материковые отложения» Магура зафиксировал и внутри этих 80 см, между зарубинецкой

культурой и слоем эпохи бронзы⁶⁴. Таким образом, он трижды находил материк, ниже которого, по канонам археологии, вообще не должно было быть никаких культурных слоев позже палеолита.

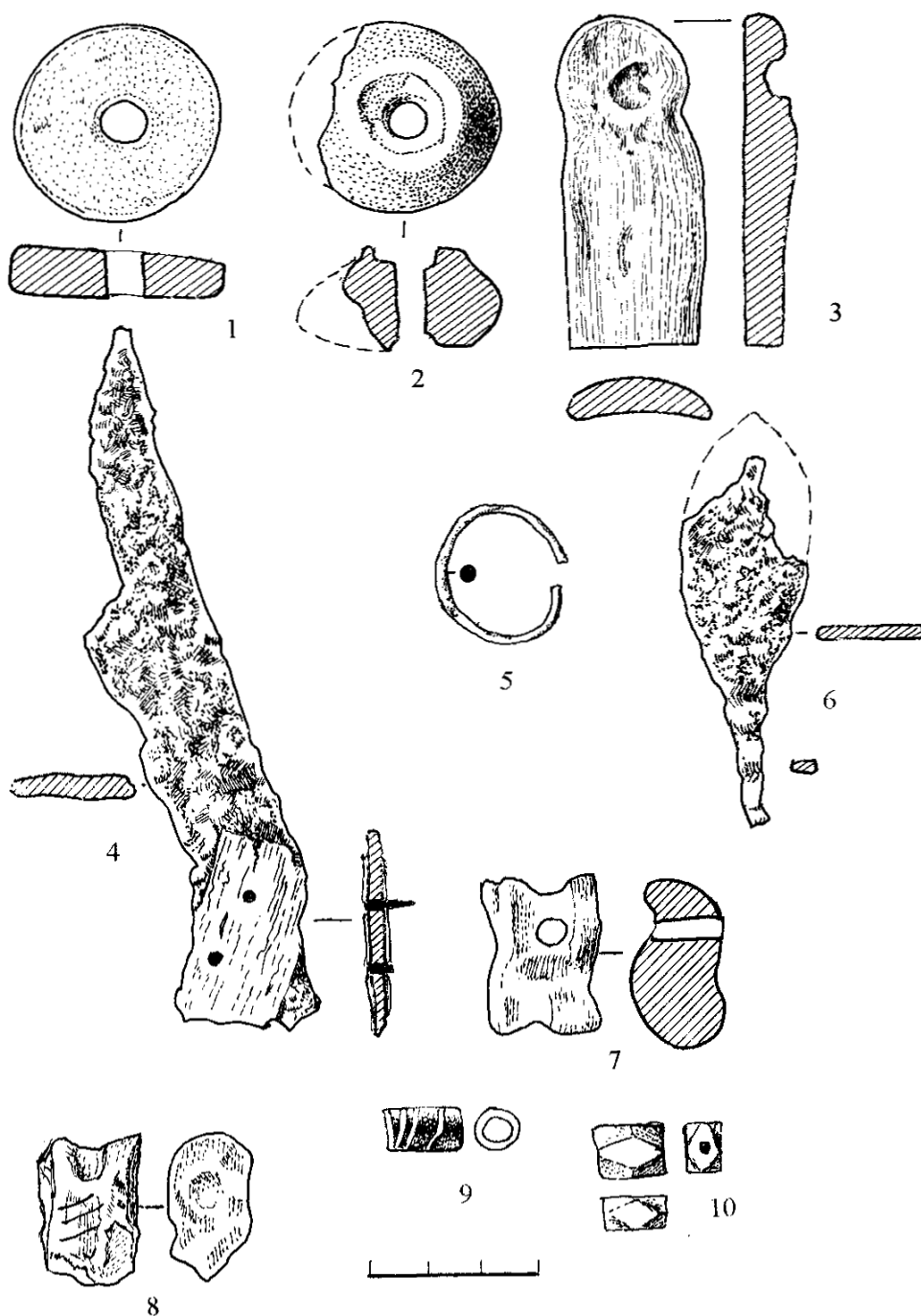
Столь парадоксальная ситуация имеет свое объяснение. Работы в 1932 и 1940 гг. велись узкими террасами на северо-западном склоне горы, что отмечено в полевых дневниках как самого Магуры (1932), так и В.Е. Козловской и Н.В. Гепенер (1940). Фактически раскапывали оползни на склоне, и не удивительно, что, спускаясь вниз по склону, материк обнаруживали на каждом его новом уступе. В итоге получилась идеальная стратиграфия культурных слоев и огромная их мощность — 4,8 м.

В 1948 г. В.А. Богусевич провел на этом краю горы раскопки и констатировал полное отсутствие этой идеальной стратиграфии, а мощность слоев у него не превышала 2 м⁶⁵. Раскопками 1999 г. в центральной части горы нами также установлено, что мощность слоев здесь составляет 1 м и возрастает до 1,8 м в восточном направлении из-за общего наклона участка. Стратиграфия не имеет ничего общего с ее интерпретацией Магурой, а материалы эпохи меди и бронзы встречаются только в переотложенном виде⁶⁶.

Таким образом, говорить об обнаружении Магурой культурного слоя поселения VI—VII вв. нельзя, поскольку за таковой был ошибочно принят перемещенный и слежавшийся на склоне горы грунт с лепной керамикой, отнесенной им к этому времени.

С.С. Магура относил лепную керамику из раскопок 1932—1933 и 1940 гг. к VI—VII вв.⁶⁷ Однако эта дата весьма приблизительна, поскольку датировка восточнославянской керамики в то время была еще не разработана. Системные исследования в этом направлении начались только в 1950-е гг. Тогда же А.М. Шовкопляс установила для этой керамики с Замковой горы более позднюю дату — VII—VIII вв.⁶⁸ Возможно, что сегодня, имея более солидную базу данных, и эту датировку следует пересмотреть.

Таким образом, говорить о существовании на Замковой горе в VI—VII вв. поселения, а тем более о возникновении здесь в то

Индивидуальные находки из раскопок на Замковой горе
в 1999 г.

1, 2 — керамические пряслица зарубинецкого времени; древнерусские материалы; 3, 4 — нож и костяная накладка ручки; 5 — серебряное височное кольцо; 6 — наконечник стрелы; 7, 8 — костяные астрагалы со знаками; 9, 10 — бусины, стекло и сердолик.

время города, более чем проблематично. Заметим, что пока единственное достоверно зафиксированное поселение VI—VII вв. на территории Киева было открыто И.Г. и А.М. Шовкоплясами на Оболони.

Если вывод С.С. Магуры о существовании на Замковой горе поселения VI—VII вв. был преждевременным, то факт наличия здесь поселения IX—X вв. надежно зафиксирован и сомнений не вызывал. Это раскопанное Магурой жилище IX—X вв., клад византийских монет IX—X вв., найденный в 1908 г., и другие находки. К ним можно добавить лепную керамику VIII—IX вв. из раскопок 1999 г. Безусловно, стационарные и планомерные исследования Замковой горы значительно расширили бы наше представление об этом поселении, но сейчас приходится ограничиваться лишь фактом его одновременного существования с градом Кия в усадьбе Музея истории Украины.

Итак, в историческом ядре Киева на Старокиевской и Замковой горе в IX в. достоверно существовали два городища. Первое из них является градом, построенным братьями в честь Кия. Но тогда возникает вопрос: где был первый град Кия и с кем из братьев можно соотнести поселение на Замковой горе?

Исходя из летописи, первый град Кия следует искать возле Боричева спуска. Ошибочность проведения его трассы по Андреевскому спуску, в целях привязки к городищу в усадьбе Музея, была показана, поэтому целесообразно вернуться к трассе Боричева спуска по линии фуникулера и здесь искать первый град Кия.

В пользу такого направления поиска свидетельствует и то, что гору с Боричевым спуском летописец не называет Киевицей, в отличие от других гор. Значит, в XI в. она собственного названия не имела. А именно Старокиевская гора именуется и летописями, и документами XV—XVII вв. просто горой, иногда с большой буквы. Лишь с XVII в. для ее обозначения изредка использовали название Софийская гора. (Термин Старокиевская гора возник сугубо как историко-литературный не раньше конца XIX в.)

Археологией давно установлено, что древние поселения, расположенные на плато, занимали их мысовидные отроги. Это обуславливалось как уменьшением затрат на постройку укреплений, так и облегчением их защиты. При таком расположении штурм реально был возможен только с одной стороны — со стороны плато, где и возводилась наиболее мощная линия укреплений, поскольку с других сторон поселение облегалы крутые и высокие склоны, делавшие его неприступным.

Таких отрогов возле верхней станции фуникулера два — Михайловская гора, по которой сейчас проходит улица Трехсвятительская, и Уздыхальница (Андреевская гора). Первая ближе к Боричеву спуску, но соединена с плато широким перешейком. Перешеек, связывающий Уздыхальницу со Старокиевской, значительно уже, а значит, здесь проще было возвести укрепления. Это заставляет отдать ей предпочтение в выборе места первого града Кия.

К сожалению, Уздыхальница была скрыта в 1616 г. на 11 м по настоянию польского коронного гетмана Станислава Жолкевского, чтобы исключить возможность обстрела с нее замка. В 1749—1754 гг. при строительстве Андреевской церкви ее вдобавок прорезали в месте соединения со Старокиевской горой. Все же в 1969 г. В.Н. Даниленко удалось обнаружить на склоне северной оконечности Уздыхальницы культурный слой VIII—X вв. и остатки двух печей, а возле одной из них лепную и раннюю гончарную керамику, которую он датировал IX вв. Позднее эту датировку подтвердила и В.А. Петрашенко⁶⁹.

Открытие В.Н. Даниленко является весомым аргументом в пользу размещения здесь первого града Кия и может быть проверено и дополнено раскопками сохранившейся части Уздыхальницы.

Итак, первое место «сидения» Кия, скорее всего, было на Уздыхальнице. Град Щека можно соотнести с описанным выше городищем на Кудрявце. Справедливости ради заметим, что на место его локализации отчасти может претендовать и гора Детинка, тоже являющаяся отрогом Старокиевской горы. В 1970 г.

В.Н. Даниленко обнаружил здесь жилище и остатки двух печей. Керамика из этих объектов датируется VIII—IX вв.⁷⁰ Однако крайне малая площадь этого отрога, отсутствие на нем культурных слоев и само место расположения не позволяют назвать Детинку Щекавицей.

Таким образом, поселение VIII—IX вв. на Замковой горе можно соотнести только с Хоривом. Ее положение на карте Киева также вполне соответствует месту Хоревицы в рассказе о братьях, — во всех списках она всегда упоминается после Щекавицы. Если первый град Кия был на Уздыхальнице, град Щека — на Кудрявце, то есть в разных частях одной Старокиевской горы, на чем акцентируют внимание летописные списки XV в., то поселение Хорива на Замковой горе действительно расположено в стороне и должно упоминаться при перечислении последним.

Означает ли это, что летописный рассказ об основании Киева полностью передает реальный ход событий и город возник из трех отдельных поселений? Представляется, что правильный ответ будет скорее нет, чем да. Ведь вне поля зрения летописи остается Подол, который, судя по всему, тоже был заселен в то время. Но он расположен в низине и в силу этого не мог быть надежной крепостью и за всю историю своего существования никем как таковой не рассматривался. К нему следует добавить упомянутое маленькое селение на Детинке, а богатый курганный могильник и клады указывают на возможность наличия поселений в районе Кирилловского монастыря и на Приорке. Также есть основания полагать, что существовало поселение и на Печерске. Таким образом, кроме трех указанных градов, в ближайшей от них округе находились еще минимум четыре-пять поселений.

Их статус, число жителей и размеры были различны и, вероятно, изменялись со временем. Еще Н.И. Петров выдвинул гипотезу, что первый центр этого гнезда поселений мог находиться на высотах в районе Кирилловского монастыря, затем сместился на Замковую гору, а в IX в. на Старокиевскую, которая оставалась

административным ядром города вплоть до его взятия Батыем. Эту мысль развивает и П.П. Толочко, который считает, что поселение на Замковой горе стало тем трамплином, с которого его жителями началось освоение Старокиевской горы, игравшей столь заметную роль в истории Киева X—XIII вв.

Существенно прояснить этот вопрос могут лишь раскопки Замковой горы.

Что касается роли трех братьев в процессе возникновения города, то здесь следует согласиться с мнением С.П. Щавелева, что летопись в категориях понятийного аппарата того времени отразила процесс выделения и приобретения главенствующего положения внутри племени полян трех родов, из которых, в ходе формирования родовой иерархии, главное место занял род самого Кия, что и зафиксировалось в факте строительства нового городища, имевшего статус сакральной крепости или протостолицы⁷¹. На сакральные функции нового града указывает и наличие в нем капища, раскопанного В.В. Хвойко в 1908 г. В этом отношении мнение ряда исследователей, что летописные братья отнюдь не обязательно должны были быть действительно родными братьями, представляется вполне справедливым. Точная же дата основания Киева в северорусских летописях, скорее всего, отстоит несколько позже от реального строительства второго града Кия, да и само это событие вряд ли может считаться датой основания города, поскольку на тот момент здесь уже существовали три городища. В развитый город, в полном смысле этого слова, им еще предстояло превратиться в будущем.

Ремесленный район Киева XI—XIII веков

Основываясь на летописном рассказе и данных археологии, можно однозначно утверждать о важности роли Замковой горы (Хоревицы) на раннем этапе процесса возникновения Киева, но ее место в структуре огромного города и столицы Древней Руси все еще остается не ясным. Летописи ее более не упоминают, и единственным источником информации является археология, возможности которой в решении проблемы еще полностью не использованы. Все же на имеющейся скромной информационной базе попытаемся установить ее место в социальной структуре районов Киева X—XIII вв.

Для решения этой задачи прежде всего дадим краткий обзор вещевых материалов с Замковой горы, основная часть которых происходит из раскопок XIX в. и 1932—1940 гг. и хранится в Национальном музее истории Украины. К сожалению, большинство из них не имеет необходимых данных о месте и обстоятельствах обнаружения, что значительно снижает возможности использования их как носителей информации.

Керамика, как наиболее массовый материал, представлена всеми видами посуды, хорошо известными по раскопкам Киева и употреблявшимися в повседневном быту его жителями в X—XIII вв. Помимо кухонных горшков, использовавшихся всеми слоями населения, на Замковой горе найдена также и дорогая столовая посуда — небольшие кувшины, покрытые поливой зеленого цвета. Достаточно многочисленны и фрагменты привозившихся из Византии красноглиняных амфор, в которых на Русь в основном доставляли вино, необходимое для проведения обряда причастия.

Из других видов керамической посуды присутствуют так называемые амфорки киевского типа, обычно использовавшиеся как фляги для хранения воды, а также светильники простой формы в виде плоских и более сложной декоративной конструкции из блюдец, расположенных в два яруса. Последние, судя по материалам Киева, появились в конце XI в., но наибольшее распространение получили в XII—XIII вв. Среди светильников такой конструкции встречаются и экземпляры, украшенные глазурью, что свидетельствует о росте в XII—XIII вв. эстетических требований киевлян к предметам быта. Обнаруженная посуда является лишь показателем уровня жизни горожан того времени, но никак не доказательством существования на горе гончарного производства, следы которого в виде гончарных горнов в Киеве до сих пор не найдены. В этом вопросе следует согласиться с мнением Р.С. Орлова, что наиболее массовыми типами кухонной посуды Киев снабжали мастерские соседних Вышгорода и Белгорода (современного села Белгородки), где раскопками обнаружены десятки гончарных горнов и огромное количество бракованной посуды⁷². Более изысканную столовую посуду, украшенную поливой, и двухъярусные светильники, скорее всего, изготавливали в селениях ближайшей окрестности города.

Раскопками В.В. Хвойки в северной части горы были открыты остатки косторезной мастерской, производившей пуговицы, гребни, кочедыки для плетения сетей, детали для конской упряжи, проколки и лоцила для обработки кожаных изделий, накладные ручки ножей, а также другую продукцию. Еще одна аналогичная мастерская была обнаружена при раскопках 1928—1929 гг. Общее количество таких изделий из кости, заготовок к ним и отходов производства с Замковой горы превышает тысячу предметов⁷³. Это указывает на длительность его существования и солидные масштабы.

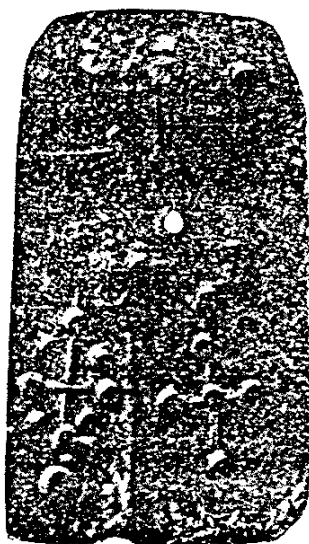
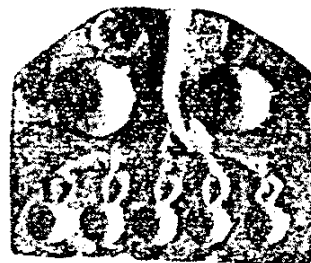
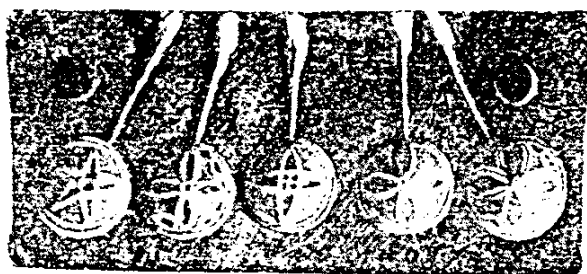
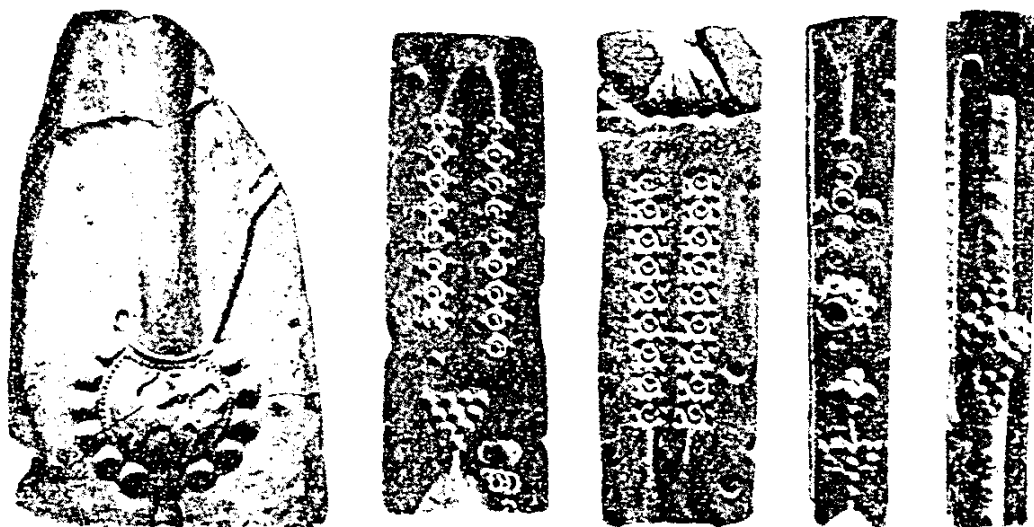
Значительные масштабы имело также ювелирное и связанное с ним камнерезное производство. Еще в XIX в. в ходе раскопок здесь были обнаружены 38 каменных плиток, на которых выреза-

ны 80 матриц для отливки различных изделий. Их детальное описание было составлено А.М. Шовкопляс⁷⁴. Одной из наиболее ранних среди них является формочка для отливки медальона-привески, имитировавшего дирхем, арабскую серебряную монету, широко распространенную на Руси до начала XI в. Учитывая время обращения этих монет, изготовление данной формочки надо отнести к X в.

Наиболее массовой продукцией местных ювелиров, судя по матрицам, были литые пуговицы, имевшие форму шара с проволочным ушком для крепления. Они обычно изготавливались из медно-бронзового сплава, а в некоторых случаях покрывались позолотой. О степени их распространения среди киевлян свидетельствуют их находки в погребениях. Наиболее часто в погребениях встречается одна-две такие пуговицы, значительно реже три, но известны и отдельные случаи, когда число пуговиц достигало четырех-шести штук. И хотя они являются наиболее частой вещевой находкой в погребениях X—XIII вв., но встречаются в среднем лишь в каждом 15—17 погребении. Судя по расположению их на скелетах, пуговицы чаще всего пришивались к воротнику одежды. Показательно, что пуговицы такой формы, иногда с незначительными модификациями, бытовали в Киеве еще в XVIII в.

Кроме пуговиц и различных типов простых привесок, ювелиры Замковой горы делали также и высокохудожественные украшения, изготовление которых не сводилось к одной лишь отливке в форме предмета, а требовало более сложных технологических операций. К ним относились: пайка на корпус предмета мелких шаровидных крупиц золотой проволоки (зернь) или ее отрезков (скань), а также чернение серебра и техника перегородчатых эмалей. Образцы таких украшений хорошо известны покладам Киева XII—XIII вв. Число находок кладов этого времени в Киеве сегодня составляет 50 штук, и по их количеству он занимает первое место среди городов Древней Руси.

Литейные формочки древнерусского времени

Наиболее яркими и эффектными образцами ювелирного искусства Руси считаются колты. Этот тип женских украшений появился на Востоке, был заимствован византийцами и через них распространился в славянских землях. Колты составляли часть головного убора, к которому крепились при помощи ажурных цепочек (рясен) или матерчатых лент. Носили их парами, число которых не ограничивалось. Внутри колта имелась полость, в которую вкладывалась ткань, пропитанная ароматическими веществами.

На Замковой горе были найдены две литейные формочки для колтов. На одной из них вырезан колт в виде восьмилучевой звезды, а на другой — колт с изображением грифона. Еще одна формочка предназначалась для отливки трехбусинных височных колец киевского типа. Его ажурные бусины-шарики, нанизанные на проволочное кольцо, украшались зернью и сканью. Носились височные кольца так же, как и колты, либо пришивались к очелью, широкой ленте, которой женщины повязывали голову. Кроме столь богатых и сложных по изготовлению височных колец, существовали и более простые, выполненные из проволоки, загнутой в один или полтора витка. Такое одновитковое серебряное височное кольцо было найдено нами в центральной части горы.

Сами литейные формочки изготовлялись из мягких пород камня, сланцев, которые легко поддаются ручной обработке. Среди них выделяется розовый пиррофилитовый сланец, месторождения которого в мире известны лишь в двух местах: Южной Африке и в Житомирской области Украины. Так как последнее разрабатывалось только в древнерусское время, то находки изделий из него в Центральной и Северной Европе однозначно указывают на древность связей этих территорий с Киевским княжеством.

Факт существования на горе масштабного ювелирного производства подтверждается не только многочисленными находками литейных формочек, но и обнаружением на полу одной из построек, раскопанных в 1932 г., большого скопления обрезков медных пластин, которые могут быть отходами этого производства. Литейная

формочка для изготовления перстня была найдена и В.А. Богусевичем в 1948 г. в постройке, сгоревшей при взятии города Батыем.

По количеству найденных здесь ювелирных литейных форм Замковая гора не имеет аналогов среди других городов Восточной Европы и в X—XIII вв. она была одним из крупнейших ювелирных центров Руси.

В разное время при раскопках на горе были также собраны многочисленные железные инструменты и бытовая утварь, характерные для культурных слоев древнерусских городов. Это замки и ключи к ним, рыбацкие крючки, ножи, кресала для добывания огня, ножницы, иголка, шила, клещи, резцы для обточки дерева и другие предметы. Их наличие дополняет общую картину развитого торгово-ремесленного посадского района, каким, вероятно, стала Замковая гора в XI—XIII вв. Поскольку за все время раскопок было исследовано, по нашим подсчетам, не более 3—5 % общей площади горы, то новые раскопки, безусловно, существенно расширят список этих материалов, что даст возможность получить более детальную картину ремесленной специализации жителей горы и уточнить ее место в структуре городского пространства Киева этого времени.

К сожалению, число жилищ и построек хозяйственно-производственного назначения древнерусского времени, открытых на Замковой горе, крайне невелико, а датировка части из них вызывает разногласия. Сегодня можно говорить о четырех-пяти постройках, открытых в 1930 и 1940-х гг., двух постройках, раскопанных В.А. Богусевичем в 1948 г., и одной, обнаруженной нами в 1999 г. Датировка первых была сделана на заре становления украинской археологии и потому укладывается лишь в довольно широкие рамки между X и XIII вв. Гибель открытых им построек Богусевич относил к 1240 г., но сегодня Г.Ю. Ивакин считает возможным датировать их XIV—XV вв.⁷⁵

В современных условиях при решении вопросов датировки в древнерусской археологии все большее распространение получа-

ет практика использования данных радиоуглеродного анализа. Раньше этот метод применялся преимущественно для более отдаленных эпох из-за большого диапазона в 150 лет между крайними датами, полученными с его помощью. Разработка и внедрение украинскими учеными метода жидкостного счета, применяемого для органических остатков, сужает этот диапазон почти в два раза, благодаря чему стало возможным использование его и в исследовании памятников средневековья. В комплексе с традиционными археологическими методами датировки радиоуглеродный анализ сегодня сможет оказать существенную помощь в установлении возраста построек, которые будут открыты в ходе раскопок Замковой горы.

Одним из проблемных вопросов, связанных с историей горы в древнерусское время, является тема наличия на ней каменных зданий. Некоторые исследователи истории Киева в XIX в. предполагали, что здесь мог находиться каменный дворец княгини Ольги, в котором она принимала древлянских послов. Хотя эта версия не имеет весомой аргументации и плохо согласуется с настоящими реконструкциями исторической топографии города, все же не будем торопиться ее полностью исключать.

Уже Ф.Н. Беляшевский и другие исследователи столкнулись с фактом наличия на горе огромного количества битого кирпича древнерусского времени. Н.И. Петров, профессор Киевской духовной академии, страстный исследователь киевской старины, производивший самостоятельно в 1890-х гг. наблюдения за копкой могил под кладбище Фроловского монастыря, которое начало расширяться на Замковую гору, оставил интересное упоминание о замеченных им в одной из могильных ям в 1897 г. остатках каменного фундамента. Так как этот фундамент был сложен из тонкого квадратного кирпича (плинфы), то Петров отнес его изготовление ко времени не позже X ст. Уточним, что сегодня правильной датировкой плинфы для Киева является X—XI вв. Несмотря на весь соблазн объявить эти фундаменты остатками дворца княгини

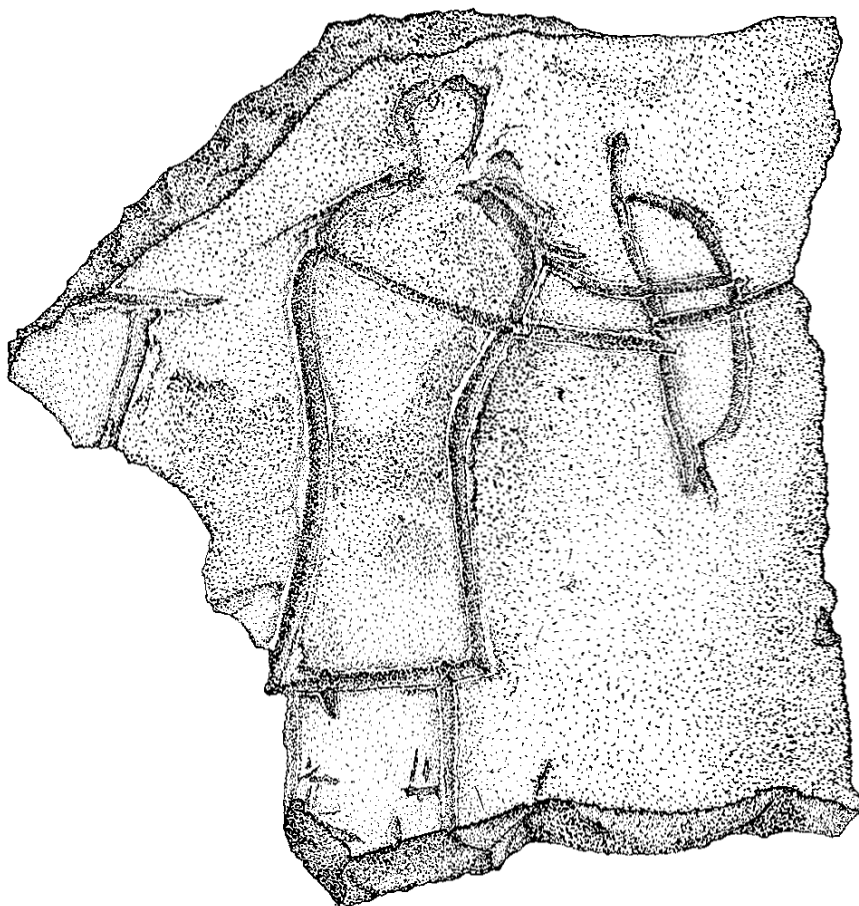

Ольги, Петров предположил, что они сложены из вторично использованного кирпича и принадлежат одной из четырех церквей, существовавших в замке в XV—XVI вв.⁷⁶

Факты разбора в XIV—XVII вв. древнерусских церквей и других каменных зданий на кирпич для новых построек в Киеве многократно и достоверно зафиксированы, поэтому предположение Петрова вполне естественно, но некоторые находки заставляют взглянуть на этот вопрос иначе. Уже Н.Ф. Беляшевский заметил, что на горе попадается плинфа с остатками цемьянки, строительного раствора древнерусского времени⁷⁷. В ряде случаев на кирпиче сохранялись значительные куски связующего раствора, в который он был утоплен на большую глубину. Подобный кирпич, вмурованный на 4 см в цемьянку, был найден и нами. Такой кирпич не мог быть принесен на гору с разобранного где-то здания, в этом случае связующий раствор отсутствовал бы, и, вероятно, он принадлежит каменной постройке, существовавшей здесь в древнерусское время.

Уникальная находка была сделана при осмотре восточного склона горы в 2004 г. Это фрагмент стенки голосника, керамического горшка, которые вмуровывались в перекрытия сводов церквей для уменьшения на них нагрузки и улучшения акустики в храме. На голоснике еще до его обжига была начерчена сюжетная композиция, из которой сохранилась только фигура человека, стреляющего из лука. Сами по себе графические знаки, а тем более сюжетные композиции, на голосниках достаточно редки, но для нас в данном случае важен сам факт находки на Замковой горе фрагмента голосника, поскольку, как и кирпичи с остатками связующего раствора, он свидетельствует о существовании здесь каменной церкви.

По техническим характеристикам этот фрагмент ближе к голосникам Успенского собора Киево-Печерской лавры, чем к голосникам Софии киевской⁷⁸. Это дает возможность предположить, что храм, из которого он происходит, был построен, вероятнее

Изображение стрельца на фрагменте голосника
(конец XI—XII вв.)

всего, в конце XI — начале XII в. В это время и до конца XII в. в Киеве велось активное строительство каменных церквей, поэтому не исключено, что и на Замковой горе тогда был сооружен храм, которому могли принадлежать остатки фундаментов, виденные Н.И. Петровым. К сожалению, попытка ныне покойного В.А. Харламова отыскать их в 1977 г. оказалась безрезультатной⁷⁹.

Общую картину довольно высокого уровня социального развития этого района Киева в X—XIII вв. дополняют находки на горе на рубеже XIX—XX вв. серебряной арабской монеты 943 г., клада медных херсонесских монет, сокрытого в конце X в., и наша находка в 2003 г. медного анонимного фоллиса XI в., чеканенного в Константинополе. Заметим, что находки монет в культурных слоях

древнерусских городов единичны из-за низкого уровня интенсивности денежного обращения в них.

На жизнь посадского района на Замковой горе, как и в целом Киева, несомненно влияла общая политическая ситуация в Древней Руси, которая существенно изменилась в 1130-х гг. После смерти в 1132 г. Мстислава Владимировича, брата Владимира Мономаха, процесс распада некогда единого государства на самостоятельные княжества вошел в новый этап и стал в данной ситуации необратимым. Если до этого времени на первом этапе от Киева отделялись в самостоятельные княжества достаточно большие области, владетели которых сохраняли еще тесную связь со столицей через систему лестничного наследования власти, то теперь в них самих пошел процесс распада на более мелкие уделы.

Лестничный принцип передачи власти, основанный на иерархической значимости княжеств, первым считалось Киевское, затем шло Переяславское, Черниговское и т. д., был юридически упразднен в 1097 г. съездом князей в Любиче. С этого момента за каждым из них пожизненно закреплялась земля, которой он владел на момент съезда, с правом выделения в ней уделов сыновьям. Столицей государства по-прежнему считался Киев, но порядок занятия великокняжеского стола четко регламентирован не был и в результате Киевское княжество оказалось в более уязвимом положении, чем другие. Если раньше прямой дорогой к великокняжескому столу считалось Переяславское княжество, то теперь внутри уже самого Киевского образовались Белгородское, Вышгородское и Овручское княжества, в которых в непосредственной близости от города сидели потенциальные претенденты от различных княжеских группировок, ожидая подходящего изменения соотношения сил для занятия Киева. В результате более чем за сто лет со дня смерти Мстислава Владимировича и до прихода Батыя ни один из князей не продержался в Киеве более восьми лет подряд. Но таких были единицы, а большинство занимало столицу на срок от одного до трех лет.

Накануне прихода на Русь войск хана Батыя Киев и Киевское княжество становятся объектом постоянной борьбы между черниговскими и галицко-волынскими князьями, в которую регулярно вмешивались на стороне одной из этих группировок владимиро-суздальские князья, заметно усилившиеся в XII в. Целью данной борьбы было стремление объединить земли Южной Руси (Украины) под властью либо галицкого князя Данила Романовича, либо Михаила Всеволодовича черниговского. Сами киевские князья в XIII в. уже лишь искали поддержку у одного из них.

Такова была судьба киевского князя Владимира Рюриковича из ветви смоленских Мономаховичей. Великим киевским князем он стал в 1223 г., побывав до того князем переяславским (1206—1210), смоленским (1214—1219) и овручским (1219—1223). Сначала он был союзником черниговского Михаила, но после 1231 г. перешел на сторону Данилы Галицкого. Перемена оказалась для него неудачной. Михаил вместе с половцами и Изяславом, сыном великого киевского князя Мстислава Романовича, погибшего в битве на р. Калке в 1223 г., осадили в конце 1234 г. Киев и лишь ответный поход галицко-волынских войск на Чернигов позволил Владимиру удержаться. Но в мае 1235 г. союзники были разбиты под Торчевском, и Владимир попал в плен к половцам. Изяслав овладел Киевом, провозгласил себя великим князем, расправился со сторонниками Владимира в городе и взял большую контрибуцию с иностранных купцов, что не способствовало его популярности.

После победы под Торчевском Михаил выступил в поход на Галич, заставив тем Данилу обороняться уже в собственных владениях. Но в 1236 г. Владимир выкупился из половецкого плена и на короткое время выбил Изяслава из Киева. В этот момент на сцене появилось третье действующее лицо — Ярослав Всеволодович суздальский. Используя то, что Михаил был занят осадой Галича, а Данила его обороной, он, подобно Владимиру Крестителю и Ярославу Мудрому, внезапно появился под Киевом с новгородской дружиной и легко овладел городом в том же 1236 г. Однако, узнав

о гибели своего брата великого князя владимирского Юрия в битве с татарами на р. Сити 4 марта 1238 г., Ярослав поспешил вернуться в Северную Русь.

После ухода Ярослава Киев занял Михаил черниговский. Кроме Даниила Галицкого, у него в Южной Руси не было серьезных конкурентов, поскольку Владимир умер в 1238 г., а бывлой союзник Изяслав сидел в Смоленске, где вскоре и преставился в 1239 г. В тот же год, опустошив Чернигов и Переяславль, к Киеву подошли татары, руководимые ханом Менгу. Их войска расположились в Городке, на левом берегу Днепра, на территории современной Вигуровщины. Летопись сообщает, что, пораженный великолепным видом города, открывавшимся отсюда, Менгу предложил Михаилу признать власть Орды, за что обещал не трогать Киев. Дружинники Михаила убили ханских послов, но, несмотря на это, татары не решились форсировать Днепр и ушли назад в восточные степи. Михаил, зная, что они скоро вернуться, отправился на запад, в Венгрию, надеясь найти там военную помощь.

В Киев, возможно с согласия Михаила, вошел смоленский Ростислав, брат Изяслава, но вскоре был изгнан Даниилом Галицким, возобновившим борьбу с Черниговским княжеством. Дождаться прихода к городу татар Данило оставил воеводу Дмитрия.

Дальнейшая история хорошо известна в общих чертах. Осенью 1240 г. Батый осадил Киев, расположив свою ставку несколько южнее тогдашнего города на горе, которая до сих пор сохранила название Батыевой. Летописи называют две разные даты взятия Киева, 6 декабря и 12 ноября, но результат одинаков, город был взят и сожжен.

Об этой трагедии на Замковой горе повествует раскопанное В.А. Богусевичем сторевшее жилище, в стене которого он обнаружил наконечник стрелы, а на полу — однолезвийный меч. В разное время на горе были также найдены наконечник копья, довольно многочисленные наконечники стрел и обрывок кольчуги, бывшие, возможно, свидетелями событий 1240 г. Очевидно, Зам-

ковую гору, в отличие от Подола, оборона которого была бессмысленна, жители не покинули, и благодаря своим почти отвесным склонам она стала таким же очагом сопротивления, как и главная крепость на Старокиевской горе.

Сравнительно подробно ход осады и штурма Киева подаются лишь южнорусские летописи, забывая, правда, указать ее продолжительность, но и эти описания, как справедливо отмечал Л.Н. Гумилев и другие исследователи, являются скорее вольным литературным пересказом событий уже постфактум, а не их достоверной хроникой. К тому же их внимание сконцентрировано на событиях последних дней осады, разворачивавшихся на Старокиевской горе, а оборона других частей города, в том числе и Замковой горы, осталась вне поля зрения. Северорусские летописи, авторы которых были далеки от места событий, в основном ограничиваются лишь одной строкой, констатирующей факт взятия Киева. Возможно, новые археологические открытия на Замковой горе предоставят ту информацию, о которой молчат летописи.

Кто построил киевский замок?

Период от взятия Киева Батыем и практически до конца XV в. является своеобразными «темными веками» в истории города, поскольку сообщения письменных источников о нем крайне отрывочны и противоречивы, а объем информации, полученной археологией, еще сравнительно невелик и начал использоваться лишь с недавнего времени.

С легкой руки русского историка начала XIX в. Н.М. Карамзина в исторической литературе надолго утвердилось мнение, что после 1240 г. Киев почти полностью запустел. Под его влиянием находились и украинские исследователи Д.М. Бантыш-Каменский, Н.И. Костомаров и другие. Впоследствии этот тезис развил и активно отстаивал М.П. Погодин, считавший, что уцелевшие после 1240 г. киевляне оставили город и переселились в Северо-восточную Русь, а Киев постепенно заняли выходцы из Галичины, полностью вытеснив из Среднего Поднепровья местное (автохтонное) население. Сходную мысль высказывали также польские историки: К. Шайноха, А. Яблоновский и другие, с той лишь разницей, что ведущую роль в новом заселении Киева они отводили полякам. Их позицию разделял и украинский историк П. Кулиш. Следует заметить, что этим сугубо научным поискам периодически придавали определенный политический подтекст.

С критикой мнения М.П. Погодина вскоре по его публикации выступил первый ректор Киевского университета М.А. Максимович, считавший, что существенной смены населения в Киеве и в Среднем Поднепровье в этот период не было. Несмотря на остроту дискуссии, он и после ее начала поддерживал давние дружеские

отношения с Погодиным. С 1880-х гг. для утверждения аналогичных позиций, получивших впоследствии в историографии название автохтонных, много сделал видный украинский историк В.Б. Антонович, поляк по национальности. В дальнейшем автохтонную точку зрения развивал и М.С. Грушевский.

Однако исследователи в то время были вынуждены строить свою аргументацию преимущественно на ограниченном числе сообщений письменных источников и общих теоретических реконструкциях. Только с 1970-х гг. начинается привлечение археологического материала для решения проблемы о степени запустения Киева после 1240 г. Собранная по этой теме к 1995 г. информация обобщена в книге Г.Ю. Ивакина⁸⁰.

В ней автор доказывает, что смены населения в Киеве после 1240 г. не произошло, так как отсутствуют соответствующие изменения в материальной культуре. Значительно меньшим было и запустение города, что подтверждается наличием жилых и хозяйственных построек второй половины XIII—XV вв. на месте всех прежних районов Киева, хотя их количество, безусловно, уступает древнерусскому времени. Более того, в XV в. при удельных киевских князьях Олельковичах город пережил даже определенный ренессанс, прерванный в 1482 г. войсками крымского хана Менги-Гирея, временно овладевшими Киевом, и последовавшими за этим частыми набегами татар.

В целом автохтонной концепции сейчас придерживается большинство украинских историков и археологов.

На наличие в слоях северной части Замковой горы большого количества керамики XIV—XV вв. обратил внимание еще В.А. Богусевич⁸¹. Подобная ситуация зафиксирована и нами в центральной части горы, что указывает на высокую плотность застройки и интенсивность жизни здесь в этот период. В данном контексте особый интерес представляет упоминание люстрацией (описанием) 1552 г. в киевском замке одной католической и трех православных церквей. Если наличие храмов обеих конфессий в замке вполне

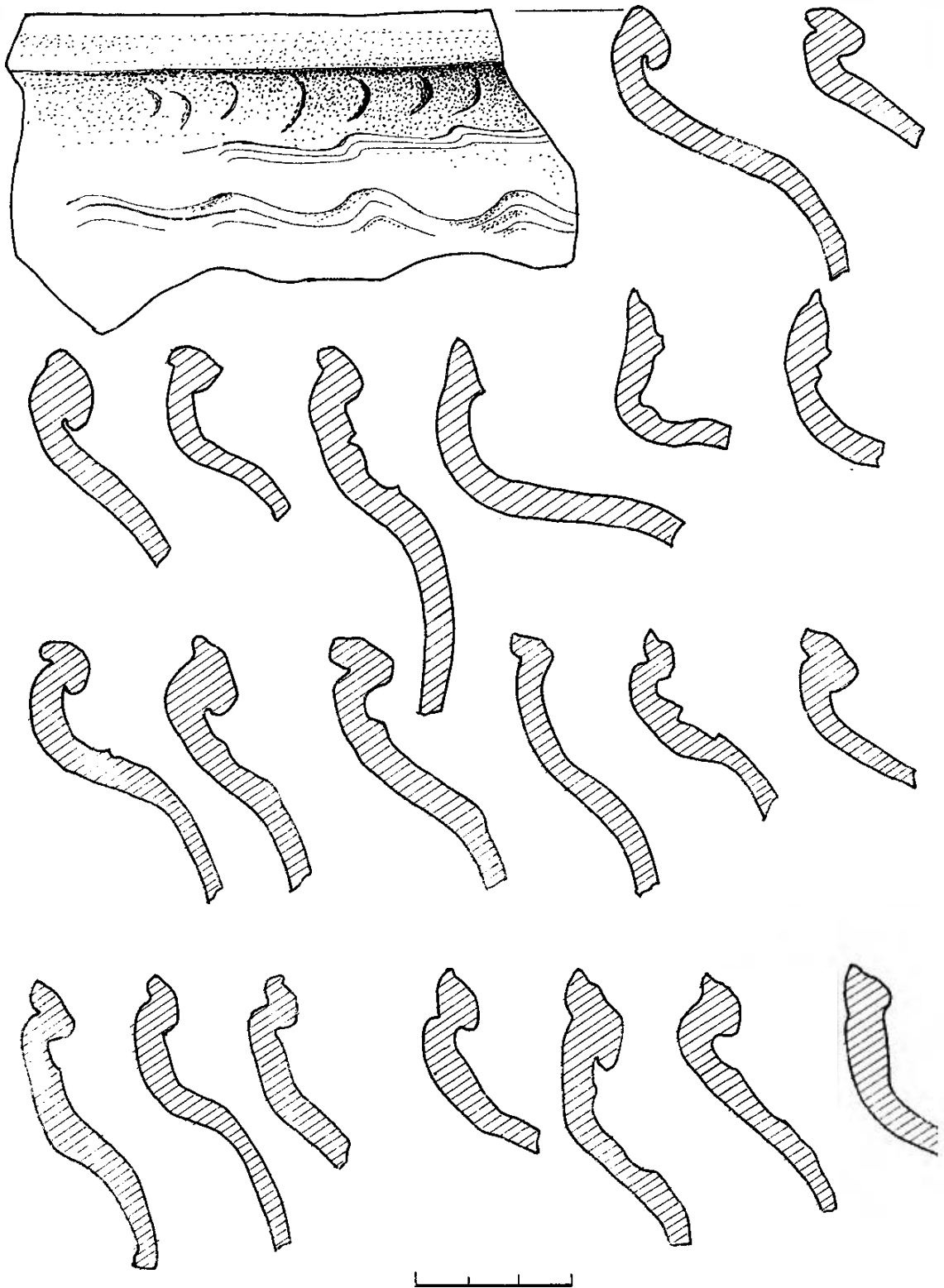

объяснимо тем, что среди его гарнизона было немало католиков, то столь высокая концентрация православных церквей, явно превышавшая потребности самого гарнизона, вызывает недоумение, тем более что к началу XVII в. из них в замке осталась всего лишь одна.

Очевидно, три православных церкви в замке построили в 1482—1485 гг. после его уничтожения Менгли-Гиреем, что, вероятно, являлось продолжением традиции XIV—XV вв., когда замок был несравненно более плотно заселен, чем впоследствии в XVI и XVII вв. Данное предположение вполне согласуется с многочисленными находками на горе керамики XIV—XV вв., но требует более обстоятельного подтверждения археологическим материалом. Вполне возможно, что в это время Замковая гора вновь стала на некоторое время центральным районом города. Рассмотрение этого вопроса не возможно вне контекста исторической ситуации, сложившейся в Киеве и вокруг него после 1240 г.

В 1241 г. в Киев вернулся из Венгрии Михаил Всеволодович черниговский, оставивший город в 1239 г. и направлявшийся теперь в ханскую ставку за ярлыком на Киевское княжество. И хотя по русским законам он все еще считался великим киевским князем, но в город не въехал, а остановился рядом на днепровском острове. Очевидно, в городе в это время находился какой-то наместник Золотой Орды, к которому Михаил и направил посла за разрешением на проход через Киев⁸². Достигнув ханской ставки, Михаил не только не получил ярлык, но и был казнен за отказ совершить языческий обряд очищения.

Учитывая, что Киев по-прежнему считался главной столицей Руси, ярлык на него в 1243 г. был отдан владимиристо-суздальскому и новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу, союзнику и вассалу Золотой Орды. После его смерти ярлык достался сыну, Александру Невскому, а затем внуку, Ярославу, значившемуся киевским князем до 1271 г. Но никто из них в Киев не переехал, да и не

Керамика XIII—XV вв. из раскопок Замковой горы 1999 г.

имел сил контролировать город, расположенный далеко от их владений.

Все это время в Киеве существовала какая-то реальная власть, нисколько не зависящая от северных князей. По вопросу, кого представляла эта власть, историки не имеют единого мнения и сходятся лишь в том, что достоверно это не были ордынские баскаки.

Сохранились имена и должности лишь некоторых ее представителей. Так, в 1245—1246 г. Киевом управлял тысяцкий Дмитрий Ейкович, в котором некоторые исследователи склонны видеть представителя новгородского Ярослава, другие, например, Л.Н. Гумилев, — галицкого боярина Дмитрия, оставленного Данилой в 1240 г. оборонять Киев. Дмитрий был ранен при штурме, попал в плен, но был пощажён Батыем и взят на службу в качестве проводника в западном походе. Вполне вероятно, что по окончании похода он мог быть посажен наместником в Киев.

В списке Любецкого поминального синодика черниговских князей значится некий князь Иван-Владимир Иванович киевский, время жизни которого ориентировочно относят ко второй половине XIII—XIV вв.⁸³ Под 1331 г. в южных летописях появляется князь Федор, собирающий здесь дань вместе с татарскими баскаками. Согласно летописи Густинского монастыря, он удерживал Киев до его занятия литовцами в 1362/63 г. О происхождении этого князя среди историков нет единого мнения. Одни выводят его из черниговских Рюриковичей, другие видят в нем литовского князя⁸⁴.

Таким образом, для периода почти в 120 лет имеем более чем скромную информацию о реальной власти в древней столице. Такая ситуация не могла не настораживать историков. В качестве ее объяснения еще Н.П. Дашкевичем, В.Б. Антоновичем и М.С. Грушевским было высказано мнение, что Киевщина в это время представляла собой по аналогии с соседней Болоховской землей конфедерацию автономных общин, управлявшихся выборными

атаманами, которых летописцы, по устоявшейся традиции, именовали князьями⁸⁵. Такой подход представляется наиболее правильным и полностью объясняет молчание письменных источников о киевской власти этого периода.

Сама Болоховская земля как политическое образование сложилась около середины XII в. на южном пограничье Киевского и Галицко-Волынского княжеств. Изначально ее территория охватывала современную Хмельницкую, Винницкую и часть Житомирской и Черкасской областей. В политическом плане она представляла своеобразную крестьянскую республику, схожую с крестьянскими республиками средневековой Швейцарии и Северной Германии. На ее территории существовало несколько укрепленных городов: Губин, Болохов, Божск и другие.

Болоховцы номинально подчинялись киевским князьям и вели перманентную борьбу с галицкими, а их территория служила убежищем галицкой боярской оппозиции. Естественным союзником болоховцев были черниговские князья, особенно в XIII в. в период противостояния между Михаилом и Даниилом Галицким. Младшие князья из черниговских Рюриковичей приглашались в Болоховскую землю на службу с дружинами, также как в Новгородской и Псковской республиках. Факт их присутствия в болоховской земле подтверждается и находкой в Божске богатого клада, содержавшего в том числе и золотой перстень с родовым знаком черниговских Ольговичей.

Болоховцы без сопротивления признали свою вассальную зависимость от Золотой Орды на условиях выплаты дани зерном и присылки вспомогательных отрядов, поэтому их земля не была разорена. Вскоре к ним присоединились жители Возвыгльской волости, черномцы и белобережцы. Очень вероятно, что к такой же системе самоорганизации перешли жители Киева и Киевской земли.

В 1241 и 1257 г. Данила Галицкий предпринял походы против болоховцев, в ходе которых их города были полностью уничтожены,

а оставшиеся жители выведены в Галицкое княжество. Конечной целью похода 1257 г. Данила ставил взятие Киева, но дойти до него не смог, поскольку понес большие потери при штурме Возвыля и не получил обещанной поддержки от литовцев.

После этого года болоховцы исчезли из русских летописей. Совсем неожиданно они еще раз появились в 1622 г. в грамоте Сигизмунда III об основании местечка Лисянки южнее Киева⁸⁶. Интересно, что заходившие в Лисянку болоховцы рассматриваются ею как некие полудикие аборигены. Столь поздняя фиксация болоховцев и столь далеко от основного района их проживания наталкивает на мысль, что после 1240 г. процесс образования таких автономных общин мог захватить и Киевщину. Это доказывается и другими исследованиями по исторической топографии.

То, что Киев в этот период являлся автономной самоуправляющейся городской общиной, косвенно подтверждается также рядом фактов из истории церкви. Так, в описании общерусского церковного собора 1273 г., проходившего в Киеве, князь не упоминается, хотя он должен был обязательно находиться на столь знаменательном собрании, принявшем правки к «Кормчей книге», по которой еще долго строилось управление церковными организациями всей Руси. Не упоминается он и на похоронах видного церковного деятеля того времени, митрополита Кирилла, погребенного в 1282 г. в Софии, хотя летописец и отмечает, что «тамо (в Софийском соборе. — К. С.) паки пѣвше над нимъ и служивше вси епископи Русстїи со всем священнымъ съборомъ»⁸⁷. Причину ухода из Киева в 1354 г. митрополита Романа, ставленника литовского князя, летописец объясняет тем, что «не приняше бо его кияне»⁸⁸. Но именно в это время городом должен был управлять, если верить Густинской летописи, князь Федор, который только и был бы полномочен принимать такое решение.

Тема Болоховской земли и аналогичных ей политических образований была поднята Н.П. Дашкевичем, М.С. Грушевским и другими историками в конце XIX в., но в 1930-е гг. на нее накла-

дывается табу. Сталинской пропагандой в то время разрабатывается иконный образ Даниила Романовича Галицкого как собирателя южнорусских земель и сподвижника Александра Невского в этом деле. В такой схеме наличие «плохой» боярской оппозиции князю не только допускалось, но было даже необходимо, а вот существование несистемной антифеодальной оппозиции в виде целой крестьянской республики в Болоховской земле и родственных ей образований, жестоко уничтоженных Даниилом, не только подрывало светлый образ князя, но и создавало определенную методологическую проблему, поскольку предполагало возможность альтернативного развития в духе народничества и противоречило официозному варианту смены общественных формаций. Поэтому о болоховцах старались не вспоминать, а уничтожение их городов, раскапываемых археологами, приписывали Батыю или Бурундаю.

Все же на страницы «Истории Украинской ССР», изданной в 1982 г., смогла прорваться следующая фраза: «Существует предположение, что киевская земля не имела тогда (во второй половине XIII и в XIV в. — К. С.) княжеской власти, а разделялась на ряд отдельных сельских и городских общин, подчиненных непосредственно ордынским баскакам»⁸⁹.

Учет этого исторического контекста крайне важен для поиска ответа на вопрос: кем был построен замок на бывшей Хоревице? Трудно представить, что Киев на протяжении 120 лет с 1240 г. и до его занятия литовцами в 1362/63 г. оставался без надежных оборонительных укреплений. Крепость древнерусского времени на Старокиевской горе таковой уже считать было нельзя.

Во-первых, ее стена, согласно летописи, была пробита Батыем. Документами XVI—XVIII вв. неоднократно упоминается Пробитый вал, изображенный и на плане Киева 1695 г. за современной Львовской площадью. Несомненно, своим названием и появлением он был обязан Батыю, поскольку ни до, ни после него стенобитные орудия к укреплениям Киева не применялись.

Во-вторых, во время похода 1240—1241 гг. в распоряжении Батыя находились 32 таких стенобитных пороки, и вряд ли при штурме Киева был использован лишь один, да и сам штурм, логичнее всего, производился с нескольких участков. В-третьих, овладевая городами, монголо-татары повсеместно срывали их укрепления, чтобы обезопасить себя в будущем. Так, Данило Романович был вынужден снести крепости в Галицком княжестве. По требованию Батыя снесена была и каменная стена Печерского монастыря. На рисунке 1651 г. Вестерфельда, изображающем въезд Януша Радзивила в Киев, оборонительный вал возле Золотых ворот раскопан.

Очевидно, после ухода Батыя из Киева его валы сплошь были прорезаны такими брешами и преграды для кочевников не представляли. В результате жители этого района, в отличие от соседнего Подола и Печерского местечка, имевших пусть неважные, но хоть какие-то укрепления, еще в первой половине XVI в. серьезно страдали от набегов татар, хотя и жили внутри остатков могучих валов. Впоследствии ни литовские, ни польские власти всерьез не рассматривали вопрос о восстановлении этих укреплений, не имея для того ни сил, ни средств, и лишь московские воеводы после 1654 г. отстроили заново древнюю крепость.

Однако трудно представить, что на протяжении 120 лет у жителей Киева не было надежного убежища, которое могло бы защитить их по крайней мере от вторжений сравнительно небольших отрядов неприятеля. Идеальным местом для его строительства была Хоревница, на которой с начала XIV в. уже достоверно существовал замок, успешно выдержавший в 1416 г. осаду войсками хана Эдигея. Гора не соединялась с плато, вследствие чего нападавшие не имели удобной площадки для штурма и вынуждены были взбираться по достаточно отвесным склонам на высоту от 20 до 50 м. Длина укреплений замка, располагавшихся по самому краю горы, не превышала 1 400 м, и для их удержания в этих условиях не требовалось большого количества воинов.

Очевидно, вскоре после ухода Батыя Замковая гора начала быстро заселяться, что подтверждается наличием здесь большого количества керамики этого времени. Скорее всего, именно тогда здесь и возникли какие-то, возможно еще очень легкие, укрепления в виде частокола. Киевская община, оставшись без княжеской власти, была вынуждена сама заботиться о собственной безопасности, тем более, что город в этот период реально находился на ничейной земле. Золотоордынские ханы ограничивались лишь признанием ее населением вассальной зависимости, выражавшейся в выплате дани, и в местное управление активно не вмешивались. Данила Галицкий так и не смог подчинить себе Киевскую землю, а окончательно распавшееся на мелкие уделы Черниговское княжество было занято собственными проблемами.

В этой ситуации на Киевскую землю пытается распространить свое влияние Великое княжество Литовское. Как считает Ф.М. Шабельдо, первая такая серьезная попытка была сделана еще при Гедимине после 1332 г. и привела к установлению какой-то формы зависимости местных общин от литовского князя⁹⁰. Однако сводилась ли эта зависимость к сбору каких-то выплат с местного населения в обмен на военную защиту или имела другие формы, пока еще не ясно. В этом продвижении на юг интересы Великого княжества Литовского неизбежно столкнулись с интересами Золотой Орды, контролировавшей этот регион.

В 1361 г. обе стороны вступили в открытый конфликт, закончившийся сражением на речке Синие воды, в котором «Ольгерд победи трех царков Татарских и з ордами их, си ест Котлубаха, Качебея, Дмитра; и оттоли от Подоля изгна власть татарскую. Сей Ольгерд и инныя Руския державы во власт принят и Киев под Федором князем взят, и посади в нем Володымера сына своего»⁹¹. Момент для вступления в войну Ольгердом, великим князем литовским, был выбран очень удачно. Золотая Орда пребывала в великой «замятине» и только в 1361 г. в ней сменилось пять ханов. Ее основные силы были задействованы в Поволжье, где шла борьба

за ханскую ставку, и Ольгерду на далекой окраине противостояли лишь силы местных царьков, чьи интересы он непосредственно затрагивал. Но для Киевской земли и значительной части Украины

Ольгерд — великий князь литовский. Гравюра XVIII в.

Синеводская битва стала поворотным моментом в истории, открыв двухсотлетнюю эпоху их пребывания в составе Великого княжества Литовского.

Дата битвы — 1361 г. по Густинской летописи — не является однозначно достоверной, поскольку другие летописи сообщают о ней под 1362 и 1363 гг., что связано с некоторыми подвижками хронологии в них. Большинство исследователей, исходя из анализа общей исторической ситуации, склоняется к тому, что 1362 г. может быть наиболее вероятной датой Синеводской битвы. И хотя

этот вопрос все еще остается спорным, сам факт занятия литовцами Киева как ее результат сомнений не вызывает.

Густинская летопись единственная из южнорусских летописей, которая сообщает об отнятии Ольгердом Киева у князя Федора. Большая часть исследователей склонна видеть в нем все того же Федора, упоминаемого в 1331 г. Но это мнение уязвимо в ряде моментов.

Как ни парадоксально, Федор оказывается на XIV век единственным более-менее реальным князем на территории Киевской земли и Подолии, завоеванных Ольгердом, но летописцы его при этом не замечают, хотя он является владельцем древней столицы. Учитывая это обстоятельство, странно, что, называя Федора князем,

они не сообщают ничего о его происхождении от кого-либо из правящих Рюриковичей, что соответствовало бы канону.

Все это заставляет поставить вопрос: был ли Федор действительно князем и потомком Рюриковичей или, скорее всего, являлся полувыборным атаманом, как и болоховские князья, которых летописцы именовали князьями лишь потому, что не выработали адекватного термина для обозначения власти такого типа. Заметим, что описание ситуации 1331 г., когда Федор вместе со своей малой дружиной в 50 человек и баскаками собирал дань под Черниговом, заставляет однозначно исключить версию о принадлежности его к татарам или половцам, принявшим христианство, каким, вероятно, был царек Дмитрий, павший в Синеводской битве.

В этом контексте сообщение Густинской летописи о его правлении в Киеве накануне занятия города Ольгердом представляется сознательным домыслом летописца, решавшим две задачи. Во-первых, придания легитимности завоеваниям Ольгерда, что для междинастических отношений средневековья было крайне важно, во-вторых, сохранения ореола постоянного наличия в столице Руси, даже в смутные времена, настоящей (в тогдашнем понимании) государственной власти. Вполне возможно, что упомянутый в 1331 г. князь Федор к 1362 г. уже успел скончаться, но летописец знал о его существовании и заполнил пробел в истории согласно своим идеологическим представлениям.

На отсутствие в Киеве реальной княжеской власти также указывает существование Уставной грамоты для Киевской земли, являющейся договором между литовским князем и боярством этой территории. Ее появление было бы маловероятным при наличии в Киеве князя в полном смысле этого слова.

Реальность личности Владимира, сына великого литовского князя Ольгерда, сомнений не вызывает. После почти 200 лет перерыва он был первым, кто действительно возглавлял управление городом более тридцати лет от Синеводской битвы до 1394 г. Биография его сравнительно хорошо известна по документам.

Именно с Владимиром Ольгердовичем большинство исследователей связывает и строительство киевского замка на Хоревице, после чего в обиходе начинает употребляться название «Замковая гора». Но летописи ничего не сообщают о строительстве в Киеве замка Владимиром Ольгердовичем, и хотя такое предположение вполне логично, также как и наше о наличии укреплений на Замковой горе задолго до занятия города литовцами, однако документально не подтверждено. И вряд ли это удастся сделать в будущем, поскольку обнаружение новых письменных источников по истории Украины XIII—XIV вв., тем более Киевского региона, маловероятно.

Вместе с тем историческая правомерность обоих этих предположений настолько очевидна, что основная масса исследователей истории Киева уже давно отказалась от трактовки как факта первого строительства замка сообщения некоторых летописей, что в результате похода 1393 г. великий князь литовский Витовт «заруби Киев». Но это не означает, что летописцы в очередной раз исказили действительность. Свой поход 1393 г. на Киев Витовт совершил именно для устранения отсюда Владимира Ольгердовича, который вел себя чересчур независимо по отношению к великому князю, и более того — даже вступил в дипломатические отношения с враждебным Великим княжеством Московским. За что в итоге и был сослан в маленький городок Копыл в Беларуси, где и скончался в 1398 г. в качестве местного князя.

Изгнав Владимира Ольгердовича из Киева, Витовт должен был предпринять и другие активные действия по укреплению позиций и престижа центральной власти в этом далеком от Литвы, но очень важном для нее городе. В число таких первостепенных мер, очевидно, входила капитальная перестройка замка, поскольку именно он был реальным материальным воплощением присутствия в городе сильной государственной власти.

Необходимость перестройки киевского замка диктовалась также стратегическими военными приготовлениями Витовта, и вряд

Витовт — великий князь литовский.
Гравюра XVI в.

ли эти работы были закончены в 1393 г. Так, в январе 1397 г. комтур города Дюнабурга сообщал магистру Ливонского Ордена об укреплении Витовтом оборонительных сооружений Киева и отправке сюда большого количества пушек⁹².

О том, насколько основательно были проведены строительно-ремонтные работы в замке, свидетельствует тот факт, что в 1399 г. войска Золотой Орды хана Тимур-Кутулака, пресле-

довавшие Витовта, который потерпел тяжелое поражение в битве на реке Ворскле, не стали штурмовать киевский замок и после непродолжительной осады, взяв выкуп с жителей, ушли. По легенде в замке укрылось все население города, которое сильно страдало от недостатка воды, поскольку запасы ее в колодцах, а их глубина достигала 60 м, были незначительными. Чтобы откупиться от татар, киевским женщинам пришлось отдать все свои драгоценности.

Осада 1399 г. осуществлялась отнюдь не малыми силами Орды. Мы не имеем точных данных о количестве участвовавших в ней воинах, но даже если бы они и были, то, как давно уже показали работы военных историков⁹³, скорее всего, оказались бы на несколько порядков завышены. Все же о масштабности

участвовавших сил можно судить по именам их руководителей и целям, которые они надеялись достичь в этой войне. Ситуация развивалась таким образом.

В 1396 г. Витовт вступает в союз с ханом Тохтамышем, отомстившем в 1382 г. Дмитрию Донскому за поражение на Куликовом поле сожжением Москвы, но сброшенном Тимур-Кутулаком с ханского престола. Условия договора были следующими: Витовт помогает вернуть Тохтамышу ханский престол, взамен тот передает ему ярлык на Московское княжество и все русские земли. Два самостоятельных похода Тохтамыша на Крым и Орду закончились неудачно, и оба раза он спасался бегством в Киев к Витовту. Более успешны были действия самого Витовта. В 1398 г. он дошел до устья Днепра, где построил крепость св. Иоанна, которую, очевидно, удерживал до своей смерти в 1430 г. С 1399 г. местом сбора сил для совместного выступления союзников стал Киев, где к ним присоединились 400 польских рыцарей и 100 крестоносцев. Отсюда они и выступили в неудачный поход к реке Ворскле.

Учитывая масштабы театра военных действий, нет никаких сомнений, что Киеву, точнее его замку, отводилась роль главного стратегического форпоста на юге Великого княжества Литовского и опорного пункта в его стремлениях расширить свои границы. Это, безусловно, требовало наличия в городе мощной крепости. Доказательством солидности для XIV—XV вв. укреплений киевского замка служит и то, что хан Эдигей, руководивший осадой в 1399 г. в качестве всевластного темника, в 1416 г. вновь окружил замок, надеясь на этот раз взять его. Вероятно, Эдигеем двигали не только честолюбие военного и необходимость уничтожить сильнейшую крепость противника, где Витовт уже стал короновать претендентов на ханский трон, но и стремление овладеть богатствами города, с которого в 1399 г., по данным Никоновской летописи, он взял выкуп в 3 300 рублей⁹⁴. Эта сумма была почти равна выкупу, взятому Эдигеем в 1408 г. с Москвы, одного из

крупнейших городов Восточной Европы на то время. Но замок еще раз продемонстрировал мощь строений Витовта и овладеть им Эдигею не удалось.

Значимость строительных работ Витовта по укреплению замка сомнений не вызывает, но те богатства, которыми расплачивался город за военные неудачи великого князя, образовались отнюдь не за семь лет его правления. Для их накопления были необходимы многие десятилетия упорного труда киевлян под защитой надежной крепости.

Главная крепость Поднепровья

Замок в XIV—XVI вв. был не только убежищем для жителей города, но и резиденцией сначала князей, а с 1471 г., после окончательной ликвидации удельного Киевского княжества в составе Великого княжества Литовского, в нем обязаны были проживать воеводы. Овладев Киевом, Владимир Ольгердович расположил в замке, как наиболее безопасном месте, свою резиденцию, и с этого момента гора стала политико-административным центром города. Здесь же должен был находиться и монетный двор князя.

Герб Великого княжества
Литовского

Начало выпуска собственной монеты Владимиром Ольгердовичем было фактом знаменательным во всех отношениях. До него монету в Киеве чеканили только Владимир Святославич и его сыновья — Святополк Окаянный и Ярослав Мудрый. После них, за исключением чеканки около 1070 г. монет тмутараканским князем Михаилом, попыток наладить выпуск собственных денег на Руси больше не предпринималось. Причиной тому служило прежде всего отсутствие на Руси месторождений

серебра. Влияли и другие факторы, определявшие схожую ситуацию в Западной и Центральной Европе, где, несмотря на наличие достаточно богатых запасов серебряных руд, выпуск монеты с конца XI в. также резко сократился, а их качество заметно ухудшилось. В результате большинство стран Европы пережило в XII—XIII вв. своеобразный «безмонетный» период различной продолжительности. На Руси он длился более 300 лет, и свидетельством его завершения в южных землях считается начало чеканки монет Владимиром Ольгердовичем.

Изготавливались эти монеты по среднеазиатской технологии, освоенной татарами в период завоевания Хорезма. В отличие от Европы, где их чеканили на кружках, вырезанных из листовых пластин металла, или Византии и южнославянских стран, где изображение наносилось штемпелем на предварительно отлитые кружки, в Средней Азии монету чеканили из нарезанной серебряной проволоки, предварительно расплющив полученные заготовки. Выбор такой технологии для монет Владимира Ольгердовича был обусловлен тем, что в Поднепровье того времени в денежном обращении доминировали золотоордынские монеты, а других население просто почти никогда не видело. Поэтому, чтобы быть принятой местным рынком, киевская монета должна была первое время соответствовать внешнему виду монет Золотой Орды.

В результате применения такой техники чеканки монеты Владимира Ольгердовича имеют овальную форму, а их средний вес колеблется, приближаясь обычно к 0,2 г. Размеры монет также различны и представлены вариациями от 11 x 12 до 14 x 15 мм. Сегодня известны находки более 1 200 монет, но их основная масса, 969 единиц, происходит из Сосницкого клада, хранящегося в Национальном музее истории Украины. Их находки зафиксированы на территории Украины, Беларуси, Литвы и России. Дважды эти монеты находили и на Замковой горе. Возможно, в ходе раскопок здесь будет обнаружено и помещение, где их изготавливали.

На одной из сторон монеты Владимира Ольгердовича выбито имя князя и помещен характерный знак, о семантическом значении которого среди исследователей-нумизматов до сих пор нет единого мнения. В нем видят изображения Софийского собора или Золотых ворот, родовые знаки Рюриковичей или литовских князей.

Точное время начала выпуска монет Владимиром Ольгердовичем тоже не известно, и это событие относят к 1362, 1367, 1374 или 1377 г. Но в любом из данных вариантов они являются более ранними, чем выпуск собственно литовских монет, начатый в Вильнюсе великими князьями около 1387 г. Факт чеканки монет Владимиром Ольгердовичем дал основание некоторым историкам рассматривать его как наиболее раннее и важное проявление стремлений киевского князя к независимости от центральной власти. Но с этим утверждением нельзя согласиться, поскольку чеканка собственной монеты в Киевской земле, судя по последним нумизматическим поступлениям, началась раньше ее завоевания литовцами и была продиктована уровнем ее собственного экономического развития.

По данным К.К. Хромова, к 2004 г. уже было известно о находках 34 монет, являющихся местными подражаниями монетам хана Джанибека, чеканенным в Гюлистане в 1352—1353 гг. Основная их масса происходит из Сумской области, а две — из Киева. Еще 17 таких монет, как оказалось, содержит Борщевский клад 1948 г.⁹⁵ Подобный тип подражаний широко распространенным тогда монетам Джанибека встречается только на территории современных Киевской, Черниговской и Сумской областей. Это означает, что они чеканились где-то в этом регионе, возможно, в Киеве, и за несколько лет до того, как в городе появился Владимир Ольгердович. Необходимость их чеканки была вызвана возрастанием уровня развития производительных сил и интенсивности товарного обмена. Выпускать эти монеты могли либо князья, подобные летописному Федору, либо общины крупных городов. В обоих слу-

чаях по своему статусу они соответствуют городской монете, выпускавшейся в средневековье многими городами Европы для внутреннего обращения.

Владимир Ольгердович, прибыв из Литвы, где своей монеты еще не было, и не имея ни профессиональных резчиков штемпелей, ни запасов серебра, не мог сам и в короткие сроки организовать ее чеканку в завоеванном городе, к тому же для этого у него не было актуальных личных мотивов. Литва еще 15 лет обходилась без собственной монеты, и предположение о ее выпуске Владимиром Ольгердовичем по своему почину в далеком чужом городе, где первое время он реально мог рассчитывать лишь на маленький литовский гарнизон, только для того, чтобы продемонстрировать отцу свою независимость, является несерьезным.

Очевидно, войдя в Киев, Владимир Ольгердович обнаружил действующую мастерскую, время от времени чеканившую указанные подражания монетам Джанибека и вряд ли уведомлявшую об этом хана. Единственное, что оставалось в этой ситуации князю, — поставить свое имя и знак на монете, благо она имела две стороны. И действительно, на первом типе монет Владимира Ольгердовича на их оборотной стороне схематично изображена нечитаемая арабская надпись, условно называемая «плетенкой». Благодаря ей монета сохраняла привычный для населения облик, но как только она адаптировалась на местном рынке, «плетенку» сменили другие знаки.

Тем самым, первый выпуск монет Владимиром Ольгердовичем в киевском замке логично отнести к началу его правления, и причиной его были не амбициозные устремления князя, а реалии экономического бытия города и Киевской земли.

Впрочем в политических амбициях князю также отказать сложно. Придерживаясь православного вероисповедания, он смог довольно быстро завоевать доверие населения Киевской земли и, опираясь на его потенциал, стать одним из влиятельнейших удельных князей Литовско-Русского государства. К началу 1390-х гг. он

считался одним из возможных претендентов на место великого князя литовского, после того как его родной брат Ягайло стал польским королем, женившись в 1385 г. на королеве Ядвиге. И если в договорах Тевтонского ордена с Великим княжеством Литовским он скромно подписывался как князь киевский, то, раздавая земли в своих владениях, именовал себя «князь великий Вьлодимер Ольгердовичь»⁹⁶.

Поэтому Витовт, борясь за великокняжеский престол, поспешил выступить весною 1394 г. на Киев, чтобы нейтрализовать своего могущественного дядю. Владимир Ольгердович не стал доводить ситуацию до открытого военного столкновения и прибыл для капитуляции в лагерь Витовта в Овруче. Позже, на встрече Витовта и Ягайла в июне 1394 г. в Вислице, между ними была достигнута договоренность о выделении Владимиру Ольгердовичу небольшого удела в Беларуси с городами Копыл и Слуцк⁹⁷. После смерти в Копыле тело этого князя было доставлено в Киев и погребено в Печерском монастыре.

Место Владимира Ольгердовича в киевском замке в 1395 г. занял его брат Скиргайло, именовавшийся также после крещения по православному обряду Иваном. Однако его правление было недолгим. В январе 1397 г. он получил приглашение от митрополичьего наместника на пир в трапезную палату Софии, во время которого и был отравлен. Наиболее заинтересованным лицом в избавлении от Скиргайла был Витовт, передавший Киев после его смерти своему соратнику — князю Ивану Ольгимунтовичу Гольшанскому, погибшему в 1399 г. в битве на Ворскле. Кто управлял городом после гибели Ивана Гольшанского и до смерти самого Витовта — неизвестно. Скорее всего, это были представители незначительных княжеских родов, на что косвенно указывает жалоба 1471 г. киевлян королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV на постановку в Киев воеводой Мартина Гаштольда, которого они отказались принимать. Жалобщики выдвигали два аргумента против этого назначения: Гаштольд католик, а не православный, и что

Киевский князь Скиргайло.
Гравюра XVI в.

важно, он не княжеского рода, а князя, по их мнению, в Киеве были всегда. Если считать последний аргумент истиной для периода с начала XIV в., а далее вряд ли заходила историческая память тогдашних киевлян, то высказанное предположение будет верным. Однако эти князья слабо обозначили себя в истории, и при них Киевская земля реально утратила статус удельного княжества.

Смерть Витовта в 1430 г. стала сигналом к большому переделу его наследства. Первым поднял мятеж Свидригайло Ольгердович, переживший своего племянника Витовта. В этом его поддер-

жала значительная часть князей и бояр украинских и белорусских земель, признавшая Свидригайла великим князем и провозгласившая создание Великого княжества Русского со столицей в Киеве. В ответ феодалы Литвы и части Беларуси выбрали великим князем Сигизмунда Кейстутовича, и великое княжество Литовское распалось на два фактически самостоятельных государства. На стороне Сигизмунда выступил Ягайло, обеспокоенный антипольскими настроениями Свидригайла.

Начались военные действия, в ходе которых в 1432 г. Сигизмунд осадил киевский замок, но взять не смог и отступил. В том же году в Киев для ведения переговоров прибыл и польский король

Ягайло. Их результатом стало издание Ягайлом совместно с Сигизмундом привилея о равных правах в занятии должностей в Великом княжестве Литовском для православных и католиков. В 1434 г. этот привилей был подтвержден, но реальный раздел государства на две части по-прежнему сохранялся.

В 1435 г. стороны сошлись в битве под Вилькомиром, проигранной Свидригайлом. В ней он потерял многих сторонников, в том числе и киевского князя Ивана Владимировича. Сигизмунд в 1436 г. предпринял новое наступление на Киев, но был разбит на его околице киевским воеводой Юршей. В дальнейшем военный паритет сторон восстановился.

Не добившись успеха в войне, Свидригайло организовал покушение на Сигизмунда. К нему в Трокайский замок было послано 300 возов сена, под которым прятались люди Свидригайла. Обоз вошел на территорию замка, и 20 марта 1440 г. заговорщики убили Сигизмунда. Руководил этой операцией киевлянин Скобейко.

Убийство Сигизмунда вынудило стороны заключить окончательный мир, по которому были восстановлены удельные княжества Киевское и Волынское. Свидригайло получил Волынь, а Киевское княжество было возвращено Олельку (Александру), сыну Владимира Ольгердовича, который и правил в нем до 1455 г. Однако это возвращение потомков Влади-

Сигизмунд Кейстutowич — великий князь литовский. Гравюра XVI в.

мира в Киев производилось уже на иных условиях. Сам Владимир владел Киевским княжеством как вотчиной, но его сын, а затем и внук Симеон (Семен) получали его из-за «грехов» отца лишь в пожизненное владение.

После смерти Симеона (1455—1470) этим условием для окончательной ликвидации Киевского княжества как отдельного удела воспользовался польский король и великий князь литовский Казимир IV. Несмотря на то что род не прервался, он отказался передать его брату Михаилу Олельковичу Киевское княжество и направил в город воеводой уже упоминавшегося Мартина Гаштольда. Киевляне, по приведенным выше формальным мотивам, отказались принять Гаштольда и просили назначить вместо него Михаила Олельковича. Но Казимир IV был непреклонен, и Гаштольд со второй попытки смог наконец въехать в город. Сам Михаил в это время был литовским наместником в Новгороде, но, узнав о кончине брата, срочно прибыл в Киев, что, однако, не помогло ему отстоять наследство.

Впрочем непреклонность Казимира IV вполне объяснима. За тридцать лет правления Олелька и его сына Киевское княжество смогло восстановить утраты, нанесенные Большой феодальной войной 1430—1440 гг. и в Киеве даже предпринимались попытки возобновить каменное строительство, не ведущееся в городе уже более двухсот лет. Княжество оставалось достаточно крупным и полусамостоятельным политическим образованием на юго-восточном пограничье. Последнее обстоятельство было источником постоянного соблазна для киевских князей к вступлению в союз с Московским великим княжеством, молдавским господарем и татарскими ханами.

К тому же киевские князья в то время были крупнейшими православными властителями в Великом княжестве Литовском и естественным центром объединения всех оппозиционных православных элементов. Сам Михаил Олелькович был вполне реальным кандидатом на великокняжеский престол, в чем мог рассчитывать

также на поддержку Новгорода и Пскова. Не случайно благосклонный к Михаилу псковский летописец признавал за ним право на город и именовал князя «киевским»⁹⁸.

Учитывая все эти обстоятельства, Казимир IV никак не мог пойти на сохранение Киевского княжества за Михаилом. Но и назначение воеводой в Киев Гаштольда не избавило короля от столкновения с православными феодалами, хотя и внесло определенную дезорганизацию в их ряды.

В результате действий Казимира IV вокруг сидящего в Киеве в своей загородной резиденции на Вигуровщине (замок занимал Гаштольд) Михаила начинается заговор, направленный против короля. Из числа его основных участников известны двое: двоюродный брат Михаила — князь Федор Бельский, а также князь Иван Гольшанский. Но заговор был раскрыт, и его участники, за исключением Федора Бельского, успевшего удрасть в Москву, были арестованы. Им предъявили обвинения в покушении на жизнь короля, намерении возвести на великокняжеский престол Михаила Омельковича и государственной измене, поскольку в случае неудачи князь планировал перейти со всеми своими землями, составлявшими добрую половину тогдашней Украины и Беларуси, под руку московского князя. Михаил Омелькович и Иван Гольшанский были казнены 30 августа 1481 г. на лобном месте перед замком. Оно находилось на небольшой горе, называвшейся в XVI в. Клинец, которая и сейчас соединена с Замковой горой глубокой западиной.

Во всех этих перипетиях политической борьбы киевский замок оставался не только мощной военной крепостью, но и уютным местом отдыха их участников, чувствовавших себя в нем в полной безопасности. Об удобстве внутренней обстановки жилищ в замке свидетельствуют многочисленные находки на территории горы керамических печных изразцов. Самые ранние из них, датирующиеся XIV в., имеют форму длинных цилиндров, благодаря которой увеличивалась теплоотдача печей. На остальной территории Киева

в сравнении с Замковой горой такие изразцы встречаются значительно реже, что свидетельствует о довольно раннем переходе обитателей замка к более комфортным бытовым условиям.

На рубеже XV и XVI вв. изразцы цилиндрической формы сменяются квадратными, более удобными в изготовлении и употреблении. Одни из первых образцов такого типа в Киеве также найдены на Замковой горе. В отличие от их предшественников, на этих изразцах уже помещают изображения людей и животных. Примером могут служить два достаточно редких по семантике рисунка изразца с изображениями головы вельможи и льва, найденные в разное время на Замковой горе. В историческом и художественном плане они очень информативны, в отличие от изразцов конца XVII — начала XVIII вв., на которых наносился преимущественно типовой растительный или геометрический орнамент.

Очевидно, на фоне таких изразцов в светлицах гостевых домов замка его владельцы вели продолжительные беседы с послами, купцами, проповедниками и путешественниками, которые были основными распространителями информации в средневековье. Факты пребывания некоторых из них в замке зафиксированы летописями.

Так, в 1474 г. Мартин Гаштольд принимал в замке посла Венецианской республики Амброзио Контарини⁹⁹. В том же 1474 г. он встречался здесь с митрополитом Кафы Симоном, искавшим помощи для изгнания осадивших город турок. Узнав за обедом о захвате Кафы султаном Магомедом, митрополит умер прямо за столом¹⁰⁰. С большим воодушевлением о радушии и гостеприимстве тогдашнего киевского подвоеводы (заместителя воеводы) в сравнении с его коллегами в других городах отзывался гданьский торговец Мартын Груневег, побывавший в Киеве в 1584 г.¹⁰¹

Но в 1482 г. Киев пережил страшное разорение, сопоставимое лишь с нашествием Батыя. Первого сентября киевский замок осадили войска крымского хана Менгли-Гирея. Причиной похода

было не только стремление хана завладеть богатствами города, но и сложные коллизии международных отношений.

В 1475 г. турки-османы овладели побережьем Крыма, захватив его богатые торговые города, многие из которых были генуэзскими колониями, подчинявшимися одновременно этой итальянской республике и крымскому хану. Турки запретили татарам появляться на побережье, но оставили за ними степную зону полуострова, а сам Менгли-Гирей был вынужден стать вассалом Османской империи. С помощью турок он к 1479 г. окончательно утвердился на ханском престоле, устранив других претендентов, и основал династию Гиреев, правившую Крымским ханством до его ликвидации Екатериной II.

Появление турок в Крыму привело к кардинальной смене политических союзников у крымско-перекопских татар. До этого их главными противниками были ханы Золотой Орды, стремившиеся к подчинению Крымского ханства. Соответственно, союзником Крымского ханства выступало Великое княжество Литовское, особенно в период правления Витовта. Московское княжество, борясь за русские земли с Литвой, в этом конфликте обычно становилось на сторону Золотой Орды.

После превращения Крымского ханства в вассала Османской империи Гирей были вынуждены следовать в русле ее стратегических интересов в Причерноморье, заключавшихся в стремлении овладеть Молдавским и Трансильванским княжествами, а также украинской Подолией. Но здесь интересы Турции сталкивались с Польшей, которая, находясь в личной унии с Великим княжеством Литовским (Казимир IV был главою обоих государств) сама претендовала на эти земли. В результате Литва объективно становилась противником Гиреев, а Казимир IV был вынужден искать на них управу в Золотой Орде, и былой союз Литвы с Крымом распался.

Московское княжество, теснимое Литовским, в этой ситуации, независимо от личных желаний Ивана III, почти автомати-

чески становилось далеким союзником Гиреев, хотя и не имело реальных рычагов воздействия на Крым. Поэтому уверения псковского летописца, что «по слову великого князя Ивана Васильевича» хан Гирей пошел на Киев, овладел им и в качестве доказательства своего успеха прислал князю церковную посуду, золотой потир и дискос, взятые из Софийского собора, были не более чем попыткой приписать чужие победы на свой счет. Но за ними крылся определенный дипломатический расчет. К этому времени Иван III принял титул царя Всея Руси и заявил литовцам о своих претензиях на возврат Киева как исконной вотчины Рюриковичей.

На фоне этих политических комбинаций Менгли-Гирей летом 1482 г. начал поход по Днепру на Киев, разорив по дороге Канев и Черкассы. Все население города укрылось в замке, обороной которого руководил воевода Иван Ходкевич, причастный к заговору Михаила Оленьковича, но выдавший заговорщиков королю и казнивший их. В отличие от трех предыдущих осад (1399, 1416 и 1432 гг.), эту киевский замок не выдержал. Он был взят Менгли-Гиреем и сожжен вместе со всем городом. Большинство населения погибло или было уведено в Крым. В плен попали и воевода Иван Ходкевич с женой, который в нем и скончался, так и не дождавшись выкупа.

Об этом трагическом событии на Замковой горе напоминают находки не только «болтов», граненных стрел XV в., но и кладов того времени. На последних следует остановиться подробнее.

Первые письменные сообщения о находках на горе монет XIV—XV вв. принадлежат киевскому коллекционеру XIX в. Ф.Ф. Кундеревичу, который упоминает, что в 1870-е гг. А.И. Ставровский находил здесь пражские гроши XIV—XV вв.¹⁰² В это время на горе уже активно начали копать могилы под кладбище Фроловского монастыря и, скорее всего, Ставровскому посчастливилось обнаружить клад, найденный при копке могилы и оставшийся незамеченным находчиком.

В 1903 г. при копке могилы вновь был найден клад, состоявший из монет Владимира Ольгердовича и монетных гривен. Восемь монет из него приобрел все тот же Кундеревиц¹⁰³.

В 1990 г. на тропинке, идущей по северному гребню горы, В.А. Симановским, тогда учеником средней школы № 130 г. Киева, была случайно найдена монета Владимира Ольгердовича (односторонний брактеат)¹⁰⁴. Позже здесь были обнаружены еще две монеты Владимира Ольгердовича. Это позволяет предположить, что здесь могут находиться остатки клада, случайно найденного при рытье могилы. Очевидно, монеты были спрятаны не в сосуде, а в кожаной или тканевой сумке, которая ко времени их обнаружения полностью разложилась. Поскольку эти монеты представляют собой тончайшие пластины, размером не более 15 мм и весом около 0,2 г, то обнаруживший их кладбищенский рабочий просто не заметил и выбросил их вместе с грунтом на поверхность.

Подобные случаи известны и для более крупных предметов. Так, при раскопках в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря археологами был обнаружен клад, в состав которого входили 23 серебряные гривны, весом 150—160 г. каждая. Гривны были собраны на участке монастырского кладбища с площади около 10 м². Очевидно, этот клад был впервые найден при копке могильной ямы в XVII—XVIII вв., но странные предметы не привлекли внимания и клад выбросили в отвал. Позднее земля с отвала неоднократно перебрасывалась при рытье и засыпке новых могил, в результате чего гривны попали даже в засыпку 6 погребений XVII—XVIII вв.¹⁰⁵

В 1978 г. в Музей истории Украины Подольским районным отделением министерства внутренних дел в г. Киеве был передан клад, найденный на Замковой горе, который состоял из 24 пражских грошей, десять из которых имели контрамарки немецких городов Аутсбурга, Зальцбурга, Касселя, Нюрнберга, Регенсбурга и других¹⁰⁶.

Таким образом, на территории Замковой горы достоверно известны находки четырех кладов с монетами XIV—XV вв. Как уже было нами доказано на примере Киева и других городов Украины, уничтоженных Батыем и Даниилом Галицким, большое скопление кладов в крепостях объясняется гибелью или уводом владельцев кладов в результате их взятия противником¹⁰⁷. Это позволяет очень точно датировать находки таких кладов. В случае с Замковой горой основная масса сокрытых здесь кладов с монетами XIV—XV вв. однозначно связана с осадой и взятием замка Менгли-Гиреем 1 сентября 1482 г., поскольку другие, предшествовавшие ей, осады были неудачными для нападавших.

Очевидно, кроме указанных четырех кладов, при рытье на Замковой горе монахами могил должны были попадаться и другие клады, но их либо не замечали и выбрасывали в отвал, либо присваивали находчики без всякой научной фиксации.

Судьбу кладов разделили и многие другие интересные археологические материалы. Так, В.А. Харламовым в процессе поиска в 1977 г. фундаментов каменного здания, виденного Н.И. Петровым, в засыпке могилы XIX в. обнаружена створка бронзового квадрифольного креста-энколпиона с изображением евангельского сюжета «Распятие с предстоящими». По аналогиям она датируется концом XIII — началом XIV вв. и является прекрасным и редким образцом работы киевской художественной мастерской того времени¹⁰⁸.

Восстановление замка и его застройка

После похода 1482 г. Менгли-Гирея и разрушения им киевского замка Поднепровье оказалось без надежной крепости, а власть великого князя литовского в этом регионе была сильно ослаблена. Вопрос о быстром восстановлении замка был не только военно-стратегической задачей, но и вопросом престижа самой государственной власти.

Об этих, как впрочем и последующих, строительных работах рассказывается в «Сообщении послов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и Киевском замке», составленном около 1520 г.¹⁰⁹ Тогда на «работу киевскую с топором» было собрано 20 тысяч человек с надднепрянских, двинских, топорецких и великолуцких земель, которых охраняло войско численностью в 40 тысяч человек под командованием киевского воеводы Богдана Андреевича.

Численность участников, как обычно, значительно преувеличена, но в том, что восстановление замка было важнейшей государственной задачей, сомневаться не приходится. Для ее решения не только сплавался к Киеву по Днепру лес из Беларуси, но и, судя по донесению, была проведена масштабная мобилизация плотников и строителей в Украине, Беларуси и России. Руководил строительными работами специально вызванный городничий (мастер по возведению городен, составных элементов оборонительной стены) Богдан Шепелевич, который еще при воеводе Иване Ходкевиче занимался ремонтными работами в киевском замке. Точную дату окончания основного строительства «Сообщение» не называет, но оно

вряд ли тянулось больше чем год. Кроме восстановления укреплений замка, перед Шепелевичем стояла еще и задача отстроить весь Киев, почему он и задержался в городе до 1489 г. Он справился с обеими задачами и по отзыву того времени «Киев выше поднял, хорошо застроил и на мере его постал».

Впоследствии ремонтно-строительные работы проводились в замке регулярно почти каждым воеводой, поскольку эта крепость пребывала под пристальным вниманием правительства. Замок чинился городничим Семеном Козинским при воеводе Дмитрие Путятиче (1492—1502), городничим Митком Постшебтало при воеводе Юрии Гольшанском (1508—1510), городничим Михаилом Халецким при воеводе Юрии Радзивиле (1511—1514) и тем же Халецким при Андрее Немировиче (1515—1541). К сожалению, аналогичный реестр строительных работ в замке для более позднего времени не известен. Сохранилась лишь информация о масштабных ремонтных работах, выполненных в 1541 г. городничим Иваном Служкой при воеводе князе Федоре Пронском.

Первое и наиболее детальное описание киевского замка содержится в «Люстрации» Киевского воеводства, составленной королевскими комиссарами в 1552 г.¹¹⁹ Подобные люстрации (описания) проводились правительственными чиновниками в Великом княжестве Литовском сравнительно регулярно, а их задачей было составление описания и учета государственного имущества.

Согласно люстрации 1552 г., киевский замок состоял на тот момент из 133 городен. Городни представляли собой обычные деревянные прямоугольные срубы, связанные между собой. Точные размеры всех срубов-городен люстрация не приводит, но указывает, что были городни большие и малые по длине. Максимальная длина городни, согласно люстрации, составляла 4 сажени. Если учесть, что существовало не менее десяти типов сажени (большая, малая, монастырская и т. д.), каждая из которых имела свою длину, но в среднем наиболее употребительными были сажени около 2 м, то большие городни замка достигали 8 м. Вместе с тем в

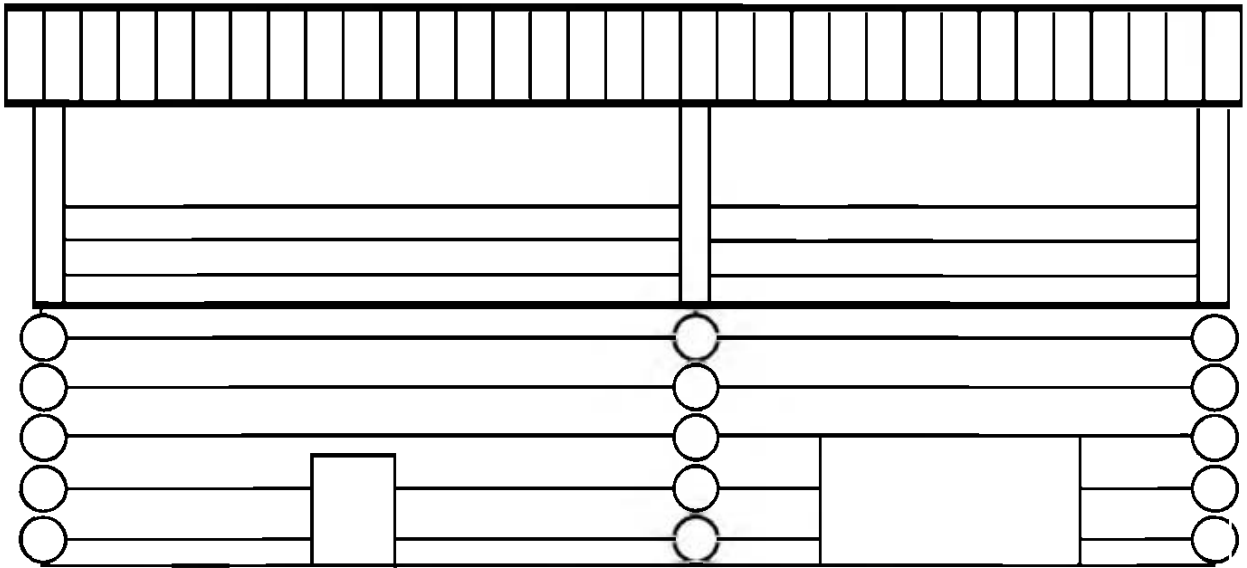

описании городен, которые использовались под жилье, указываются такие размеры их длины: 4,5, 6 и даже 10 м.

О высоте городен люстрация ничего не сообщает, но поскольку такой тип укреплений широко применялся по всей лесной части Восточной Европы еще с древнерусского времени и до конца XVII в., то представление об их размерах дают описания аналогичных городен Старокиевской крепости второй половины XVII в., высота которых достигала 3—4 м. Впрочем жестких ограничений на размеры городен никогда не существовало, да и сама единица измерения их длины — сажень — была нестабильной.

Одним из факторов, определявших размеры городни, было ее функциональное назначение. В тех случаях, когда оборонительная стена находилась не на склоне горы, а выходила к плато, ее городни обычно засыпали землей, чтобы затруднить прорыв этого участка противником. Но в ситуации с Замковой горой такой необходимости не было, поскольку ее отвесные склоны делали эту меру предосторожности излишней и трудоемкой. Единственный уязвимый участок замка, где предположительно могла быть пара таких городен, находился возле моста Драбских ворот, соединявшего замок с горой Клинец.

Остальные городни замка были пустотелыми и применялись для разных нужд. Прежде всего они выполняли функцию складских помещений для хранения военного снаряжения гарнизона замка и продовольственных запасов. Часть из них использовалась как жилища. Отчасти они являлись и своеобразным банком, в котором горожане, опасаясь войн, мятежей и пожаров, хранили в своих коморах не только наиболее ценные вещи, но и важные документы. Так, киевский войт Василий Ходика, судившийся с князем Янушем Острожским в 1605—1607 гг., заявлял в суде, что его документы о шляхетстве сгорели в замке в пожар 1600 г.¹¹¹ Использовали городни и в качестве тюремных камер. В целях пожарной безопасности городни с внутренней стороны обмазывались глиной.

Реконструкция участка городен замка

Вот как описывает их люстрация 1552 г.: «замок... з дерева соснового тесаного урублен, городен — 133, удовж некоторые с них по 4 сажени, инъшие менши, вси з бланъкованьем добрым, драницами не тонькими побитым, с помосты с подсябитьем з дверьми, а с столъбами, где их потреба».

Из этого описания следует, что городни имели два яруса. Первый представлял собой собственно ряд городен с перекрытием, поверх него шел второй ярус, состоявший из крыши-навеса, опиравшейся на столбы. Обе стороны второго яруса имели огородительные стенки «бланъкованье» из досок «драниц». «Подсябитье» было продолжением перекрытия первого яруса, несколько выходящим за стену второго яруса. Этот небольшой выступ использовали для размещения камней, сбрасывавшихся в нападающих при штурме.

Иногда второй ярус сооружался, как и нижний сруб, из бревен и служил его функциональным продолжением. В таком случае городня нижнего яруса использовалась как сени с коморой, а на верхнем располагалась светлица с жильем. Люстрация описывает такую конструкцию следующим образом: «на поьрусех сени, а светлица и комора на 3 сажъни, с коморы тое светлица другая

поболша, против тоє светицы сени, а подле сени тоє светица польпята саженя, сени пред нею таковаж, подле сени тоя комора поменша».

В 1552 г. в замке насчитывалось 15 оборонительных башен. Одна из них была сооружена в виде четырехугольного сруба, остальные — «на 6 углов округлено». Башни имели по три яруса, на которых помещалась замковая артиллерия: «Все вежи с подсябитьем, а покрытьем добрым, с помосты с столъбами, с стрельбами земьными, середними, верхними, и выведены дахи стеньные повышей».

Над двумя воротами, ведущими в замок, также находилось по башне. На башне главных, Воеводских, ворот, были установлены механические часы с боем, по которым весь Подол узнавал время. Обслуживал их в то время пушкарь Якоб, бывший по совместительству и часовщиком, за что ему из государственной казны выплачивалась дополнительно в год немалая сумма — 900 грошей и еще пять локтей лондонского сукна. Для сопоставления приведем цены, установленные Литовским статутом 1566 г. на некоторые виды товаров. Так, корова в те годы стоила 50 грошей, свинья — 20, мера пшеницы — 15 грошей.

Главные, Воеводские, ворота располагались на северном краю горы над современным зданием Житнего рынка. К ним по балке вела дорога, существовавшая здесь еще, вероятно, с древнерусского времени. Но зимой она часто покрывалась гололедом, и для того чтобы лошади могли по ней подняться, приходилось вырубывать ступеньки. Такое название ворота получили потому, что ответственным за их состояние и охрану нес воевода. Эти ворота были основными, поскольку подъем к ним был наиболее легкий и выводили они прямо к Подолу.

На противоположном, южном, конце горы находились Дрabsкие ворота. Обязанность содержать их охрану, состоявшую из наемных солдат «дрabов», лежала на самих горожанах. Эти ворота соединялись с соседней горой Клинец деревянным мостом, называвшимся в 1525 г. Кривым¹¹². Этот мост сохранялся и в 1552 г.,

а ремонтировать его должны были жители Старого городища (современная Старокиевская гора). Такой выбор был полностью оправдан. Пройдя по мосту на гору Клинец, с нее попадали на середину Андреевского спуска, а оттуда уже легко можно было достичь Старого городища. Его жители в основном и пользовались этой дорогой, поэтому на них как на наиболее заинтересованных в исправном состоянии моста лиц возложили его ремонт. Упомянут мост и люстрацией 1570 г.¹¹³, а его схематическое изображение есть на гравюре Киева 1638 г.

Кроме этих двух ворот, в замке была калитка, тропинка из которой выходила непосредственно на Подол возле Фроловского монастыря. К месту ее расположения сейчас поднимается на гору лестница с ул. Фроловской. Но эта калитка была «замкнена завжды, так в день, яко в ночи». Очевидно, ею пользовались только в случае нападения на город, чтобы дать возможность подолянам с двух сторон быстрее укрыться в замке.

Несмотря на то что грунтовая вода на горе находится лишь на уровне ее подошвы, в замке был выкопан колодезь глубиною 30 сажень, около 60 м. Воды в нем было на 2 м, и поднимали ее с помощью коловорота. В 1552 г. колодезем, скорее всего, пользовались редко, поскольку тогда он был закрыт крышкой и замкнут. В 1570 г. колодезев было уже четыре, но все они бездействовали и воду возили снизу. Такое резкое увеличение числа колодезев было связано с их слабой насыщенностью водой, и их предполагалось использовать в основном только при осаде. К 1619 г. их осталось лишь два, а в 1654 г. сохранился только один чрезвычайно глубокий колодезь, но и в нем уже начал обваливаться сруб¹¹⁴.

Королевские ревизоры в 1552 г. насчитали в замке шестнадцать построек. Из них к воинским складским помещениям принадлежали шпихлер длиною 6 м, обложенный внутри глиной и предназначенный для хранения пороха, и шопы длиною 20 м, в которой стояла замковая артиллерия. Было также пять отдельных клеток для хранения провианта и армейское имущество. В числе

служебных построек замкового гарнизона комиссары упомянули также кухню и баню.

Часть гарнизона проживала в замке и на террасах восточного склона горы, где десятничким командирам принадлежало тридцать домов. Здесь же была построена и замковая конюшня. Позже, например в 1619 г., конюшня находилась и на самой Замковой горе. Любопытно, что киевский бискуп Юзеф Верещинский в 1595 г., описывая утеснения католиков в Киеве, жаловался, что в замковую каплицу урядники запирают на ночь лошадей из презрения к ней¹¹⁵. На террасе горы находилась и принадлежавшая замку пивоварня.

Помимо нескольких жилых построек в городнях замковой стены, внутри его укреплений существовали и отдельные дома, частью которых владели чиновники воеводства и киевские монастыри. В 1552 г. здесь находились дома Печерского и Пустынно-Никольского монастырей, ротмистра, а также «здавна» дом панов Горностаев, который на тот момент был собственностью Ивана Горностаев, новогрудского воеводы.

В 1552 г. в замке было три православные и одна католическая церкви. Они не только должны были удовлетворять духовные потребности верующих, но и являлись символами пребывания замка под божьей охраной. К 1570 г. в замке осталось лишь по одной церкви каждой конфессии. На рисунке 1651 г. также изображены две церкви. Очевидно, к этому времени число обитателей замка заметно сократилось.

Название православной церкви, которая осталась в замке с 1570 г., известно благодаря подольскому жителю Семену Татарину, завещавшему в 1632 г. свои деньги всем киевским церквям и монастырям. В их полном перечне упомянута и церковь Покровы Пресвятой Богородицы в замке, которой передавалось на упокой души 10 коп денег¹¹⁶. Это была наименьшая сумма в завещании Семена Татарина.

Согласно люстрации 1570 г.¹¹⁷, количество шпихлеров в замке возросло с одного до четырех, но в них уже хранили не порох,

а шкуры волов и сделанные из них кожаные ведра. Многочисленная и разнокалиберная артиллерия, ядра, пули, крюки и прочие военные принадлежности теперь размещались в отдельном здании, скорее всего, бывшем шпихлере 1552 г.

Здание тюрьмы, не упомянутое предыдущей люстрацией, к 1570 г. пришло в негодность, и заключенных запирали в городни, что вызвало нареkanie ревизоров, указавших на опасность их поджога и измены. Обветшала и завалилась замковая трапезная, кухня еще стояла, но ее сруб уже основательно прогнил. Пришла в ветхость и рухнула замковая броварня. Очевидно, обветшали и рухнули две церкви, построенные около ста лет назад, которых не досчитались люстраторы. Католическая каплица на тот момент тоже была «одерта».

Вместе с тем в замке появилось и два новых здания — корчмы, приносившие воеводам солидный доход. Его сумма точно не известна, но расположенная в то время на Подоле городская корчма давала магистрату в год 60 тысяч грошей. Действовал в это время в замке и погреб-ледник для хранения продуктов.

Из остальных построек люстраторы в 1570 г. бегло упомянули лишь три высоких здания со светлицами в самом замке и одно аналогичное вместе с большой избой на террасе горы. В этом отношении люстрация 1570 г. является еще менее полной, чем предыдущая 1552 г. Ее несколько дополняет сообщение М. Груневега за 1584 г., который пишет, что в замке всегда жили подвоеводы, а нынешний радушно принял армянских купцов и его в том числе¹¹⁸.

В 1616 г. киевский подвоевода вообще не позволил провести люстрацию в замке, поэтому из всей его затройки на тот момент известен лишь дом городничего Станислава Вигуры¹¹⁹.

Люстрация 1619 г. не только сообщает о постоянном проживании в замке подвоевод, но и подробно описывает принадлежавшие им здесь дома¹²⁰. Умерший на момент люстрации подвоевода Станислав Вельгорский имел здесь: «три светлицы в одном месте с двумя сенями, одна с боковой комнатой и коморой, а остальные

тоже имеют коморы». На правах наследника на эти здания тогда претендовал Захарий Еловецкий, киевский стольник и королевский секретарь.

Среди других замковых построек в 1619 г. значились: пекарня, дом для гостей, конюшня и две шопы. Возле одной из шоп, где были сложены ружья, находилась башня для хранения различного имущества горожан. В другой шопе держали пушки, ядра и порох. Поблизости от нее стоял и дом городничего Станислава Вигуры.

Для хранения артиллерии и снаряжения было построено еще одно специальное здание — лямус, обмазанный, как и шпихтлер 1552 г., глиной. Отдельно упомянут погреб, в котором были складированы: 500 зарядов к легким пушкам (гакивныцям), масса каменных пуль, 6 кожаных ведер, 2 железных цепи, 5 крючков, мешок с 4 гакивныцями и бронза от 5 переплавленных пушек и 2 трофейных мортиров.

Столь подробное описание содержимого в погребе нами приведено не случайно. Получив возможность описать казенное имущество, ревизоры составляли подробнейшие его реестры, указывая при этом не только разные мелочи, но даже какая вещь возле какой лежит. Затем эти описи сдавались в государственную канцелярию в столице, где вновь переписывались при внесении в метрические книги. Но эта, страдавшая излишествами, описательность отнюдь не спасала казенное имущество от расхищения.

Так, проводивший в 1619 г. люстрацию киевского замка королевский секретарь Павел Починский обнаружил отсутствие одного из пяти возов с четырьмя гакивныцями, колокола от часов и, вероятно, другие более мелкие недостатки, почему и закончил свое описание фразой: «Позднее за то, чего не хватает, должен отчитаться пан Станислав Вигура, киевский городничий, как тот, кто этим заведывает».

Последняя известная на сегодня люстрация 1622 г. лишь упоминает в замке дома, принадлежавшие подвоеводе, и много шля-

хетских и мящанских амбаров для сохранения имущества на случай войны¹²¹.

Таким образом, описания замка и его имущества из года в год становились все более поверхностными, и даже наиболее детальная первая люстрация 1552 г. является неполной. Это связано с тем, что воеводы и городничие по вполне понятным причинам всячески пытались уменьшить количество государственного имущества, находившегося в их ведении, а также избежать внесения в его реестр своей собственности. Поэтому на момент приезда королевских ревизоров воеводы и их заместители старались под благовидным предлогом покинуть город, а если комиссарам удавалось застать их на месте, то они, как, например, наместник Василий Рай, могли отказаться предоставлять инвентарные описи и не допустить ревизии. В 1616 г. не позволил проводить ревизию замка и подвоевода Мишка Холоневский.

Иногда за такими действиями скрывались и попытки уйти от ответственности за растраты и хищения. В этом отношении любопытно замечание люстрации 1570 г., проводившейся в связи с передачей Киевского воеводства от Великого княжества Литовского к Польскому королевству согласно статьям Люблинской унии 1569 г. Тогда ревизоры узнали «от тамошних людей», что до унии в шпихлерах хранилось много зерна и мяса, которые на момент ревизии бесследно исчезли. Ревизоры поставили этот вопрос городничему Юрию Подбельскому, но тот свалил все на своего предшественника, некоего городничего Девочку, который раздал провиант неизвестно кому, а записей не оставил.

В соединении с всевластием и произволом крупных земельных магнатов этот тихий чиновничий саботаж в конечном итоге создал в украинских воеводствах Речи Посполитой ситуацию всеобщего нарушения законности, которую польские источники того времени иронично называли «порядок, как на Украине».

Доходы и расходы

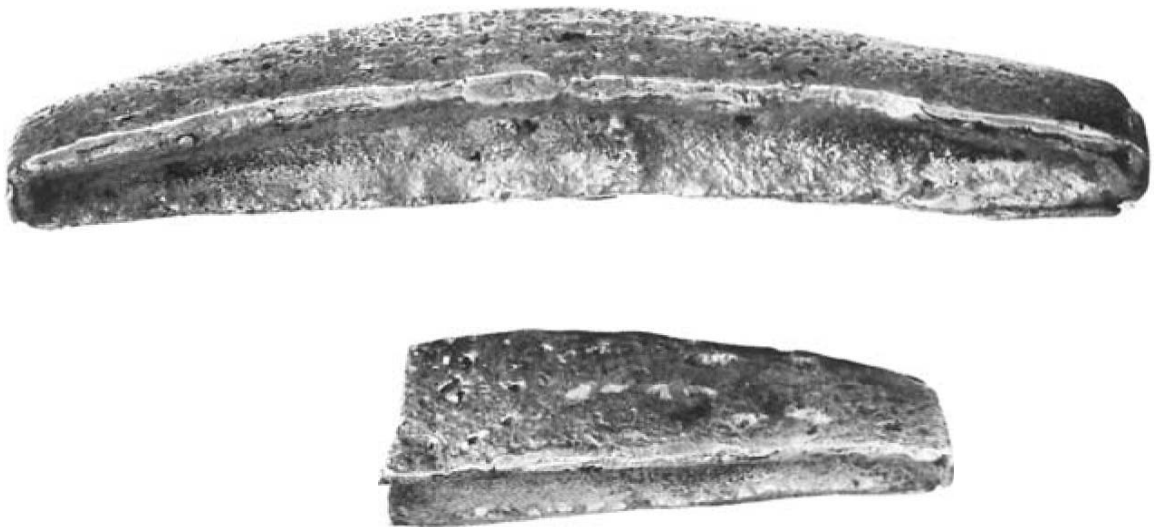
С активизацией Турцией своих завоевательных планов в Европе значение заново отстроенного киевского замка резко возросло. Об этом, в частности, свидетельствует письмо папы римского Льва X, направленное в январе 1520 г. польскому королю Сигизмунду I. В нем папа еще раз настаивал на сплочении сил всего христианского мира против угрозы, исходившей от Османской империи, для чего им был организован сбор средств в Европе, которые теперь передавались Польше как стране, непосредственно столкнувшейся с вторжением турок на свою территорию. Показательно, что треть собранной суммы должна была быть израсходована на укрепление Киева и его замка¹²².

Именно в связи с угрозой турецко-татарского вторжения в киевском замке в конце XV — первой половине XVI вв. проводились интенсивные строительные работы по улучшению его укреплений. Город в это время был наполнен военными настолько, что территория замка не могла всех вместить и часть служилых людей расквартировывали на Подоле, что вызывало жалобы его жителей на воеводу, который как только кто-нибудь из мещан уезжал торговать, сразу же ставил в его двор постоем конника¹²³.

Эти меры по укреплению обороноспособности города не были напрасными. Малые татарские отряды постоянно курсировали под Киевом, и в результате встречи с одним из таких разбегов был убит в 1497 г. киевский митрополит Макарий, похороненный в Софийском соборе. В 1502—1503 гг. они совершали частые наскоки на сам Киев и его окрестности. В 1510 г. татары переправились через Днепр выше Киева и разорили Беларусь. На следующий год

они снова появились в окрестностях города, но были разбиты на реке Рутке отрядами киевского воеводы Андрея Немировича и князя Слуцкого. В 1527 г. татар, возвращавшихся из набега через Киевское воеводство, догнал и разгромил под Белой Церковью Константин Острожский, который смог освободить 40 тысяч пленных.

Гривна литовского типа и ее половина

Тогда же Киев оказался и одним из театров русско-литовских войн начала XVI в. В 1502 г. передовой отряд русских войск подошел к городу и занял его предместья. В 1534 г. во время третьей русско-литовской войны из Киева на Чернигов выступил в поход воевода Андрей Немирович, но был разбит и вернулся в город. В 1535 г. он, соединившись в Киеве с отрядами Евстафия Дашковича, Ильи Острожского и Юрия Радзивила, вновь отправился на Черниговщину, где сжег город Стародуб. Ободренный этим успехом, Немирович и на следующий год вторгся на Черниговщину, но потерпел поражение при осаде Иван-города на реке Себеж.

В этих условиях поддержание обороноспособности замка и содержание его гарнизона возлагались не только на воеводу, который

должен был расходовать на эти цели половину средств, вырученных от продажи спиртного, но и на магистрат, ответственный за починку мещанами укреплений замка. Согласно люстрации 1552 г., подольские мещане должны были содержать замковую стражу, стоявшую возле ворот, доставлять в замок бревна, камни и воду, вырубать ступени в дороге, ведущей к Воеводским воротам, выкашивать склон горы напротив закрепленных за городом городен, которые они же должны были и чинить.

Часть городен замка была закреплена за жителями Старокиевской горы. В отличие от подольских мещан, они должны были доставлять в замок только камни и бревна, чинить свои городни и выкашивать перед ними склон. От содержания стражи и доставки воды они освобождались, но взамен этого обязаны были ремонтировать замковый мост.

На оплату двух стражников у Воеводских ворот магистрат выделял по 360 грошей в год, а возле вторых Драбских (Ротмистровских) ворот как наиболее уязвимых мещане содержали 10 стражников, которые, кроме охраны ворот, должны были ходить ночью по замковой стене и переключиваться. Одно время подольские мещане содержали и полевою стражу у Золотых ворот, но к 1552 г. отказались ее самостоятельно нанимать, передав эту обязанность воеводе, за что и выплачивали ему в год по 900 грошей.

Магистрат отвечал за городское ополчение, которое по требованию воеводы должно было на конях выступать в преследование татар. Десятерых конных бояр выставлял отдельно еще и Печерский монастырь. Впоследствии, когда военно-политическая ситуация вокруг Киева стабилизировалась и вероятность угрозы нападения существенно снизилась, магистрат в 1634 г. добился у короля права преследовать татар только в пределах Киевского воеводства¹²⁴.

Не только киевляне, но и жители окрестных сел привлекались к содержанию замка. К нему в 1552 г. были приписаны села Пет-

ровцы, Демидов, Лутава, Незводичи, Погребы, Милославцы (позднее Вигуровщина), Заушаны, город Остер и несколько сел на реке Трубеж и возле Мозыря. Их обитатели выплачивали замку дань в основном медом.

Наиболее исправно свои обязательства выполняли жители Петровец, расположенных несколько севернее Киева. Правда, в 1552 г. местный атаман Никита Вареник исхитрился утаить от замковых урядников часть меда. С Петровец и Демидова в замок доставлялись также сено и дрова. К 1570 г. жители Петровец должны были замку 25 возов дров.

В собственности замка находилась и водяная мельница, построенная под горой в урочище Гончары на речке Кудрявце. Эта мельница, как и созданный ее плотиной пруд, просуществовали аж до 1766 г., пока Кудрявец не пересох¹²⁵. Около 1628 г. мельница была передана киевскому бискупу¹²⁶.

Замку принадлежали также достаточно обширные луга и несколько богатых рыбой озер на Оболони. К 1570 г. все эти озера были сданы подвоеводой киевским Василием Раем в аренду посторонним людям, который отказался показать ревизорам соответствующие записи о получаемых с озер доходах. В конце XVI—XVII вв. эти угодья обычно сдавались подвоеводами в аренду чиновникам магистрата.

В числе замковых владений значились также острова Муромец и Труханов. Угодьями первого на правах аренды безраздельно пользовались подольские мещане, а в 1613 г. он был передан Станиславу Вигуре в пожизненное владение при условии его заселения. Часть Труханова острова была отдана в 1508 г. воеводой Юрием Монтовичем Пустынно-Никольскому монастырю, и затем после пятидесяти лет судебных разбирательств монастырь пользовался островом совместно с магистратом.

Наличие натуральных повинностей и больших земельных угодий, закрепленных за киевским замком, было вполне закономерно в условиях экономики с еще слабо развитым товарным обменом

и денежным обращением. В то же время на содержание замка поступали и денежные средства как от различных налогов, собираемых на месте воеводами, так и от центральной государственной казны. После объединения Великого княжества Литовского и королевства Польского в одно государство Речь Посполитую на их совместном сейме в Люблине в 1569 г. Киевское воеводство отошло к Польше. И уже в следующем 1570 г. польские ревизоры, принимавшие доставшееся короне имущество, с прискорбием отмечали, что раньше на киевский замок литовское правительство выделяло большие суммы деньгами, сукном и другим имуществом, присылавшимися из Мозыря, Борисова, Гомеля, Любича и других русских и украинских волостей, а теперь этого всего уже нет, отчего он и приходит в упадок¹²⁷.

Причина ослабления внимания литовского правительства к замку в 1560-е гг. была вполне объективна. Княжество увязло в Ливонской войне с Московским царством, которую проигрывало, и большая часть его земель была к 1569 г. уже занята русскими войсками. Киев, хотя и был наполнен отрядами ополчения, находился в стороне от основного театра военных действий и потому особых затрат на оборону не требовал, к тому же изыскать их было весьма проблематично. В довершение в самом литовском сейме сложилась партия, склонявшаяся к избранию Ивана Грозного великим князем литовским и разрыву союза с Польшей. Но сторонников последней было больше и они заставили сейм под давлением наступавших русских войск и военных приготовлений польской шляхты пойти на создание Речи Посполитой.

По условиям унии в войну теперь вступила Польша, благодаря чему боевые действия сместились к Пскову и Новгороду, а Киев по-прежнему оставался в стороне. Турция в этот период была занята войнами на Средиземном море, а без ее поддержки само Крымское ханство способно было лишь к организации отдельных грабительских набегов, но не к последовательной завое-

вательной политике. Вследствие этих изменений вероятность нападения противника на Киев заметно снизилась в сравнении с рубежом XV—XVI вв. Этот внешнеполитический фактор в сочетании с внутренним, переходом Киева к Польше, и определял позицию правительства Речи Посполитой в отношении киевского замка.

К ним добавился еще и топографический фактор. Месторасположение замка на отдельно стоящей небольшой горе с отвесными склонами в свое время было выбрано очень удобно, но с широким распространением артиллерии оно утратило свои преимущества, поскольку выяснилось, что Замковая гора легко простреливается с имевшей такую же высоту соседней Старокиевской горы и ее отрога Уздыхальницы.

Эту ситуацию зафиксировали уже люстраторы в 1570 г. и предложили королю перенести замок на Старокиевскую гору, где для его сооружения предполагалось использовать остатки валов древнерусского времени. Люстраторы рекомендовали достроить и отремонтировать их, разобрав на кирпич и камень с десятков находившихся здесь православных церквей XI—XIII вв., значительная часть которых была основательно разрушена. По мнению люстраторов, новый каменный замок был бы крепче, что позволило бы избежать постоянных расходов на ремонт старого деревянного замка¹²⁸.

В 1595 г. с аналогичным проектом выступил и киевский католический епископ Юзеф Верещинский. Он оформил проект в виде отдельной брошюры, которую отпечатал типографским способом, и направил королю Сигизмунду III, а также депутатам сейма. К мнению епископа не могли не прислушаться. Он был хорошо известен не только как активный католический миссионер Украины, но и как не менее деятельный организатор. В своем имении, будущем Фастове, он уже успел построить крепость, которую назвал Новым Верещином. Единственным серьезным недостатком его проекта была сумма, в которую, по мнению Верещинского,

обойдется строительство, — 500 тысяч золотых дукатов¹²⁹. Таких денег королевство выделить не могло.

В результате всех этих выступлений у польского правительства и сейма сложилось мнение, что старый киевский замок плох, расположен неудобно, постоянно требует значительных средств на поддержание, а строительство нового лучшего обойдется еще дороже. Но что крепость Киеву нужна, в этом в Варшаве не сомневались, и потому приняли решение оставить пока все как есть до того, как появятся деньги, а киевского воеводу обязать содержать существующий замок на должном уровне за счет причитающихся ему поступлений.

Однако не учитывался ряд моментов. Во-первых, с выходом Киевского воеводства из состава Великого княжества Литовского замок лишился части своих земель и доходов. Более того, приписанные к нему и обязанные воинской службой мелкие бояре соседних сел Поздняков, Заушан и других по Люблинской унии получали шляхетское (дворянское) звание и тем самым освобождались от несения воинской службы в пользу замка, чем они сразу же и воспользовались¹³⁰.

Главным условием унии было вступление Польши в Ливонскую войну, но взамен поляки получили право занимать государственные должности и приобретать земли в присоединенных к короне Волынском и Киевском воеводствах, которые до этого выдавались преимущественно местным уроженцам. В результате в административный аппарат Киевского воеводства хлынул поток обедневшей польской шляхты, надеявшейся поправить свое благополучие за счет новых земель и затем воротиться на родину. Именно после унии 1569 г. угодья и озера киевского замка начинают активно сдаваться наместниками воеводы в аренду, доходы от которой бесследно исчезают в недрах воеводской администрации.

Изменился и статус самих воевод. Эта сугубо административная должность стала почетным пожизненным титулом, владеец

которого мог годами не появляться во вверенном ему воеводстве, переложив текущее управление на своих заместителей.

Именно так и вел себя князь Константин-Василий Константинович Острожский, одна из наиболее заметных фигур в украинской истории того времени. Сын прославленного полководца Константина Ивановича Острожского, погребенного в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря, он с 1559 г. стал киевским воеводой и сохранял за собой эту должность до самой смерти в 1608 г. Благодаря удачному браку он быстро разбогател и был приближен ко двору. Заточив свою сестру Галшку и запретив ей выходить замуж, он после ее смерти на почве помещательства собрал в своих руках все родовые имения Острожских, разбросанные по Волынскому и Русскому (Галичина) воеводствам Речи Посполитой. Используя их материальный потенциал и должность киевского воеводы, он различными способами смог приобрести еще и обширные имения в Киевском и Брацлавском воеводствах, став одним из некоронованных королей Украины.

Его политическая роль заметно возросла в правление польского короля Сигизмунда III (1587—1632), находившегося под влиянием иезуитов и ставшего главным проводником контрреформации в Европе. Король вел активную борьбу с протестантами, имевшими сильные позиции в литовских и белорусских землях, и готовил объединение (унию) православной и католической церкви в Украине. Для реализации плана церковной унии Сигизмунду III, власть которого существенно ограничивал сейм, вплоть до права шляхты объявлять вооруженное восстание против короля (рокош), нуждался в союзнике в среде православных. К этому времени Острожский остался единственным крупным православным магнатом в королевстве.

Авторитет Острожского среди православных Речи Посполитой был очень высок не только из-за его богатства и власти, но и благодаря поддержке, оказываемой им церкви, а также активной просветительской деятельности. Князь основал Академию

Герб Киевского воеводства
в составе Речи Посполитой

ны, для нападения на имения соседей, сторонников унии. Впрочем и сам Северин, брат которого — Дмитрий — правил службу в церкви Острога, первое время, пока еще сохранял контроль над действиями повстанцев, не трогал владения князя.

Этот финансовый и политический вес позволял Острожскому абсолютно спокойно игнорировать все постановления сейма по необходимости укрепления им киевского замка. К тому же у него были личные причины не любить Киев.

Очевидно, властного князя раздражали независимые подольские мещане, пользовавшиеся магдебургским правом и напрямую сносившиеся с королем. Благодаря магдебургскому праву они были не подсудны воеводе и имели собственный выборный орган местного самоуправления — магистрат, во главе с войтом. Последнего они тоже избирали сами, предлагая королю четырех кандидатов, одного из которых он и утверждал войтом. В довершение всего мещане еще имели право судиться с воеводой на равных в королевском суде, вмешиваться в порядок выделения земель на Подоле и организацию работ по укреплению замка, которые они

либо исполняли сами, либо финансировали, пользовались налоговыми и хозяйственными льготами, реализация которых уменьшала доходы и власть воеводской администрации¹³¹, — в общем докучали, как могли.

Князь с презрением смотрел на подольских демократов и старался держаться подальше от Киева. Несмотря на то что город официально был столицей воеводства и в нем должны были проходить ежегодные съезды шляхты воеводства для посылки депутатов на сейм и судебные рочки, в конце XVI в. Острожский перенес своей властью эти политические собрания в Житомир, ставший реальным центром воеводства. В свои редкие приезды в город он игнорировал замок и останавливался в собственном доме на Великой улице Подола. Безусловно, защищать своих противников воевода никакого желания не имел, а потому и не занимался ремонтами замка, возраст строения которого к концу XVI в., судя по всему, приближался к полусотне лет.

Более того, воевода сквозь пальцы смотрел на появление под Киевом повстанческих отрядов сначала Криштофа Косинского, а затем и Наливайка. Первый был личным врагом князя. Причина, подтолкнувшая мелкого шляхтича Косинского к организации восстания, была та же, что впоследствии у Богдана Хмельницкого, — его небольшое имение на Черкащине отнял всеильный воевода Острожский. Когда в 1592 г. Косинский двинулся с повстанцами на Киев, то князь надеялся, что мясники и казацкий гетман взаимно истребят друг друга. Но этого не произошло. Легко преодолев вялое сопротивление гарнизона замка общей численностью в 200 человек, Косинский «гвалтом» взял его и вывез оттуда пушки и порох¹³².

Почти та же ситуация повторилась и спустя четыре года, когда в феврале-марте 1596 г. к Киеву стали стекаться отряды восставших крестьян и казаков под руководством Северина Наливайка, гетмана Григория Лободы и Матвея Шаулы, преследуемые войсками коронного гетмана Станислава Жолкевского.

Судя по письму Жолкевского, сопротивление киевлян свелось тогда лишь к утаиванию лодок, необходимых для переправы отступавшим повстанцам на левый берег Днепра, и к их вялому переругиванию по этому поводу¹³³. Горожан вполне можно было понять, казаки не собирались, да и не могли, вернуть им лодки.

В результате такого отношения к замку, определявшему бездеятельность Острожского, его укрепления в 1580-х гг. пришли в то удручающее состояние, о котором единодушно свидетельствуют видевшие замок М. Груневег и Р. Гейденштейн¹³⁴.

Киев спасало лишь то, что ни один из потенциальных противников не собирался его брать, что, вероятно, учитывалось и польским правительством. Россия только начала отходить от опричнины и, приближаясь к Смутному времени, была небоеспособна. На Запорожье прочно утвердились казаки, а территория Киевского воеводства к концу XVI в. покрылась густой сетью новых местечек, с крепостицами, и крымские татары были вынуждены сместить свои набеги на быстрорастущее и более доступное Брацлавское воеводство, что вполне соответствовало стратегическим планам Турции.

Всю сложность отношений, сложившихся вокруг замка, высветила молния, в результате попадания которой в начале XVII в. замок сильно погорел. Впрочем, судя по имеющимся документам, молния не была единственной причиной серии пожаров в замке, произошедших в начале XVII в., а значит и не могла привести к его полному уничтожению.

Рассмотрим эти сообщения. Впервые о пожаре говорится в грамоте Сигизмунда III киевлянам, в которой он милостиво разрешает горожанам отстроить замок, сгоревший в результате попадания молнии за свои средства, гарантируя, что в будущем это не станет их постоянной обязанностью. Единственное, что смущает в этом документе, — его дата, март 1605 г.¹³⁵ Все-таки зимняя молния явление крайне редкое.

Рисунок киевского замка. 1651 г. Абрагам ван Вестерфельд

Летопись Межигорского монастыря, расположенного под Киевом, почему его игумены всегда были хорошо осведомлены о происходящем в городе, и киевлянин Ян Бенвильский сообщают о пожаре замка от молнии, который произошел в 4 часу дня 18 июня 1608 г.¹³⁶ То есть на три года позже, указанного в королевской грамоте.

Киевский войт Ходика, судившийся с Янушем Острожским в 1605—1607 гг., заявил в суде, что его документы о шляхетстве

сторели в замке в пожар 1600 г.¹³⁷ Поскольку это заявление было принято судом, вероятно, пожар действительно имел место. И наконец, историк М.Ф. Берлинский, работавший в конце XVIII — начале XIX вв. с документами городского архива Киева, погибшими в пожар 1811 г., не ссылаясь на источники, пишет о пожаре в замке в 1603 г.¹³⁸

Таким образом, имеем сообщения о четырех пожарах в замке в 1600, 1603, 1605 и 1608 гг. Два последних связаны с попаданием молнии. Насколько можно верить всем этим источникам, сейчас однозначно сказать сложно, но вполне допустимо, что, кроме удара молнии, могло иметь место и неаккуратное обращение с огнем. Скорее всего, что во время ни одного из этих пожаров замок не сгорел полностью, хотя ему и мог быть причинен серьезный ущерб. К такому выводу подталкивает и тот факт, что замок уцелел в двух сильнейших пожарах, произошедших на Подоле в 1638 г. при попытке захвата города казаками полковника Бардаченко и в 1651 г., когда Киев заняли литовские войска гетмана Януша Радзивила.

Пожары однозначно поставили вопрос о необходимости срочно осуществить ремонт киевского замка, но денег, как обычно, в королевстве не было. Сейм 1607 г. в принятой им конституции (постановлении) вменил в обязанность уже всем: королю, воеводе, киевскому магистрату и подданным киевского воеводства отстроить замок без промедления¹³⁹. В следующем году умер престарелый Константин Острожский и выполнение сеймовой конституции Сигизмунд III возложил на Станислава Жолкевского, назначенного киевским воеводой, которому тогда исполнилось 60 лет.

Под увядающей сенью Речи Посполитой

Несмотря на солидный возраст, Станислав Жолкевский был полон энергии и, наверное, являлся одной из оптимальных фигур на эту должность. Будучи личностью неординарной, он навсегда остался в истории Польши как талантливый полководец и активный государственный деятель.

Родился Жолкевский в 1547 г. в селе Туринка, современного Нестеровского района Львовской области. На его формирование оказали сильное влияние два человека — Гай Юлий Цезарь, «Записками о галльской войне» которого он был сильно увлечен, и Януш Замойский, в то время канцлер Речи Посполитой. Сначала учился во Львове, а затем по протекции Замойского поступил на королевскую службу и в 1573 г. сопровождал Генриха Валуа из Парижа в Польшу для коронации. Позже изучал военное дело в Германии. Вернувшись в Польшу, стал секретарем короля Стефана Батория (1577—1578) и участвовал в его походах на Москву и восставший Гданьск.

В 1588 г. полностью разбил австрийскую армию под Багином, чем обеспечил избрание королем Сигизмунду III, которого поддерживал Замойский. В этой битве получил рану, которая напоминало о себе всю жизнь. Благодарный Сигизмунд III присвоил ему звание польного гетмана королевства и Грубышевского старосты. Но в 1592 г. он поддержал неудачную попытку свергнуть Сигизмунда III с престола, после чего впал в немилость.

В 1595 г. вместе с Замойским участвовал в походе на Молдавию, где посадили господарем Иеремию Могилу, отца киевского митрополита Петра Могилы. Возвратившись из этого похода,

сразу же выступил на подавление восстания Наливайко. В 1600 г. вновь воевал в Молдавии, спасая Иеремию от волошского и семиградского господаря Михаила Храброго, пытавшегося создать Великую Дакию, которого полностью разгромил. В 1601—1602 гг. участвовал в Инфлянтской войне со Швецией. В 1607 г. разбил армию рокошан краковского воеводы Николая Зебржидовского, выступившего против короля, в награду за что и был назначен воеводой в Киев. Это был действительно королевский подарок, поскольку Жолкевский не мог похвастаться именьями и богатством.

Однако сразу прибыть в Киев и заняться делами он не смог, так как был послан в московский поход в поддержку Ажедмитрия II. Жолкевский был против этого похода, считал его нецелесообразным и предлагал ограничиться захватом нескольких пограничных крепостей. Поэтому 9 месяцев вел вялую осаду Смоленска и активную переписку с королем на тему, стоит ли продолжать войну. Лишь появление русских войск с Дмитрием Шуйским вывело Жолкевского из этого состояния. Он разбил Шуйского и без особых трудностей дошел до Москвы, где, простояв три недели у ее стен, все же уговорил бояр присягнуть королевичу Владиславу и впустить войско в город. Но поляки занялись мародерством и насилием и вдобавок Сигизмунд III намерился сам стать царем. Поняв, что он бессилен что-либо изменить, Жолкевский покинул Москву и в апреле 1611 г. вернулся в Польшу, а оттуда наконец смог прибыть в Киев.

Здесь он попытался поставить под свой контроль магистрат, но проиграл ему дело в королевском суде. Возможно, в Киеве он начал писать воспоминания о московском походе в стиле «Записок» Цезаря. Вскоре они были изданы и для своего времени считались образцом военных мемуаров. С конца 1612 г. перед Жолкевским, который сам не получил денег за московский поход, встал вопрос о выплате жалования участвовавшим в нем солдатам, которые создали конфедерацию и силой оружия пытались их выбить. В итоге

он был вынужден вновь оставить Киев и заседать по этому вопросу в многочисленных комиссиях в Варшаве. Лишь в апреле 1614 г. он наконец решил эти проблемы, отказался от воинской службы и вернулся воеводой в Киев.

Прибыв в Киев, он столкнулся с отсутствием денег в воеводской казне, с теми же не получившими жалования солдатами, запорожскими казаками гетмана Петра Сагайдачного, которым тоже не заплатили за поход на Москву и которые пытались компенсировать эту несправедливость собственными походами на Крым и Турцию. Эти походы вызывали ответные набеги татар и жалобы турецкого правительства. В довершение князья Вишневецкие и Корецкие собственными силами попытались сменить господаря Молдавии, но потерпели неудачу, окончательно испортив польско-турецкие отношения.

В этой ситуации Жолкевский в 1616 г. отправился на сейм в Польшу, где выступил с развернутой программой по внешней и внутренней политике Речи Посполитой. В духе уже покойного канцлера Яна Замойского он критиковал децентрализацию управления в стране, магнатский произвол в Украине и требовал прислать сюда 10 тысяч войск. Сейм и король прохладно отнеслись к его программе, одоббив лишь идею нового похода на Москву.

Не получив поддержки сейма, Жолкевский все же смог наладить отношения с киевским магистратом и совместно с войтом Федором Ходыкой организовал в 1616 г. срытие на 11 м горы Уздыхальницы, чтобы исключить возможность обстрела с нее замка. В ходе этих работ была обнаружена и срыта монашеская пещера древнерусского времени, сообщение о находке которой как примечательная информация попало в летопись Межигорского монастыря.

Жолкевский коренным образом перестроил и сам киевский замок. Традиционные сосновые городни, сооружение которых требовало значительных финансовых затрат и которые, оставаясь

пустотелыми, были легкоуязвимы для уже сравнительно мощной артиллерии, он заменил дубовым частоколом, следы которого зафиксировал С.С. Магура при раскопках в 1940 г. Безусловно, в таком виде замок не смог бы долго выдержать штурм профессиональной армии, но отразить нападение татар, не имевших собственной артиллерии, или больших отрядов дезертиров, по типу созданного Самуилом Лящем, периодически появлявшихся в окрестностях Киева, был вполне способен. Строительство таких укреплений стоило Жолкевскому в несколько раз дешевле восстановления замка в обычном виде и было, пожалуй, наиболее оптимальным выходом из сложившейся ситуации.

Жолкевский отказался и от большого количества оборонительных башен, ставших уже бесполезными. Он оставил лишь две башни возле ворот, исходя из того, что именно через них по наиболее удобному пути противник будет пытаться овладеть замком. В самом замке он построил еще третью башню, по типу донжона, которой предстояло стать последним убежищем его защитников. Таким образом, он выдержал все требования к оборонительным фортификационным сооружениям того времени в меру тех средств, которыми располагал его скромный бюджет. Очевидно, определенная поддержка поступала и от магистрата, который был непосредственно заинтересован в приведении замка в порядок .

Все эти строительные работы были закончены до 1619 г., что и засвидетельствовали люстраторы. В таком виде киевский замок изображен и на рисунке А. Вестерфельда 1651 г. Единственное, что не удалось сделать Жолкевскому для усиления обороноспособности замка, — существенно увеличить численность его гарнизона.

К сожалению, точных данных о численности гарнизона замка не сохранилось. Приблизительные подсчеты по количеству домов, принадлежавших военным в городе по люстрации 1552 г., позволяют предположить, что он составлял не менее 200 человек. До-

вести количество всадников в гарнизоне до 200 человек пытался на протяжении 1559—1567 гг. король Сигизмунд II Август. В «Пописании роты киевской» 1577 г. тоже значатся 200 коней и 160 человек. При Жолкевском за гарнизоном числилось 225 лошадей¹⁴⁰. Следовательно, гарнизон сильно не вырос со времен Люблинской унии, во всяком случае его кавалерийский отряд.

Очевидно, что основной расчет в случае войны делался на своевременный подход к городу шляхетского ополчения или коронного войска, а до его прибытия закрывшиеся в замке мещане должны были отбиваться из всех возможных типов огнестрельного оружия, которые были в нем складированы и столь дотошно переписывались ревизорами. В этом отношении примечательна люстрация 1552 г., в которой указаны даты выпуска хранившихся в замке пушек. Две самые старые были изготовлены в 1506 г., а две наиболее поздние — в 1525 г.

Кроме поддержания в должном порядке укреплений замка и города, Жолкевский нес ответственность и за оборону границ всего Киевского воеводства, а реально и соседнего Брацлавского, составлявших вместе южное пограничье Речи Посполитой. В решении связанных с этим вопросов ярко проявлялся его талант дипломата. Ему неоднократно приходилось вести переговоры с турецким пашой, крымским ханом и молдавским господарем по урегулированию постоянно возникавших из-за пограничных столкновений и шляхетских авантюр конфликтных ситуаций. Несмотря на отсутствие у него значительных реальных воинских контингентов, Жолкевскому в ряде случаев удавалось добиваться серьезных дипломатических уступок.

В 1617 г. князь Корецкий в очередной раз вторгся в Молдавию для участия в смене ее господаря, но потерпел поражение и попал в плен. В ответ турки подтолкнули татар к набегу на Украину, и ситуация грозила перерасти в открытую войну, но Жолкевскому удалось удержать ее под контролем и подписать со Скиндер-пашой мир. Признанием дипломатических успехов Жолкевского

стало вручение ему в 1618 г. Сигизмундом III булавы великого гетмана.

Сигизмунд III — польский король

В 1619 г. Жолкевский подписал от имени правительства Роставицкое соглашение с запорожскими казаками об увеличении реестра и выплате им денег, причитавшихся за московский поход. Это было сделано очень вовремя, поскольку в 1620 г. Польша вступила в большую войну с Турцией и семидесятилетний великий гетман отправился из Киева в свой последний поход под Цецору.

Бой под Цецорой длился 10 дней, уставшее польское войско дрогнуло, и Жолкевский был вынужден начать отступление к

Могилеву-Подольскому. Он прошел 165 км, преследуемый противником и остановился в 6 км от города для отдыха. Почувствовав при виде его крепости себя в безопасности, солдаты начали мелкими группами самовольно покидать лагерь. Напавший в этот момент на лагерь небольшой татарский отряд был принят за целое войско, и началась паника, переросшая в стихийное отступление, пока татары были заняты разграблением обоза. Вместе с остальными лагерь покинул и Жолкевский, который с больными ногами шел пешком, его даже не взяли на коня. Гетман не дошел до города 5 км. Его тело нашли на следующий день с отрубленной ру-

кой и пробитым черепом. В этой же битве в плен попал и Богдан Хмельницкий.

На смену Жолкевскому в Киев прибыл воеводой Томаш (Фома) Замойский, личность прямо противоположная своему предшественнику. Сын знаменитого канцлера, он не обладал талантами отца, хотя и получил хорошее образование, обучаясь в Голландии, Англии, Италии и Франции. Им была даже написана работа по фортификации.

В качестве воеводы двадцатилетний Замойский в конце октября 1619 г. въехал в Киев, имея на руках большую печать воеводства, переданную ему Жолкевским. Приезд нового воеводы был обставлен очень пышно и надолго запомнился киевлянам.

Встречать его за город выехало большое количество шляхты, почетный караул запорожских казаков и магистрата, который и сопровождал Замойского до кафедрального католического собора на Подоле. После молебна Замойский со свитой быстро поднялся в расположенный напротив замок, где быстро составил акт, что замок у короля он принял, и также быстро спустился на Подоле к городской ратуше, в которой ему были отведены покои. В ратуше был устроен пышный банкет по случаю прибытия нового воеводы, на котором присутствовали все чиновники замка, шляхта, полковники коронного и запорожского войск, перед которыми Замойский долго говорил о «гуманизме». Весь день до поздней ночи в городе палили в честь воеводы из замковых, магистратских и казацких пушек.

Весь следующий день Замойский занимался делами воеводства, над которыми и просидел в канцелярии в замке до 7 часов вечера. Затем им в замке были открыты судебные рочки (сессия воеводского суда), на которых Замойский приговорил к смертной казни некоего Немержича, виновного в нападениях на дворы шляхты и убийствах, что и было приведено в исполнение на лобном месте перед замком. После закрытия судебной сессии и окончания разбора дел воеводства он еще три недели прожил

в Киеве и развлекался организацией турниров среди солдат, а также соревнований по метанию копья. Победителей воевода одаривал призами в виде коня, доспехов и цветов.

От Сигизмунда III воевода имел тайную инструкцию по приведению в подчинение униатскому митрополиту Иосифу Вельямину-Рутскому православных священников Подола и оказанию содействия королевской комиссии, расследовавшей дело об убийстве казаками наместника этого митрополита Антонина Грековча в 1618 г. В Киеве в связи с этим на шумевшим убийством обострилась межконфессиональная борьба, и Вельямин-Рутской наложил на город единственный раз в его истории интердикт (проклятие, запрещавшее богослужение и проведение церковных обрядов крещения, отпевания и других). Магистрат и священники киевских православных храмов игнорировали этот запрет, и сохранялась угроза нового столкновения. Замойскому на некоторое время удалось смягчить напряжение, подкупив магистрат.

В конце ноября или начале декабря воевода оставил Киев и больше в городе никогда не появлялся, хотя сохранял за собой эту должность до 1628 г., а титул — до самой смерти в 1649 г. Управление городом он возложил на своих наместников.

По прибытию в Варшаву Замойский доложил Сигизмунду III, что в Киеве дела запущены, полное своеволие, а порядок в городе будет только тогда, когда в замке будет сидеть рота коронных солдат, которой там сейчас нет.

В 1620-х гг. Замойский занимался урегулированием вопроса о невыплаченном жаловании запорожцам за участие в Хотинской войне и создал комиссию по регламентации их прав и обязанностей, которая за несколько лет так и не собралась. В 1627 г. стал подканцлером королевства, а в 1635 г. — канцлером и прославился на этих постах как бездарный администратор. Будучи членом сейма, вошел в тройку лиц (канцлер Жадзик и хелмский епископ), отказавшихся подписать и приложить печати к диплому, выданному королем Владиславом IV митрополиту Петру Могиле на

открытие в Киеве Коллегиума, ставшего впоследствии знаменитой Киево-Могилянской академией. В истории Польши больше известен как меценат, поддерживавший академию в Замостье, основанную его отцом.

С 1630 г. киевским воеводой официально стал Януш Теодорович Тышкевич, хотя в решении королевского суда за 1627 г. он уже назван воеводой и, скорее всего, действительно исполнял его обязанности от имени отсутствующего Замойского. Был местным уроженцем из литовских бояр или татар, служивших еще при Владими́ре Ольгердовиче. Занимал пост житомирского старосты и, следуя традиции, заложенной Константином Острожским, проводил все воеводские сеймики не в Киеве, а в Житомире.

Будучи католиком, в эпоху контрреформации при Сигизмунде III активно, но обычно безуспешно, поддерживал в Киеве униатов. 13 сентября 1627 г. попытался поставить своего православного брата Германа архимандритом Печерского монастыря, но опоздал на день, поскольку братия 12 сентября уже успела избрать Петра Могилу. Несмотря на то что приведенное братьями войско стучало оружием в Троицкие ворота монастыря и всячески угрожало, его монахи отказались проводить новые выборы и подписать привезенный Тышкевичами протокол об избрании Германа.

Владислав IV — польский король

В 1631 г. воеводе повезло больше, он таки сумел организовать избрание Германа игуменом Михайловского Златоверхого монастыря и уйти от столкновения в Киеве в момент выборов с казаками, выдвигавшими кандидатом Антона Мужиловского, выполнив тем инструкцию Сигизмунда III. Но избежать массового восстания казаков не удалось, и в 1630 г. Тышкевич торжественно встречал в городе коронного гетмана Станислава Конецпольского с войском, прибывшим для подавления восстания Гуни и Острияницы. Конецпольский оправдал надежды воеводы — киевляне, участники восстания, полковник Кизима с сыном были посажены на кол на лобном месте перед замком.

Но это не содействовало росту влияния Тышкевича в городе, а скорее наоборот, и он, подобно Константину Острожскому, старался реже бывать в замке, предпочитая ему свое имение в Махновке на Житомирщине. После смерти Сигизмунда III в 1632 г. и избрания королем Владислава IV, отказавшегося от политики контрреформации и видевшего в казаках союзника для укрепления своей власти, положение Тышкевича как киевского воеводы сильно пошатнулось.

Петр Могила, ставший в 1632 г. киевским митрополитом при поддержке нового короля, начал активно возвращать церкви и имущество, отобранные униатами. В 1633 г. он с помощью казаков изгнал униатов из Пустынно-Никольского монастыря и Софийского собора. Зная, что митрополит не забыл историю своего избрания пять лет назад архимандритом Печерского монастыря и роль в ней Тышкевича, воевода предпочел во время этих бурных событий отси-

Киевский митрополит
Петр Могила

даться в Махновке, откуда лишь слал письма Петру Могиле, вежливо полемизируя о незаконности его действий.

В наступление на воеводу перешел и магистрат. В 1635 г. он добился королевского постановления, по которому освобождался от отчетности перед воеводой о своих доходах и состоянии городского бюджета, к магистрату перешло и право сбора ряда налогов, в том числе и от продажи спиртных напитков, за счет которого производился ремонт укреплений и содержание киевского замка. Теперь эти работы стал финансировать и определять их объем сам магистрат, а организация их исполнения возлагалась на воеводскую администрацию.

Следующим ударом для воеводы стал июнь 1638 г., когда отряд казаков с полковником Богданом Бардаченком попытался штурмом овладеть городом и замком, что закончилось большим пожаром на Подоле. Не трудно представить, какие чувства у стареющего Тышкевича вызвали известия о продвижении с мая 1649 г. войск Богдана Хмельницкого.

Сменивший его в 1649 г. на этом посту Адам Кисель стал единственным киевским воеводой времен Речи Посполитой, который в сравнении со своими предшественниками настолько долго проживал в замке, что этот непривычный для киевлян факт, тем более в бурное военное время, привел к переименованию горы в обиходе из Замковой в Киселевку. Впрочем сам семидесятилетний Адам Кисель меньше всего к этому стремился и был всего лишь честным исполнителем миссии посредника между казаками и правительством, возложенной на него королем Яном II Казимиром.

Выбор короля определялся тем, что Кисель был православным и долгое время возглавлял пограничное Брацлавское воеводство, благодаря чему был хорошо известен в казацкой среде. Именно поэтому ему и отводилась роль главной фигуры в переговорах с казаками в начале войны. Поскольку Богдан Хмельницкий при заключении 8 августа 1649 г. Зборовского мира настоял, чтобы

на контролируемой им территории все правительственные чиновники были православными, то Кисель, занимавший с 1646 по 1648 гг. пост каштелянина (смотрителя) киевского замка, был самой подходящей кандидатурой на должность киевского воеводы вместо умершего в 1649 г. Тышкевича.

Дом воеводы Адама Киселя (реконструкция П. Юрченко)

Уже в качестве воеводы Кисель прибыл в Киев 25 октября 1649 г. и расположился в замке в прекрасном двухэтажном доме, построенном им еще во время своего каштелянства. Изображение дома воеводы в замке сохранилось на рисунке 1651 г. голландского художника Абрагама ван Вестерфельда. Поскольку Адам Кисель имел на Подоле еще и собственный двор, купленный в 1647 г., то выбор им для проживания замка должен был показать всем, что в город возвращается королевская власть и порядок будет восстановлен. В этом же доме в замке он вскоре принял и Богдана Хмельницкого, с которым обсуждал выполнение условий Зборовского договора в Киеве. Ему удалось достичь взаимопонимания с гетма-

ном, и окрыленный этим Кисель приступил к исполнению обязанностей воеводы, но не учел, насколько глубоко изменились политическая ситуация и психологическое сознание горожан.

С одной стороны, Кисель пошел навстречу чиновникам магистрата и осуществил их давнюю мечту — передал в аренду городу все замковые угодья, которые до этого сдавались в аренду близким к воеводской администрации лицам¹⁴¹. В аренду под складские помещения был дан магистрату и сам замок, оборонять который в случае нападения у Киселя все равно не было сил. Но в то же время воевода, пользуясь своей властью, начал возвращать шляхте и католическим монахам отнятое у них во время погрома 1649 г. имущество и даже казнил убийцу какого-то шляхтича. Естественно, такая реставрация старых порядков вопреки условию об амнистии всем участникам боевых действий 1648—1649 гг. вызвала взрыв негодования и казаки с горожанами осадили Киселя в замке в марте 1650 г. Только вмешательство митрополита Сильвестра Косова спасло воеводу от смерти, но он был вынужден покинуть Киев.

Богдан Хмельницкий

В июле следующего 1651 г., воспользовавшись поражением казацкой армии под Берестечком, Киевом овладело литовское войско во главе с польным гетманом Янушем Радзивилом. Заключение в результате этих

неудач Богдана Хмельницкого Белоцерковский договор был почти аналогичен предыдущему Зборовскому, но существенно уменьшал территорию, подконтрольную гетману. Для восстановления королевской власти в начале октября в Киев вновь приехал Адам Кисель, но горожане, вопреки действующему обычаю, не организовали ему торжественной встречи и лишь через две недели «вспомнили» о прибывшем воеводе, прислав ему бочку пива и тушу мяса.

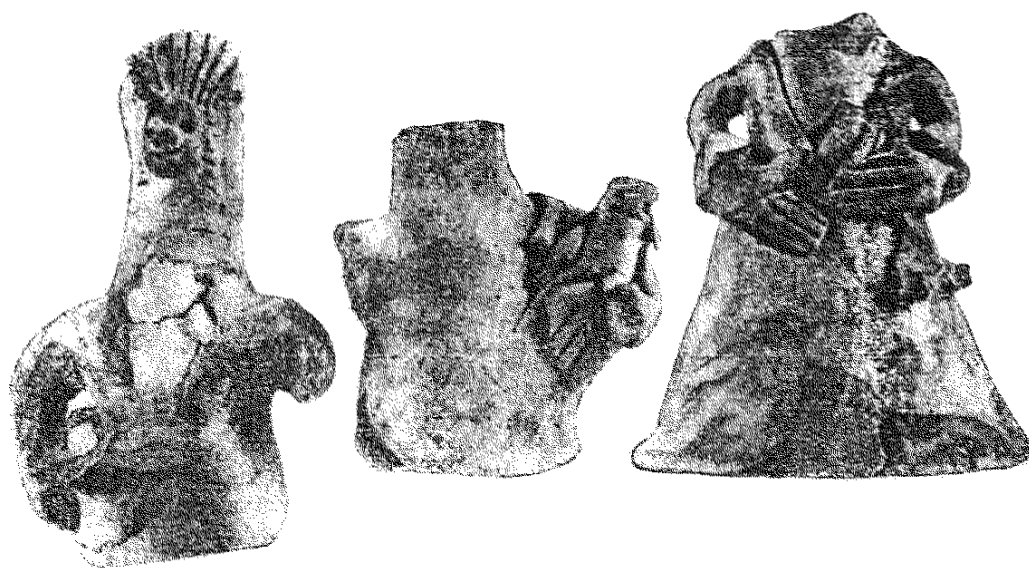
Воевода вновь занял дом в замке, но, наученный предыдущим опытом, особенно активных действий не предпринимал. Как только Кисель узнал о катастрофическом поражении польского войска 25 мая в битве под Батогом, он спешно и уже навсегда покинул замок. В 1653 г. Адам Кисель умер, оставшись реально последним польским киевским воеводой, хотя этот титул в качестве почетного сохранялся в Речи Посполитой до прекращения ее существования в 1795 г. Материальным свидетелем их пребывания в замке остались фрагменты чернолощенной посуды, начавшей поступать с XVII в. в Киев.

После бегства последнего воеводы замок перешел в ведение магистрата. Прибывшие в 1654 г. в Киев московские воеводы в поисках места для строительства новой крепости осмотрели киевский замок, и хотя в нем сохранились башни, они однозначно пришли к выводу, сделанному польскими люстраторами еще в 1570 г., — место расположения замка не удовлетворяет требованиям воинской науки¹⁴². Но, в отличие от своих предшественников, они не ограничились простой констатацией факта, а действительно смогли построить новую крепость на Старокиевской горе, реализовав проект, о котором лишь мечтали в польском сейме.

На месте замка (Послесловие)

Замок продолжал существовать еще сравнительно долго, хотя и был оставлен своими обитателями. Последнее известное упоминание о нем относится к 1658 г. и связано с использованием его укреплений казацким полковником Данилой Выговским, пытавшимся овладеть Киевом, выбив отсюда московский гарнизон¹⁴³. На плане 1695 г., составленном стрелецким полковником Иваном Ушаковым, никаких строений на горе Киселевке не изображено. К этому времени дубовый частокол, опоясывавший замок, был разобран предприимчивыми подолянами. Очевидно, разрушающийся замок во второй половине XVII в. использовался также детьми для игр, о чем свидетельствуют частые находки здесь керамических игрушек в виде популярных лошадок, куколок и других фигурок зверей и людей.

Детские игрушки XVII—XVIII вв.

Один из первых исследователей киевской старины Н.В. Закревский писал в середине XIX в., что пустующая уже 200 лет Замковая гора используется киевлянами как место для гуляний и пикников, а иногда на ней устраивают кулачные бои. Его наблюдения подтверждаются большим количеством находок битой посуды, курительных трубок и других бытовых предметов того времени.

В 1840 г. гора была передана расположенному под ней Фроловскому женскому монастырю для захоронения его монахинь. Но монастырь очень быстро превратил ее в респектабельное городское кладбище. Здесь хоронили князей, чиновников, военных, купечество, а более дешевый нижний ярус террасы горы занимали профессора Киевской духовной академии. В 1895 г. годовой доход монастыря от предоставления места на кладбище составлял 30 тысяч рублей плюс проценты по этой сумме¹⁴⁴.

В 1857 г. на горе была построена каменная кладбищенская церковь Святой Троицы, а к 1859 г. проложена извилистая дорожка для траурных процессий. В 1918 г. кладбище было закрыто в связи с ликвидацией самого монастыря органами советской власти в Киеве. В 1919 г. здесь похоронили 14 сечевых стрельцов, погибших в стычке с деникинцами. В 1930-е гг. кладбищенская церковь была разобрана.

К сожалению, решение о превращении пустующей горы в кладбище было принято городскими властями в середине XIX в., когда археология Киева только начинала привлекать к себе внимание, а вопрос об исследовании и охране памятников понимался весьма специфически. В этом отношении показательна история раскопок К.А. Лохвицким древнерусской церкви на ул. Владимирской возле современного здания Службы безопасности Украины, который он считал храмом святой Ирины, построенным Ярославом Мудрым в честь своей жены. После того как в 1833 г. им были раскрыты остатки стен храма, сохранившихся, что уникально, на высоту больше роста человека, предприимчивые дельцы разобрали их, выгодно продав 320 м³ древнего кирпича на строительство и мощение улиц¹⁴⁵.

Возникшее на Замковой горе кладбище также нанесло существенный урон этому уникальному памятнику Киева, где сохранялись культурные слои многих веков, абсолютно неповрежденные позднейшей застройкой. Спорадические раскопки и наблюдения, проводившиеся здесь с большими интервалами в 1870—1890-е гг. К.А. Ставровским, Н.Ф. Беляшевским и В.В. Хвойкой, продемонстрировали высокий потенциал горы для решения многих вопросов в истории Киева, но были небольшими по площади.

В 1928—1929 гг. гора была включена как объект исследований в программу семинара по археологии и музейному делу, организованному археологическим отделом Всеукраинского исторического музея имени Т.Г. Шевченко в Киеве. В 1932—1933 и 1940 гг. небольшие раскопки на ее северо-западном склоне вели С.С. Магура, Е.В. Козловская и Н.В. Геппнер. Их общая площадь не превысила 300 м².

В 1943 г. на Замковой горе сооружено одноэтажное здание радиотрасляционной станции. Это был один из по-своему загадочных объектов в истории горы, который киевляне считали станцией для глушения антисоветских радиопередач.

В 1948 г. В.А. Богусевич провел разведывательные раскопки в северной части горы и на ее террасах общей площадью 96 м². В 1977 г. поисками фундаментов церкви, виденной в 1897 г. Н.И. Петровым, занимался В.А. Харламов. В 1999 г. в центральной части горы нами было раскрыто еще 50 м².

Учитывая, что общая площадь всех перечисленных изысканий не превышает 2—3 % территории горы, их можно считать лишь разведывательными, а полученные данные — не достаточными для решения научно-исторических проблем, круг которых очерчен в этой книге. Несомненно, стационарные и планомерные раскопки дадут возможность по-новому взглянуть на историю древнего города, а музеефикация открытых археологических объектов и восстановление киевского замка, над созданием экспозиции которого сейчас работает коллектив Музея «Замковая гора», позволят всем желающим непосредственно прикоснуться к живой истории.

Вищі урядовці Київського воєводства
часів Речі Посполитої.
(Список укладений Р.А. Сегедою)

КИЇВСЬКІ ВОЄВОДИ

Прізвище	Термін обіймання посади	Джерело
Василь-Костянтин Острозький	1559—1608 рр.	<i>Litwin H.</i> Napływ szlarchy polskiej na Ukrainę 1569—1648. — Warszawa, 2000. — S. 203; Київський літопис першої чверті XVII ст. // УІЖ. — 1989. — № 5. — С. 108.
Станіслав Жолкевський	1608—1619 рр.	<i>Litwin H.</i> Op. cit. — S. 203; <i>Witusik A.</i> Młodość Tomasha Zamojskiego. — Lublin, 1977. — S. 154.
Томаш Замойський	1619—1628 рр.	<i>Litwin H.</i> Op. cit. — S. 203; <i>Witusik A.</i> Op. cit. — S. 198—199.
Олександр Заславський	1628—1629 рр.	АЮЗР. — СПб., 1865. — Т. 2. — № 70; <i>Niesecki K.</i> Herbarz polski. — Lipsk, 1845. — Т. 10. — S. 96.
Стефан Хмелецький	1630 р.	<i>Dobrowolska W.</i> Chmielecki S. // Polski słownik biograficzny. — Krakow, 1937. — Т. 3. — S. 320.
Януш Тишкевич	1630—1649 рр.	<i>Litwin H.</i> Op. cit. — S. 203; <i>Яковенко Н.М.</i> Українська шляхта з кінця XIV — до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). — К, 1993. — С. 109.

Київські підвоєводи

Михайло Мишка- Варковський	1569–1570 рр.	<i>Litwin</i> H. Op. cit. — S. 211; ОАК № 2044 (Луцкая городская, записовая и поточная книга 1570 г.) Сост. О.И. Левицкий — К., 1888. — С. 5.
Василь Рай	1571–1572 рр. та 1577 р.	<i>Litwin</i> H. Op. cit. — S. 211; АЗР. — СПб., 1847. — Т. 3. — С. 163, 211.
Владислав Збаразький	1573–1575 рр.	<i>Litwin</i> H. Op. cit. — S. 211.
Остафій Ружинський	1576–1582 рр.	РДАДА. — Ф. 1473. — Оп. 1. — спр. 964. — Арк. 1; АЗР. — СПб. — 1847. — Т. 3. — С. 269.
Григорій Мацевич	1582 р.	<i>Litwin</i> H. Op. cit. — S. 211.
Матуш Воронецький	1582–1592 рр.	<i>Litwin</i> H. Op. cit. — S. 211; ОАК № 8 (Житомирская городская поточная книга 1582–1588). — К., 1869. — С. 46.
Філон Стрибиль	1592 р.	ІР НБУВ — Ф. 2, оп. 1, спр. 22617. — Арк. 1.
Ян Аксак	1592–1600 рр.	<i>Litwin</i> H. Op. cit. — S. 211.
Вацлав Вільгорський	1600–1608 рр.	ІР НБУВ. — Ф. 2, оп. 1, спр. 1431. — Арк. 1.
Михайло Мишка- Холневський	1608–1618 рр.	<i>Litwin</i> H. Op. cit. — S. 211.
Микола Івашевич- Макаревич	1620 р.	<i>Rulikowski</i> E. Opis powiatu kijowskiego. — Kijow; Warszawa, 1913. — S. 183.

Теодор Єлець	1620–1625 рр.	ЦДІАУЛ. — Ф. 140, оп. 1, спр. 125. — Арк. 12; РДІА. — Ф. 823; оп. 1, спр. 524.
Олександр Солтан	1626–1628 рр.	РДІА. — Ф. 823, оп. 1, спр. 528. — Арк. 1
Мартин Климович	1628 р.	Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. — М., 1954. — Т. 1. — С. 406.
Олександр Кросницький	1632 р.	<i>Rulikowski E.</i> Opis powiatu kijowskiego. — Kijow; Warszawa, 1913. — S. 183.
Ян Ліплянський	1632–1634, 1638, 1641 рр.	Исторический сборник Муханова. — СПб., 1866. — № 252. — С. 4 80; ЦДІАУЛ. — Ф, 140, оп. 1, спр. 125. — Арк. 1, 14, 24; Україна... — С. 22
Ян Вигура	1634 р.	ІР НБУВ. — Ф. 61, оп. 1, спр. 844. — Арк. 1.
Ян Млотковський	1635 р.	ЦДІАУЛ, ф. 140, оп. 1 . — Спр. 125. — Арк. 4.6.
Петро Брудновський	1640 р.	ІР НБУВ. — Ф. 2, оп. 1, спр. 1446. — Арк. 1.
Федір Мостицький	1641 р.	<i>Rulikowski E.</i> Opis powiatu kijowskiego. — Kijow; Warszawa, 1913. — S. 183.
Войтех Єндровський	1644, 1646 рр.	Україна... — № 21; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. — М., 1954. — Т. 1. — С. 431.
Ян Витинський	1645 р.	ДАК. — Ф. 1, Оп. 1, Спр. 1. — Арк. 1.

Станіслав Бочковський	1645 р.	Україна... — С. 65.
Олександр Ленкевич	1646—1647 рр.	ІР НБУВ. — Ф. 1, оп. 1, спр. 4104, № 1233. — Арк. 107; VL. — SPb., 1859. — Т. 4. — С. 71.

Каштеляни київського замку

Павло Сапега	1566—1580 рр.	<i>Litwin</i> H. Op. cit. — S. 204; <i>Яковенко</i> Н.М. — Зазнач. праця. — С. 109.
Михайло Вишневецький	1581—1584 р. р.	Руська (Волинська) метрика. Регести документів коронної канцелярії для українських земель. — К., 2002. — С. 303.
Іван Чаплич- Шпановський	1585—1604 (8) ? рр.	Руська (Волинська) метрика... — С. 303. <i>Chodyncki</i> K. <i>Czaplicz-Szpanowski</i> J. // PSB. — 1938. — Т. 4. — S. 170.
Юрій Вишневецький	1609—1618 рр.	<i>Wolff</i> J. <i>Kniaziowie litewsko-ruscy. Od konca czternastego wieku.</i> — Warszawa, 1895. — S. 560.
Адам Сангушко	1618—1621 рр.	Руська (Волинська) метрика... — С. 606; <i>Klaszewski</i> W. <i>Sanguszko</i> A. // PSB. — 1993. — Т. 34. — S. 447.
Гаврило Гойський	1621—1632 рр.	<i>Urban</i> W. <i>Hojski</i> H. // PSB. — Wr. — W. — Kr. — 1963. — Т. 10. — S. 25.
Роман Гойський	1632—1635 рр.	Архив ЮЗР. — К., 1861. — Ч. 2. — Т. 1. — С. 173; <i>Urban</i> W. <i>Hojski</i> R. // PSB. — Wr. — W. — Kr. — 1963. — Т. 10. — S. 26.
Мартин Каліновський	1635 р.	<i>Яковенко</i> Н.М. Зазнач. праця. — С. 109 (Польські дослідники його з цією посадою не ідентифікують).

Олександр Пісочінський	1635—1646 рр.	<i>Holdys S.</i> Praktyka parlamentarna za panowania Władysława IV Wazy.- Wrocław, 1991. — S. 133; <i>Яковенко Н.М.</i> Зазнач. праця. — С. 109.
Адам Кисіль	1646—1648 рр.	Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. — М., 1954. — Т. 1. — С. 415; <i>Litwin H.</i> Op. cit. — S. 204.

Примечания

¹ Круц В.О. Нові матеріали трипільської культури у Києві // Археологія. — 1976. — Вип. 16. — С. 93—95; Круц В.А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. — К., 1977. — С. 13, 79, 83—84; Звіт про археологічні дослідження Старокиївської експедиції у 1996 р. у Києві по вул. Стрітенській, 10 / Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Климовський С.І. та ін. // НА ІА НАНУ. — С. 3—5.

² Пачкова С.П. Територія Києва на рубежі нашої ери // Стародавній Київ. — К., 1975. — С. 202.

³ Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев? — К., 1964. — С. 36—37.

⁴ Максимов Є.В. Античний імпорт на Середньому Подніпров'ї в зарубинецький час // Археологія. — 1963. — Вип. 15. — С. 110—122.

⁵ Самойловський І.М. Коли виник Київ (до 1100-річчя першої літописної згадки про Київ) // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. — 1961. — № 6. — С. 22—23.

⁶ Петров В.П. Про першопочатки Києва (до 1100-річчя першої літописної згадки про Київ) // УІЖ. — 1962. — № 3. — С. 14—21; Брайчевський М.Ю. Коли і як виник Київ? — К., 1963. — С. 49—52.

⁷ ПВЛ. — 1950. — Ч. 1. — С. 12—13.

⁸ Рыбаков Б.А. Город Кия // ВИ. — 1980. — № 5. — С. 32—34.

⁹ Берлинський М.Ф. Історія міста Києва. — К., 1991. — С. 28; Максимович М.О. Киевъ явился градом великимъ... — К., 1994. — С. 101—102.

¹⁰ Толочко О.П. Замітки з історичної топографії домонгольського Києва // КС. — 1997. — № 5. — С. 152—153.

¹¹ Петров Н.И. Историко-топографические очерки древнего Киева. — К., 1897. — С. 5—8, 10, 26.

¹² Толочко О.П. Зазнач. праця. — 1997. — С. 154—161; Климовський С.І. Соціально-історична топографія Києва XVI — середини XVII століття. — К., 2002. — С. 98—100.

¹³ Софонович Феодосій. Хроніка з літописців стародавніх. — К., 1992. — С. 58; Киевский синопсис или краткое собрание от разных летописцев. — К., 1836. — С. 22.

¹⁴ Берлинський М.Ф. Зазнач. праця. — К., 1991. — С. 28; Максимович М.О. Зазнач. праця. — К., 1994. — С. 52.

¹⁵ Ляскоронский В.Г. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. — СПб., 1913.

¹⁶ Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев? — К., 1964. — С. 73—74; Шовкопляс Г.М. Найдавніша місцина Києва // ПУ. — 1981. — № 1. — С. 18—19.

¹⁷ Антонович В.Б. О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве // Труды IV археологического съезда. — Казань, 1884. — Т. 1. — С. 42—44; Его же. Археологические находки и раскопки в Киевской губернии в 1876 г. // ЧИОНА. — К., 1879. — Кн. 1. — С. 250—251.

¹⁸ Петров Н.И. Указ соч. — К., 1897. — С. 29—35.

¹⁹ АЛЮР. — К., 1899. — С. 93.

²⁰ Максимов Е.В. Раскопки памятников зарубинецкой культуры в 1965—1966 гг. // АИУ 1965—1966 гг. — К., 1967. — Вып. 1. — С. 157; Максимов Е.В., Орлов Р.С. Могильник X ст. на горі Юрковиця в Києві // Археологія. — 1982. — Вип. 40. — С. 63—72.

²¹ Максимов Е.В. Раскопки на Юрковице в 1965 г. // НА ІА НАНУ. — Од. збер. 1965/1Ж. — С. 7—8.

²² Максимов Е.В. Указ. соч. — 1965. — С. 6, 9.

²³ Сборник материалов для исторической топографии древнего Киева. — К., 1874. — Ч. 3. — С. 127.

²⁴ Толочко П.П. Історична топографія стародавнього Києва. — К., 1972. — С. 67—69.

²⁵ Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Климовський С.І. Звіт про археологічні дослідження Старокиївської експедиції Інституту археології НАН України у м. Києві в 2000 р. на вул. Володимирській, 20–22) // НА ІА НАНУ; Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Климовський С.І. Звіт про археологічні дослідження за трасою траншеї газопроводу у 1999 р. (вул. Володимирська — Рильський провулок — вул. Стрілецька — вул. Рейтарська) // НА ІА НАНУ.

²⁶ Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Климовський С.І. та ін. Звіт про археологічні дослідження Старокиївської експедиції ІА НАНУ у м. Києві в 1994 р. на вул. В.Житомирській, 11 // НА ІА НАНУ.

²⁷ Мовчан І.І., Климовський С.І. Звіт про археологічні дослідження Старокиївської експедиції Інституту археології НАНУ у 2003 р. в м. Києві на вулиці Ірининській, 5–7 та Михайлівському провулку, 22–24 // НА ІА НАНУ.

²⁸ Толочко О.П. Зазнач. праця. — С. 160.

²⁹ Рыбаков Б.А. Предпосылки образования древнерусского государства // Очерки истории СССР. III—IX вв. — М., 1958. — С. 776.

³⁰ Боровський Я.Є. Походження Києва. Історіографічний нарис. — К., 1981.

³¹ Боровський Я.Є. Походження Києва. Історіографічний нарис. — К., 1981. — С. 16.

³² Каргер М.К. Древний Киев. — М.; Л., 1958. — Т. 1. — С. 98–103. К этому же выводу, проделав сходную работу, пришел в 1940 г. и И.О. Иванцов, но из-за начавшейся войны она не была опубликована и вышла в печати лишь в наше время: Иванцов І.О. Стародавній Київ. — К., 2003.

³³ Петрашенко В.О. Слов'янська кераміка VIII—IX ст. правобережжя Середнього Подніпров'я. — К., 1992. — С. 39.

³⁴ ПВЛ. — Ч. 1. — С. 13.

³⁵ Рыбаков Б.А. Город Кия // ВИ. — 1980. — № 5. — С. 32–34.

³⁶ Рыбаков Б.А. Указ. соч. — 1980. — № 5. — С. 32.

³⁷ Татищев В.Н. История Российская. — М.; Л., 1963. — Т. 2. — С. 98.

³⁸ Каргер М.К. Указ. соч. — М.; Л., 1958. — Т. 1. — С. 103.

³⁹ *Брайчевский М.Ю.* Когда и как возник Киев? — К., 1964. — С. 79—80; *Брайчевский М.Ю.* Утверждение христианства на Руси. — К., 1989. — С. 33.

⁴⁰ *Брайчевский М.Ю.* Когда и как возник Киев? — К., 1964. — С. 95—102; *Его же.* Утверждение христианства на Руси. — К., 1989. — С. 34—37. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. — М., 1963. — С. 32—35; *Его же.* Город Кия // *ВИ.* — 1980. — № 5; *Его же.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIV вв. — М., 1982. — С. 94.

⁴¹ *Толочко П.П.* Історична топографія стародавнього Києва. — К., 1972. — С. 49—51.

⁴² *Толочко П.П.* Зазнач. праця. — К., 1972. — С. 49.

⁴³ *Корзухина Г.Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // *СА.* — М., 1958. — Т. 22. — С. 76—78.

⁴⁴ *Каргер М.К.* Указ. соч. — М.; Л., 1958. — Т. 1. — С. 96.

⁴⁵ *Брайчевский М.Ю.* Указ. соч. — К., 1964. — С. 87.

⁴⁶ *Толочко П.П.* Зазнач. праця. — К., 1972. — С. 47—48.

⁴⁷ *Каргер М.К.* Указ. соч. — С. 81, сноска 2.

⁴⁸ *Каргер М.К.* Указ. соч. — С. 96.

⁴⁹ *Корзухина Г.Ф.* Указ. соч. — М., 1958. — С. 76—77; *Каргер М.К.* Указ. соч. — С. 92; *Брайчевский М.Ю.* Указ. соч. — С. 83; *Толочко П.П.* Назв. праця. — С. 43, 45.

⁵⁰ АЛЮР. — К., 1899. — С. 93—95.

⁵¹ *Максимович М.А.* Обзорение старого Киева // Киев явился градом великим... — К., 1994. — С. 53.

⁵² *Софонович Феодосій.* Зазнач. праця. — К., 1992. — С. 68; Киевский синопсис или краткое собрание от разных летописцев. — К., 1836. — С. 2.

⁵³ *Сагайдак М.А.* Давньокиївський Поділ. — К., 1991. — С. 21.

⁵⁴ *Петров Н.И.* Указ. соч. — С. 103—106; *Голубев С.Т.* Спорные вопросы о древней топографии Киева. — К., 1910.

⁵⁵ *Бліфельд Д.І.* До питання про Боричів узвіз стародавнього Києва // *Археологія.* — К., 1948. — Т. 2. — С. 130—144.

⁵⁶ *Гупало К.Н.* Подол в древнем Киеве. — К., 1982. — С. 34; *Сагайдак М.А.* Зазнач. праця. — С. 20.

- ⁵⁷ Бліфельд Д.І. Назв. праця. — С. 138—139.
- ⁵⁸ Рыбаков Б.А. Указ. соч. — 1980. — № 5. — С. 42—44; Толочко П.П. Древний Киев. — К., 1983. — С. 67.
- ⁵⁹ Берлинський М.Ф. Зазнач. праця. — К., 1991. — С. 271, коментар 19.
- ⁶⁰ Рыбаков Б.А. Указ. соч. — 1980. — № 5. — С. 44—45.
- ⁶¹ [Магура С.С.] Розкопки в Києві на горі Киселівці в 1940 р. // Археологія. — К., 1947. — Т. I. — С. 147.
- ⁶² Браїчевський М.Ю. Римська монета на території України. — К., 1959. — С. 85.
- ⁶³ Толочко П.П. Зазнач. праця. — С. 53.
- ⁶⁴ [Магура С.С.] Зазнач. праця. — К., 1947. — Т. I. — С. 147—149.
- ⁶⁵ Богусевич В.А. Розкопки на горі Киселівці // АП. — К., 1952. — Т. 3. — С. 66—67.
- ⁶⁶ Мовчан І.І., Климовський С.І. Звіт про археологічні дослідження у м. Києві в 1999 р. на Замковій горі // НА ІА НАНУ. — С. 14—15.
- ⁶⁷ Магура С.С. До питання про стару слов'янську кераміку часів родо-племенного ладу (з приводу розкопок на горі Киселівці в Києві 1932 р.) // НЗ ІІМК. — К., 1934. — Кн. 1. — С. 65; [Магура С.С.] Зазнач. праця. — С. 147.
- ⁶⁸ Шовкопляс А.М. Керамические комплексы с горы Киселевки в Киеве // КСИА. — К., 1957. — Вып. 7. — С. 101—102; *Ії ж.* Археологічні пам'ятки гори Киселівки в Києві // Праці Київського державного історичного музею. — К., 1958. — Вып. 1. — С. 139; *Её же.* Раннеславянская керамика с горы Киселевки в Киеве // МИА. — М.; Л., 1964. — С. 140.
- ⁶⁹ Даниленко В.М. Звіт за археологічні дослідження ранньослов'янської експедиції Великий Київ в 1969—1970 рр. // НА ІА НАНУ. — Ф. 1969—70/26а. — С. 21—23; Петрашенко В.О. Зазнач. праця. — С. 17.
- ⁷⁰ Петрашенко В.О. Зазнач. праця. — С. 17.
- ⁷¹ *Shchavalev S.P.* The annalistic legend about Kyi as a model of early state formation // Иерархия и власть в истории цивилизаций. — СПб., 2002. — С. 95.
- ⁷² Орлов Р.С. Правда Руська і керамічне виробництво XI—XII ст. // Старожитності Русі-України. — К., 1994. — С. 166.

⁷³ Шовкопляс Г.М. Зазнач. праця. — К., 1958. — Вип. 1. — С. 141—142.

⁷⁴ Шовкопляс Г.М. Зазнач. праця. — К., 1958. — Вип. 1. — С. 144—149.

⁷⁵ Івакін Г.Ю. Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. — К., 1996. — С. 137.

⁷⁶ Петров Н.И. Указ. соч. — К., 1897. — С. 260.

⁷⁷ Беляшевский Н.Ф. Следы великокняжеской эпохи на горе Киселевке // КС. — 1888. — № 8. — С. 54—55.

⁷⁸ Климовський С.І. Будівельна кераміка Успенського і Софійського соборів Києва // Український музей. (Збірка наукових праць). — К., 2003. — С. 132—140.

⁷⁹ Харламов В.А. Отчет о разведке на Замковой горе в Киеве за 1977 год. — НА ІА НАНУ.

⁸⁰ Івакін Г.Ю. Історичний розвиток Києва XIII — середини X ст. — К., 1996.

⁸¹ Богусевич В.А. — Зазнач. праця. — АП. — К., 1952. — Т. 3. — С. 68.

⁸² ПСРА. — Т. 2. — Стб. 789.

⁸³ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. — СПб., 1892. — С. 118—120.

⁸⁴ Зотов Р.В. Указ. соч. — С. 120; Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. — К., 1885. — С. 53; Охманский Е. Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь. — М., 1974. — С. 358—364; Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. — М., 1966. — С. 158; Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. — К., 1987. — С. 29—32.

⁸⁵ Дашкевич Н.П. Болоховская земля и ее значение в Русской истории // Труды III Археологического съезда. — К., 1878. — Т. 2; Дашкевич Н.П. Еңце разыскания и вопросы о Болохове и Болоховцах // Киевский университет. Известия. — К., 1899. — Кн. 1; Антонович В.Б. Киев, его судьба и значение с XIV по XVI ст. (1362—1569) // КС. — 1881. — № 1. — С. 4; Сергієнко. М. Громадський рух на Вкраїні-Русі в XIII віці // ЗНТШ. — Львів, 1892. — № 1. — С. 1—28.

⁸⁶ Архив ЮЗР. — К., 1869. — Т. 1. — № 35.

- ⁸⁷ ПСРА. — Т. 10. — С. 157—158.
- ⁸⁸ ПСРА. — Т. 35. — С. 47.
- ⁸⁹ История УССР. — Т. 2. — К., 1982. — С. 17.
- ⁹⁰ *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч. — С. 26—30.
- ⁹¹ ПСРА. — СПб., 1843. — Т. 2. — С. 350.
- ⁹² *Івакін Г.Ю.* Зазнач. праця. — К., 1996. — С. 85.
- ⁹³ *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. — СПб., 1994.
- ⁹⁴ ПСРА. — Т. 11. — С. 191.
- ⁹⁵ *Хромов К.К.* К вопросу о начале монетной чеканки на территории Киевского княжества в XIV в. (о «киевских» подражаниях монетам Джанибека) // XII Всероссийская нумизматическая конференция. — М., 2004. — С. 87—88.
- ⁹⁶ Грамоты XIV ст. — К., 1974. — № 18. — С. 37.
- ⁹⁷ Хроника Быховца. — М., 1966. — С. 73.
- ⁹⁸ *Івакін Г.Ю.* Зазнач. праця. — К., 1996. — С. 102.
- ⁹⁹ Барбаро и Контарини о России. — Л., 1971. — С. 211.
- ¹⁰⁰ Хроника Быховца. — М., 1966. — С. 104.
- ¹⁰¹ *Ісаєвич Я.Д.* Нове джерело про історичну топографію і архітектурні пам'ятки стародавнього Києва // Київська Русь: культура, традиції. — К., 1982. — С. 121.
- ¹⁰² *Козубовский Г.А.* Находки монет XIV—XV ст. на территории Киева. — К., 1991. — С. 4.
- ¹⁰³ *Болсуновский К.* Монеты киевских князей XIV в. Опыт историко-нумизматического исследования. — К., 1909. — С. 16.
- ¹⁰⁴ *Козубовский Г.А.* Указ. соч. — К., 1991. — С. 5.
- ¹⁰⁵ *Ивакин Г.Ю., Козубовский Г.А.* Клад 1997 г. из раскопок Михайловского Златоверхого собора // Восьмая ВНК. — М., 2000. — С. 128.
- ¹⁰⁶ *Івакін Г.Ю.* Зазнач. праця. — 1996. — С. 138; *Козубовский Г.А.* Клад пражских грошей с контрмарками из Киева // Stratum. — СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. — № 6. — С. 153—155.
- ¹⁰⁷ *Климовский С.И.* Клады 1240—1241 гг. как показатель денежного обращения Южной Руси XII—XIII вв. // Одиннадцатая ВНК. — СПб., 2003. — С. 159—160.

¹⁰⁸ Івакін Г.Ю. Зазнач. праця. — 1996. — С. 138.

¹⁰⁹ Каманин И. Сообщение послов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и Киевском замке, около 1520 г. // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. — К., 1916. — Вып. 2. — С. 1—10.

¹¹⁰ Архив ЮЗР. — Ч. 7. — Т. 1. — С. 106—122.

¹¹¹ Антонович В.Б. Паны Ходьки, воротилы городского самоуправления в Киеве XVI—XVII вв. // КС. — 1882. — № 2. — С. 251.

¹¹² Боряк Г.В., Яковенко Н.М. Каталог документів з історії Києва XV—XIX ст. — К., 1982. — № 22. — С. 37.

¹¹³ Архив ЮЗР. — Ч. 7. — Т. 3. — С. 2.

¹¹⁴ Акты ЮЗР. — Т. 10. — Стб. 387.

¹¹⁵ Стороженко А.В. Киев 300 лет назад // КС. — 1894. — № 3. — С. 405.

¹¹⁶ Мухин Н. Киево-Братский училищный монастырь. — К., 1893. — С. 334.

¹¹⁷ Архив ЮЗР. — Ч. 7. — Т. 3. — С. 2—4.

¹¹⁸ Ісаєвич Я.Д. Зазнач. праця. — К., 1982. — С. 121.

¹¹⁹ Архив ЮЗР. — Ч. 7. — Т. 3. — С. 31.

¹²⁰ Яковенко Н.М. Нове джерело про київський замок // Архіви України. — 1980. — № 2. — С. 66—67.

¹²¹ *Źródła dziejowe.* — Warszawa, 1877. — Т. 5. — S. 55.

¹²² *Vetera Monumenta Polonae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia... ab Augustio Thenier. Tomus II (1410—1572).* Romae, 1861. — S. 405.

¹²³ Актові книги житомирського міського уряду кінця XVI ст. — К., 1965. — С. 117.

¹²⁴ Акты ЮЗР. — Т. 10. — Стб. 633—635.

¹²⁵ Луцкиий И.В. Киев в 1766 г. // КС. — 1888. — № 1. — С. 52—54.

¹²⁶ *Źródła dziejowe.* — Warszawa, 1894. — Т. 20. — S. 72.

¹²⁷ Архив ЮЗР. — Ч. 7. — Т. 3. — С. 5.

- ¹²⁸ Архив ЮЗР. — Ч. 7. — Т. 3. — С. 4—5.
- ¹²⁹ *Стороженко А.В.* Указ. соч. — С. 406.
- ¹³⁰ Архив ЮЗР. — Ч. 7. — Т. 3. — С. 6.
- ¹³¹ *Климовський С.І.* Зазнач. праця. — К., 2002. — С. 162—169.
- ¹³² Архив ЮЗР. — Ч. 3. — Т. 1. — С. 37.
- ¹³³ *Николайчик Ф.* Первые казацкие движения в Речи Посполитой // КС. — 1884. — № 4. — С. 550.
- ¹³⁴ *Ісаєвич Я.Д.* Зазнач. праця. — С. 121; Сборник материалов... — Ч. 2. — С. 24.
- ¹³⁵ *Муханов П.А.* Исторический сборник. — М., 1866. — С. 168—169; *Закревский Н.В.* Описание города Киева. — М., 1968. — Т. 1. — С. 365—366.
- ¹³⁶ СЛЮЗР. — С. 95; *Мицик Ю.А.* Відображення деяких подій з історії Києва в літопису Яна Бенвільського // УІЖ. — 1982. — № 2. — С. 75.
- ¹³⁷ *Антонович В.Б.* Паны Ходьки, воротилы городского самоуправления в Киеве XVI—XVII вв. // КС. — 1882. — № 2. — С. 251.
- ¹³⁸ *Берлинський М.Ф.* Зазнач. праця. — К., 1991. — С. 104.
- ¹³⁹ Сборник материалов... — Ч. 3. — С. 56.
- ¹⁴⁰ *Климовський С.І.* Зазнач. праця. — К., 2002. — С. 31.
- ¹⁴¹ *Боряк Г.В., Яковенко Н.М.* Зазнач. праця. — К., 1982. — № 188. — С. 64.
- ¹⁴² Акты ЮЗР. — Т. 10. — Стб. 387.
- ¹⁴³ Сборник материалов для исторической топографии древнего Киева. — К., 1874. — Отд. 3. — С. 78.
- ¹⁴⁴ *Проценко Л.А.* Історія київського некрополя. — К., 1995. — С. 200.
- ¹⁴⁵ *Оглоблин Н.Н.* Из бумаг К.А. Лохвицкого // Киевская старина. — К., 1898. — № 7. — С. 244. — Сноска 3.

Сокращения

АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России
АЛИОР	Археологическая летопись Юго-Западной России
АП	Археологічні пам'ятки
Архив ЮЗР	Архив Юго-Западной России
ВИ	Вопросы истории
ВНК	Всероссийская нумизматическая конференция
ІР НБУВ	Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В.І.Вернадського
КС	Киевская старина (Київська старовина)
НА ІА НАНУ	Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України
НЗ ІІМК	Наукові записки Інституту історії матеріальної культури
ОАК	Описание актов ой книги
РДАДА	Російський державний архів давніх актів
РДІА	Російський державний історичний архів у Санкт-Петербурзі
ПВА	Повесть временных лет
ПСРА	Полное собрание русских летописей
ПУ	Пам'ятки України
ЦДІАУЛ	Центральний державний історичний архів України в м. Львові
УІЖ	Український історичний журнал
Україна	Україна перед Визвольною війною 1648—1654 рр.: Збірка документів. — К., 1946.
PSB	PolSKI słownik biograficzny
VL	Volumina Legum

Содержание

Вступление (Попович М.В.)	3
Предисловие	6
Замковая гора и древнейшие поселения в историческом центре Киева	9
Где искать летописную Хоревичу?	18
Можно ли верить «Повести временных лет»?	27
Ремесленный район Киева XI—XIII веков	49
Кто построил киевский замок?	62
Главная крепость Поднепровья	78
Восстановление замка и его застройка	92
Доходы и расходы	102
Под увядающей сенью Речи Посполитой	115
На месте замка (Послесловие)	129
Вищі урядовці Київського воєводства часів Речі Посполитої (Р.А. Сегеда)	132
Примечания	137
Сокращения	146

Науково-популярне видання

КЛИМОВСЬКИЙ СЕРГІЙ ІВАНОВИЧ

ЗАМКОВА ГОРА В КИЄВІ: П'ЯТЬ ТИСЯЧ РОКІВ ІСТОРІЇ

Російською мовою

Художнє оформлення *Холошо Л.*
Технічний редактор *Шалашенко Г.*
Коректор *Бахмацька О.*

Климовський Сергій Іванович – кандидат історичних наук, науковий співробітник Інституту археології НАН України, автор монографії «Соціальна топографія Києва XVI – середини XVII ст.» (2002), а також понад 50 статей та публікацій з історії, археології та нумізматики. З 1988 р. бере участь в археологічних розкопках Києва, під час яких було обстежено близько 2 га площі міста.

Підп. до друку 21.04.2005 р. Формат 60x84/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Lazursky.
Умовн. друк. арк. 9,25. Обл.-вид. арк. 10,9.
Наклад 1000 прим. Зам. №

Видавництво «Стилос»
04070, Київ-70, Контрактова пл., 7
Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 150 від 16.08.2000 р.)

Надруковано ДП «Експрес-Поліграф»
04080, м. Київ, вул. Фрунзе, 47, корп. 2